

Артур Конан Дойл Возвращение Шерлока Холмса

Аннотация

- Пустой дом
- Подрядчик из Норвуда
- Пляшущие человечки
- Одинокая велосипедистка
- Случай в интернате
- Черный Питер
- Конец Чарльза Огастеса Милвертона
- Шесть Наполеонов
- Три студента
- Пенсне в золотой оправе
- Пропаавший регбист
- Убийство в Эбби-Грейндж
- Второе пятно

Пустой дом

The Adventure of the Empty House

First published in Collier's Weekly, Sep. 1903, with 7 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Oct. 1903, with 7 illustrations by Sidney Paget.

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я считал бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным в совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже чем когда бы то ни было осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвра-

щался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискаю повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту, — и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстера, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов — Болдвин, Кэвендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого — в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе газона, отделявшего дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом наступила его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слышал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навывлет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн — убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного

отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все факты, пытаясь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» — и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом № 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; подмышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

— Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? — спросил он странным, каркающим голосом. Я подтвердил его догадку.

— Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

— Не стоит говорить о таких пустяках, — сказал я. — А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

— Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

— Дорогой мой Уотсон, — сказал хорошо знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — вскричал я. — Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

— Погодите минутку, — ответил он. — Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

— Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и нащупал его тонкую, мускулистую руку.

— Нет, это не дух, это несомненно, — сказал я. — Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил трубку. На нем был поношен-

ный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада — кучка седых волос и связка старых книг — лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

— Как приятно вытянуться, Уотсон! — сказал он. — Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах... Дело в том, что я хочу пробить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

— Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

— Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

— Когда и куда вам угодно.

— Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом... Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

— Не были?!

— Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы — «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал трубкой.

— Но следы! — вскричал я. — Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

— Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря м я огла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время прикончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка... Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня до-

носится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время, как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение конечно, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг совсем около меня, ударился о тропинку и низринул в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник — и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, — стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять — третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека — моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам — и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и возглас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба — мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхассу и провел несколько дней у далай-ламы¹.

Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что-то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме... Отчет об этом визите был затем представлен мною министру иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только

¹ Далай-лама — в то время верховный правитель Тибета (духовный и светский); город Лхасса был местом пребывания далай-ламы.

сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это — чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худошавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

— Работа — лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, — сказал он, — а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь. Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

— Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, — ответил он. — А пока что у нас и без того есть о чем поговорить — ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилося в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквера. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

— Знаете ли вы, где мы? — шепотом спросил он.

— Кажется, на Бейкер-стрит, — ответил я, глядя через мутное стекло.

— Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

— Но зачем мы пришли сюда?

— Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено

начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точна копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

— Ну? — спросил он.

— Это просто невероятно! — прошептал я.

— Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее, — сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любующегося своим творением. — А ведь правда похож?

— Я готов был бы поклясться, что это вы.

— Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

— Но зачем вам понадобилось все это?

— У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

— Так вы думаете, что за квартирой следят?

— Я знаю, что за ней следят.

— Кто же?

— Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они — и только они — знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

— Но как вы догадались об этом?

— Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный музыкант. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой — тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, — самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы — мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много, почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным взгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

— Фигура шевельнулась! — воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, стелкаясь с проявлениями ума, менее тонкого, чем его собственный.

— Разумеется, она шевельнулась, — сказал он. — Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден... Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре.

В полном безмолвии я слышал свистящее дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги слышались в коридоре — шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и, крадучись, двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался

к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо.

Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не щелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежещущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним — изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

— Это вы, Лестрейд? — спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

— Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год — многовато, Лестрейд. Но дело о тайнее Молей вы вели не так уж... то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно...

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил шторы. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке была заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избородившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствующими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

— Дьявол! — шептал он. — Хитрый дьявол!

— Итак, полковник, — сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, — все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, — помните, когда я лежал в той расщелине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

— Дьявол, сущий дьявол! — снова и снова повторял он.

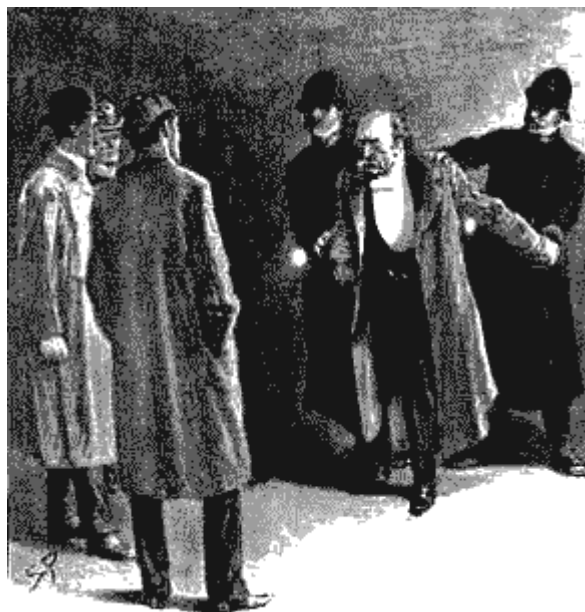
— Я еще не представил вас, — сказал Холмс. — Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ощетинились.

— Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, —

продолжал Холмс. — Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом — мое дерево, а вы — мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа, — он показал на нас, — мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

— Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, — продолжал Холмс. — Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

— Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, — сказал он, — я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

— Это, пожалуй, справедливо, — заметил Лестрейд. — Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

— Превосходное и единственное в своем роде оружие! — сказал он. — Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, — сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям.

— Это все?

— Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

— Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство мистера Шерлока Холмса.

— О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Бла-

годаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы наконец поймали этого человека.

— Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

— Тот, кого безуспешно искала вся полиция, — полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома № 427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд... А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре — надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка со множеством трубок, даже персидская тупля с табаком — все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

— Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? — спросил Холмс.

— Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

— Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

— Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую — прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

— Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь... А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул старый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

— Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, — сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. — Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

— Нет, никогда.

— Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель...

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М», — сказал он. — Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган — отравитель, и Мерридю, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз — тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черингкросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг. Он протянул мне книгу, и я прочитал: «Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1843 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего британского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: „Охота на крупного зверя в Западных Гималаях“ (1881) и „Три месяца в джунглях“ (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Бэгетель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

— Странно, — сказал я, возвращая Холмсу книгу. — Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы, — ответил Холмс. — До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

— Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

— Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени воспротивился против кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами,

но к помощи его прибегал очень редко — лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1877 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехали в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут, лежа в расщелине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже была бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

— Нет, — ответил я. — Вы еще не объясняли мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

— Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

— Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

— Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто — я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плурует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шулерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе,

он заперся на ключ... Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

— Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

— Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

Подрядчик из Норвуда

The Adventure of the Norwood Builder

First published in Collier's Weekly, Oct. 1903, with 7 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Nov. 1903, with 7 illustrations by Sidney Paget.

— С тех пор, как погиб профессор Мориарти, — сказал как-то за завтраком Шерлок Холмс, — Лондон для криминалистов потерял всякий интерес.

— Боюсь, мало кто из добропорядочных лондонцев согласится с вами, — засмеялся я.

— Да, конечно, нельзя думать только о себе, — улыбнулся мой друг, вставая из-за стола. — Общество довольно, всем хорошо, страдает лишь один Шерлок Холмс, который остался не у дел. Когда этот человек был жив, утренние газеты были источником неистощаемых возможностей. Едва уловимый намек, случайная фраза — и мне было ясно: гений зла опять замышляет что-то; так, увидев дрогнувший край паутины, мгновенно представляешь себе хищного паука в ее центре. Мелкие кражи, необъяснимые убийства, кажущиеся бессмысленными нарушения закона — но, зная Мориарти, я видел за всем этим единый преступный замысел. В те дни для того, кто занимается изучением уголовного мира, ни одна столица Европы не представляла такого широкого поля деятельности, как Лондон. А сейчас... — И Холмс с шутливым негодованием пожал плечами, возмущаясь результатом своих собственных усилий.

Эпизод, который я хочу рассказать, произошел через несколько месяцев после возвращения Холмса. По его просьбе я продал свою практику в Кенсингтоне и поселился с ним на нашей старой квартире на Бейкер-стрит. Мою скромную практику купил молодой врач по имени Вернер. Он, не колеблясь, согласился на самую высокую цену, какую у меня хватило духу запросить, — объяснилось это обстоятельство через несколько лет, когда я узнал, что Вернер — дальний родственник Холмса и деньги ему дал не кто иной, как мой друг.

Те месяцы, что мы прожили вместе, вовсе не были так бедны событиями, как это представил сейчас Холмс. Пробегая свои дневники того времени, я нахожу там знаменитое дело о похищенных документах бывшего президента Мурильо и трагедию на борту голландского лайнера «Фрисланд», которая едва не стоила нам с Холмсом жизни. Но гордой, замкнутой душе моего друга претили восторги толпы, и он взял с меня клятву никогда больше не писать ни о нем самом, ни о его методе, ни о его успехах. Запрещение это, как я уже говорил, было снято с меня совсем недавно.

Высказав свой необычный протест, Шерлок Холмс удобно уселся в кресло, взял газету и только что принялся неспешно ее разворачивать, как вдруг раздался резкий звонок и сильные глухие удары, как будто в дверь барабанили кулаком. Потом кто-то шумно ворвался в прихожую, взбежал по лестнице, и в нашей гостиной очутился бледный, взлохмаченный, задыхающийся молодой человек с лихорадочно горящими глазами.

— Простите меня, мистер Холмс, — с трудом выговорил он.

— Ради бога не сердитесь... Я совсем потерял голову. Мистер Холмс, я — несчастный Джон Гектор Макфарлейн.

Он почему-то был уверен, что это имя объяснит нам и цель его визита и его странный вид, но по вопросительному выражению на лице моего друга я понял, что для него оно значит ничуть не больше, чем для меня.

— Возьмите сигарету, мистер Макфарлейн, — сказал Холмс, подвигая ему свой портсигар. — Мой друг доктор Уотсон, видя ваше состояние, прописал бы вам что-нибудь успокаивающее. Какая жара стоит все это время! Ну вот, а теперь, если вы немножко пришли в себя, садитесь, пожалуйста, на этот стул и рассказывайте спокойно и не торопясь, кто вы и что привело вас сюда. Вы назвали свое имя так, будто я должен его знать, но, уверяю вас, кроме тех очевидных фактов, что вы масон, адвокат, холосты и что у вас астма, мне больше ничего не известно.

Я был знаком с методами моего друга и потому, взглянув повнимательнее на молодого человека, отметил и небрежность одежды, и пачку деловых бумаг, и брелок на цепочке от часов, и затрудненное дыхание — словом, все, что помогло Холмсу сделать свои выводы. Но наш посетитель был поражен.

— Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, к этому можно только добавить, что нет сейчас в Лондоне человека несчастнее меня. Ради всего святого, мистер Холмс, помогите мне! Если они придут за мной, а я не кончу рассказывать, попросите их подождать. Я хочу, чтобы вы узнали все от меня. Я пойду в тюрьму со спокойной душой, если вы согласитесь помочь мне.

— Вы пойдете в тюрьму! — воскликнул Холмс. — Да это просто замеча... просто ужасно. Какое обвинение вам предъявляют?

— Убийство мистера Джонаса Олдейкра из Лоуэр-Норвуда.

На лице моего друга отразилось сочувствие, смешанное, как мне показалось, с удовольствием.

— Подумать только! — заговорил он. — Ведь всего несколько минут назад я жаловался доктору Уотсону, что сенсационные происшествия исчезли со страниц наших газет.

Наш гость протянул дрожащую руку к «Дейли телеграфу», так и оставшейся лежать на коленях Холмса.

— Если бы вы успели развернуть газету, сэр, вам не пришлось бы спрашивать, зачем я к вам пришел. Мне кажется, что сейчас все только и говорят обо мне и о моем несчастье. — Он показал нам первую страницу. — Вот. С вашего позволения, мистер Холмс, я прочту. Слушайте: «Загадочное происшествие в Лоуэр-Норвуде. Исчез местный подрядчик. Подозревается убийство и поджог. Преступник оставил следы». Они уже идут по этим следам, мистер Холмс, и я знаю, они скоро будут здесь! За мной следили с самого вокзала. Они, конечно, ждут только ордера на арест. Мама не переживет этого, не переживет! — Он в отчаянии ломал руки, раскачиваясь на стуле.

Я с интересом разглядывал человека, которого обвиняли в таком страшном преступлении: лет ему было около двадцати семи, светло-русые волосы, славное лицо с мягкими, будто смазанными чертами, ни усов, ни бороды, испуганные голубые глаза, слабый детский рот; судя по костюму и манерам — джентльмен, из кармана летнего пальто торчит пачка документов, подсказавших Холмсу его профессию...

— Воспользуемся оставшимся у нас временем, — сказал Холмс. — Уотсон, прочтите, пожалуйста, статью.

Под броским заголовком, который прочитал нам Макфарлейн, было напечатано следующее интригующее сообщение:

«Сегодня ночью, точнее, рано утром, в Лоуэр-Норвуде случилось происшествие, которое наводит на мысль о преступлении. Мистер Джонас Олдейкр хорошо известен в округе, где он в течение многих лет брал подряды на строительство. Мистер Джонас Олдейкр — холостяк, пятидесяти двух лет, его усадьбы Дип-Дин-хаус в районе Сайденхема и неподалеку от Сайденхем-роуд. По словам соседей, он человек со странностями, скрытный и необщительный. Несколько лет назад он оставил дело, на котором нажил немалое состояние. Однако небольшой склад стройматериалов у него остался. И вот вчера вечером, около двенадцати часов, в пожарную охрану сообщили, что за его домом во дворе загорелся один из штабелей с досками. Пожарные немедленно выехали, но пламя с такой яростью пожирало сухое дерево, что погасить огонь было невозможно, и штабель сгорел дотла. С первого взгляда могло показаться, что происшествие это ничем не примечательно, но скоро выяснились обстоятельства, указывающие на преступление. Всех поразило отсутствие на месте происшествия владельца склада, — его стали искать, но нигде не нашли. Когда вошли к нему в комнату, то увидели, что постель не смята, сейф раскрыт, по полу разбросаны какие-то документы, всюду следы борьбы, слабые пятна крови и наконец в углу дубовая трость, рукоятка которой тоже испачкана кровью. Известно, что вечером у мистера Джонаса Олдейкра был гость, которого он принимал в спальне. Есть доказательства, что найденная трость принадлежит этому гостю, которым является Джон Гектор Макфарлейн-младший, компаньон лондонской юридической конторы „Грэм и Макфарлейн“, 426. Грешембилдингз, Восточно-центральный район. По мнению полиции, данные, которыми она располагает, не оставляют сомнений в мотивах, толкнувших его на преступление. Мы уверены, что в самом скором времени сможем сообщить нашим читателям новые подробности.»

Более позднее сообщение. — Ходят слухи, что мистер Джон Гектор Макфарлейн уже арестован по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. Достоверно известно, что приказ об его аресте подписан. Следствие получило новые улики, подтверждающие самые худшие предположения. Кроме следов борьбы, в спальне несчастного обнаружено, что, во-первых, выходящая во двор стеклянная дверь спальни оказалась открытой, во-вторых, через двор к штабелю тянется след от протащенного волоком тяжелого предмета и, наконец, в-третьих, в золе были обнаружены обуглившиеся кости. Полиция пришла к заключению, что мы имеем дело с чудовищным преступлением: убийца нанес жертве смертельный удар в спальне, вынул из сейфа бумаги, оттащил труп к штабелю и, чтобы скрыть следы, поджег его. Следствие поручено опытному специалисту Скотленд-Ярда инспектору Лестрейду, который взялся за расследование со свойственной ему энергией и проницательностью».

Шерлок Холмс слушал отчет об этих необычайных событиях, закрыв глаза и соединив кончики пальцев.

— Случай, несомненно, интересный, — наконец задумчиво проговорил он. — Но позвольте спросить вас, мистер Макфарлейн, почему вы до сих пор разгуливаете на свободе, хотя оснований для вашего ареста как будто вполне достаточно?

— Я с родителями живу в Торрингтон-лодж, это в Блэкхите, мистер Холмс, но вчера мы кончили дела с мистером Олдейкром очень поздно. Я остался ночевать в Норвуде, в гостинице, и на работу поехал оттуда. О случившемся я узнал только в поезде, когда прочел записку, которую вы сейчас услышали. Я сразу понял, какая ужасная опасность мне грозит, и поспешил к вам рассказать обо всем. Я нисколько не сомневаюсь, что, приди я вместо этого в свою контору в Сити или возвратись вчера домой, меня бы уже давно арестовали. От вокзала Лондон-бридж за мной шел какой-то человек, и я уверен... Господи, что это?

Раздался требовательный звонок, вслед за которым на лестнице послышались тяжелые шаги, дверь гостиной открылась, и на пороге появился наш старый друг Лестрейд в сопровождении полицейских.

— Мистер Джон Гектор Макфарлейн! — сказал инспектор Лестрейд.

Наш несчастный посетитель встал. Лицо его побелело до синевы.

— Вы арестованы за преднамеренное убийство мистера Джонаса Олдейкра.

Макфарлейн в отчаянии обернулся к нам и снова опустился на стул, как будто ноги отказывались держать его.

— Подождите, Лестрейд, — сказал Холмс, — позвольте этому джентльмену досказать нам то, что ему известно об этом в высшей степени любопытном происшествии. Полчаса дела не меняют. Мне кажется, это поможет нам распутать дело.

— Ну, распутать его будет нетрудно, — отрезал Лестрейд.

— И все-таки, если вы не возражаете, мне было бы очень интересно выслушать мистера Макфарлейна.

— Что ж, мистер Холмс, мне трудно вам отказать. Вы оказали полиции две-три услуги, и Скотленд-Ярд перед вами в долгу. Но я останусь с моим подопечным и предупреждаю, что все его показания будут использованы обвинением.

— Именно этого я и хочу, — отозвался наш гость. — Выслушайте правду и вникните в нее, — больше мне ничего не нужно.

Лестрейд взглянул на часы.

— Даю вам тридцать минут.

— Прежде всего я хочу сказать, — начал Макфарлейн, — что до вчерашнего дня я не был знаком с мистером Джонасом Олдейкром. Однако имя его я слышал — его знали мои родители, но уже много лет не виделись с ним. Поэтому я очень удивился, когда вчера часа в три дня он появился в моей конторе в Сити. А услышав о цели его визита, я удивился еще больше. Он принес несколько вырванных из блокнота страничек с кое-как набросанными пометками и положил их мне на стол. Вот они. «Это мое завещание, — сказал он, — прошу вас, мистер Макфарлейн, оформить его как положено. Я посижу здесь и подожду». Я сел переписывать завещание и вдруг увидел — представьте себе мое изумление, — что почти все свое состояние он оставляет мне! Я поднял на него глаза, — этот странный, похожий на хорька человечек с белыми ресницами наблюдал за мной с усмешкой. Не веря собственным глазам, я дочитал завещание, и тогда он рассказал мне, что семьи у него нет, родных никого не осталось, что в юности он был дружен с моими родителями, а обо мне всегда слышал самые похвальные отзывы и уверен, что его деньги достанутся достойному человеку. Я, конечно, стал его смущенно благодарить. Завещание было составлено и подписано в присутствии моего клерка. Вот оно, на голубой бумаге, а эти бумажки, как я уже говорил, — черновики. После этого мистер Олдейкр сказал, что у него дома есть еще бумаги — подряды, документы на установление права собственности, закладные, акции, и он хочет, чтобы я их посмотрел. Он сказал, что не успокоится до тех пор, пока все не будет улажено, и попросил меня приехать к нему домой в Норвуд вечером, захватив завещание, чтобы скорее покончить с формальностями. «Помните, мой мальчик: ни слова вашим родителям, пока дело не кончено. Пусть это будет для них нашим маленьким сюрпризом», — настойчиво твердил он и даже взял с меня клятву молчать. Вы понимаете, мистер Холмс, я не мог ему ни в чем отказать. Этот человек был мой благодетель, и я, естественно, хотел самым добросо-

вестным образом выполнить все его просьбы. Я послал домой телеграмму, что у меня важное дело и когда я вернусь, неизвестно. Мистер Олдейкр сказал, что угостит меня ужином, и просил прийти к девяти часам, потому что раньше он не успеет вернуться домой. Я долго искал его, и, когда позвонил у двери, было уже почти половина десятого. Мистер Олдейкр...

— Подождите! — прервал его Холмс. — Кто открыл дверь?

— Пожилая женщина, наверное, его экономка.

— И она, я полагаю, спросила, кто вы, и вы ответили ей?

— Да.

— Продолжайте, пожалуйста.

Макфарлейн вытер влажный лоб и стал рассказывать дальше:

— Эта женщина провела меня в столовую; ужин — весьма скромный — был уже подан. После кофе мистер Джонас Олдейкр повел меня в спальню, где стоял тяжелый сейф. Он отпер его и извлек массу документов, которые мы стали разбирать. Кончили мы уже в двенадцатом часу. Он сказал, что не хочет будить экономку, и выпустил меня через дверь спальни, которая вела во двор и все время была открыта.

— Портьера была опущена? — спросил Холмс.

— Я не уверен, но, по-моему, только до половины. Да, вспомнил, он поднял ее, чтобы выпустить меня. Я не мог найти трости, но он сказал: «Не беда, мой мальчик, мы теперь, надеюсь, будем часто видеться с вами, хочется верить, это не обременительная для вас обязанность. Придете в следующий раз и заберете свою трость». Так я и ушел — сейф раскрыт, пачки документов на столе. Было уже поздно возвращаться в Блэкхит, поэтому я переночевал в гостинице «Анерли Армз». Вот, собственно, и все. А об этом страшном событии я узнал только в поезде.

— У вас есть еще вопросы, мистер Холмс? — осведомился Лестрейд. Слушая Макфарлейна, он раза два скептически поднял брови.

— Пока я не побывал в Блэкхите, нет.

— В Норвуде, хотели вы сказать, — поправил Лестрейд.

— Ну да, именно это я и хотел сказать, — улыбнулся своей загадочной улыбкой Холмс.

Хотя Лестрейд и не любил вспоминать это, но он не один и не два раза убедился на собственном опыте, что Холмс со своим острым, как лезвие бритвы, умом видит гораздо глубже, чем он, Лестрейд. И он подозрительно посмотрел на моего друга.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, мистер Холмс, — сказал он. — Что ж, мистер Макфарлейн, вот мои констебли, кэб ждет внизу.

Несчастный молодой человек встал и, умоляюще посмотрев на нас, пошел из комнаты. Полицейские последовали за ним; Лестрейд остался.

Холмс взял со стола странички черновых набросков завещания и принялся с живейшим любопытством их изучать.

— Любопытный документ, Лестрейд, не правда ли? — Он протянул их инспектору.

Представитель власти озадаченно повертел их в руках и сказал:

— Я разобрал только первые строки, потом в середине второй страницы еще несколько и две строчки в конце. В этих местах почерк почти каллиграфический, все остальное написано скверно, а три слова вообще невозможно прочесть.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил Холмс.

— А вы что думаете?

— Думаю, что завещание было написано в поезде. Каллиграфические строки написаны на остановках, неразборчивые во время хода поезда, а совсем непонятные — когда вагон подсакивал на стрелках. Эксперт сразу определил бы, что завещание составлено в пригородном поезде, потому что только при подходе к большому городу стрелки следуют одна за другой так часто. Если считать, что он писал всю дорогу, можно заключить, что это был экспресс и что между Норвудом и вокзалом Лондон-бридж он останавливался всего один раз.

Лестрейд захохотал.

— Ну, мистер Холмс, для меня ваши теории чересчур мудрены. Какое все это имеет отношение к происшедшему?

— Самое прямое: подтверждает рассказ Макфарлейна, в частности, то, что Джонас Олдейкр составил свое завещание наспех. Вероятно, он занимался этим по дороге в Лондон. Не правда ли, любопытно — человек пишет столь важный документ в столь мало подходящей обстановке. Напрашивается вывод, что он не придавал ему большого значения. Именно так поступил бы человек, наперед знающий, что завещание никогда не вступит в силу.

— Как бы там ни было, он написал свой смертный приговор, — возразил Лестрейд.

— Вы так думаете?

— А вы разве нет?

— Может быть. Мне в этом деле еще не все ясно.

— Не ясно? Но ведь яснее и быть не может Молодой человек неожиданно узнает, что в случае смерти некоего пожилого джентльмена он наследует состояние. И что он делает? Не говоря никому ни слова, он под каким-то предлогом отправляется в тот же вечер к своему клиенту, дожидается, пока экономка — единственный, кроме хозяина, обитатель дома — заснет, и, оставшись со своим благодетелем вдвоем, убивает его, сжигает труп в штабеле досок, а сам отправляется в местную гостиницу. Следы крови на полу и на рукоятке его трости почти не заметны. Возможно, он считает, что убил Олдейкра без кровопролития, и решает уничтожить труп, чтобы замести следы, которые, вероятно, с неизбежностью указывали на него. Это очевидно.

— В том-то и дело, милый Лестрейд, что уж слишком очевидно. Среди ваших замечательных качеств нет одного — воображения, но все-таки попробуйте на одну минуту представить себя на месте этого молодого человека и скажите: совершили бы вы убийство вечером того дня, когда узнали о завещании? Неужели вам не пришло бы в голову, что соседство этих двух событий опасно, что еще опаснее слуги, которые знают о вашем присутствии в доме. Ведь дверь-то ему открывала экономка! И наконец затратить столько усилий, чтобы уничтожить труп, и оставить в комнате трость, чтобы все знали, кто преступник! Согласитесь, Лестрейд, это маловероятно.

— Что касается трости, мистер Холмс, вам известно не хуже, чем мне: преступники часто волнуются и делают то, чего бы никогда не сделали в нормальном состоянии. Скорее всего он просто побоялся вернуться за тростью в спальню. Попробуйте придумать версию, которая объясняла бы факты лучше, чем моя.

— Можно придумать сколько угодно, — пожал плечами Холмс.

— Пожалуйста, вот вполне правдоподобный вариант. Дарю его как рабочую гипотезу. Какой-то бродяга идет мимо дома и видит благодаря поднятой портьере в спальне двоих. Поверенный уходит. Входит бродяга, замечает трость, хватает ее, убивает Олдейкра. И, устроив пожар с сожжением, исчезает.

— Зачем бродяге сжигать труп?

— А зачем Макфарлейну?

— Чтобы уничтожить улики.

— А бродяга хотел сделать вид, что вообще никакого убийства не было.

— Почему же бродяга ничего не взял?

— Потому что увидел, что бумаги не представляют никакой ценности.

Лестрейд покачал головой, хотя мне показалось, что вид у него стал чуть менее самоуверенный.

— Если вам угодно, мистер Холмс, ищите своего бродягу, а мы уж займемся Макфарлейном.

Кто прав, покажет будущее. Но советую вам, мистер Холмс, обратить внимание на следующее обстоятельство: как удалось установить, не пропала ни одна бумага, а Макфарлейн — единственный человек на свете, кому не надо было ничего брать. Будучи законным наследником, он и так должен был все получить.

Этот довод как будто произвел на моего друга впечатление.

— Не могу отрицать, — сказал он, — что некоторые обстоятельства явно свидетельствуют в пользу вашей версии. Я только высказал мысль, что возможны и другие. Впрочем, как вы справедливо заметили, будущее покажет. До свидания. Если вы не возражаете, я сегодня буду в Норвуде, посмотрю, как подвигается дело.

Как только за инспектором закрылась дверь, мой друг вскочил с кресла и стал энергично собираться, как человек, которому предстоит любимая работа.

— Прежде всего, Уотсон, — говорил он, быстро надевая сюртук, — я, как и сказал, поеду в Блэкхит.

— Почему не в Норвуд?

— Потому что перед нами два в высшей степени странных эпизода, следующих немедленно один за другим. Полиция делает ошибку, сконцентрировав все внимание на втором эпизоде, по той причине, что он имеет вид преступления. Но логика требует иного подхода, это несомненно. Сначала нужно попытаться выяснить все, связанное с первым эпизодом, то есть с этим странным завещанием, которое было составлено так поспешно и на имя человека, который меньше всего этого ожидал. Может быть, оно даст ключ к пониманию второго эпизода. Нет, мой друг, вы мне вряд ли сможете сегодня помочь. Опасности ни малейшей, иначе я непременно попросил бы вас составить мне компанию. Надеюсь, вечером я смогу объявить вам, что мне удалось сделать что-то для этого несчастного молодого человека, который доверил мне свою судьбу.

Вернулся мой друг поздно вечером, и его потемневшее, расстроенное лицо яснее всяких слов

сказало мне, что от утренних его надежд не осталось следа. С час он играл на скрипке, стараясь успокоиться. Наконец он отложил инструмент и принялся подробно излагать мне свои неудачи.

— Плохи дела, Уотсон, хуже не придумаешь. Перед Лестрейдом я старался не показывать виду, но, честно говоря, я боюсь, что на этот раз он идет по верному пути, а не мы. Чутье тянет меня в одну сторону, факты — в другую. А английские судьи — у меня есть все основания полагать — не достигли того интеллектуального уровня, чтобы предпочесть мои теории фактам Лестрейда.

— Вы ездили в Блэкхит?

— Да, Уотсон, ездил и узнал там, что покойный Олдейкр был негодяй, каких поискать. Отец Макфарлейна поехал разыскивать сына, дома была мать — маленькая седенькая старушка с голубыми глазками, вся трепещущая от страха и негодования. Она, конечно, не могла и на секунду допустить, что сын ее виноват. А вот по поводу судьбы Олдейкра она не выразила ни удивления, ни сожаления. Мало того, она говорила о нем в таких выражениях, что позиция Лестрейда стала еще крепче. Ведь если Макфарлейн знал ее отношение к Олдейкру, ничего удивительного, что он возненавидел его и решился на убийство. «Это не человек, это злобная, хитрая обезьяна, — твердила она, — и он был всю жизнь такой, даже в юности». «Вы были знакомы с ним раньше?» — спросил я. «Да, я его хорошо знала! Он когда-то ухаживал за мной. Какое счастье, что я отказала ему и вышла замуж за человека честного и доброго, хотя и не такого состоятельного! Мы, мистер Холмс, были с Олдейкром помолвлены, и вдруг я однажды узнаю, что он — какой ужас! — открыл птичник и пустил туда кота. Его жестокость так поразила меня, что я немедленно отказала ему». Она порылась в ящике бюро и протянула мне фотографию молодой женщины. Лицо было изрезано ножом. «Это я, — сказала она. Вот в каком виде прислал он мне мою фотографию вместе со своим проклятием в день моей свадьбы». «Но теперь, — возразил я, — он, как видно, простил вас: ведь все свое состояние он оставил вашему сыну». «Ни мне, ни моему сыну ничего не нужно от Джонаса Олдейкра, ни от живого, ни от мертвого! — вспыхнула она. — Есть бог на небесах, мистер Холмс. Он покарал дурного человека. И он докажет, когда будет на то его святая воля, что сын мой неповинен ни в чьей смерти!»

Как я ни старался, ничего не мог найти в пользу нашей гипотезы. В конце концов я махнул рукой и поехал в Норвуд. Усадьба Дип-Дин-хаус — большое здание современного вида, из красного кирпича. Дом стоит в саду, перед крыльцом — обсаженный лавровыми кустами газон. Справа от дома и на значительном удалении от дороги — склад, где был пожар. Я набросал в записной книжке план, вот он. Эта застекленная дверь слева ведет в спальню Олдейкра, так что с улицы все видно, что в ней делается. Это, пожалуй, самое утешительное из всего, что мне сегодня удалось

узнать. Лестрейда не было, всем заправлял его помощник сержант. Его люди как раз перед моим появлением сделали драгоценную находку: роясь в золе на месте сгоревшего штабеля, они нашли, кроме обуглившихся костей, несколько почерневших металлических дисков. Внимательно изучив их, я убедился, что это — пуговицы от брюк. На одной мне даже удалось разобрать слово «Хаймс» — это имя портного, у которого шил Олдейкр. Затем я приступил к газону, — нет ли там следов, но суть стоит такая, что земля тверже камня. Кроме того, что сквозь живую изгородь из бирючины как раз против сгоревшего штабеля был проташен волоком человек или чем-то нагруженный мешок, ничего установить не удалось. Все это, конечно, подтверждает версию полиции. Я целый час ползал по дворику под палящим солнцем и все без толку. Потерпев фиаско во дворе, я пошел в спальню. Пятна крови оказались очень бледные, едва различимые, но свежие. Трости я не видел, ее уже увезли, но следы на ней тоже были слабые. Трость, безусловно, принадлежит нашему подопечному, он сам признает это. На ковре отпечатки подошв подрядчика и Макфарлейна, но никаких следов третьего лица, и это тоже оборачивается против нас. Словом, чаша весов склоняется все ниже в их пользу. И все-таки у меня возникла надежда, хоть и очень слабая. Я просмотрел содержимое сейфа, которое почти целиком было выложено на стол. Бумаги были в запечатанных конвертах, полиция вскрыла один или два. Так вот, насколько я могу судить, ценность их весьма невелика, да и банковская книжка Олдейкра не подтвердила, что ее владелец особенно преуспевал. Мне показалось, что некоторых бумаг нет. Несколько раз попадались упоминания о каких-то операциях, связанных, как можно предположить, со значительными суммами. Но документов, оформляющих эти сделки, нет. Если бы я смог это доказать, аргументы Лестрейда неизбежно обратились бы против него. Ну, скажите, зачем человеку красть то, что и так должно ему достаться?

В конце концов, заглянув в каждую щель и не добившись никаких результатов, я решил поговорить с экономкой. Миссис Лексингтон — хмурая, молчаливая старуха, с подозрительным взглядом исподлобья. Она что-то знает, но выпытать я у нее ничего не мог. Да, она впустила мистера Макфарлейна в половине десятого. Зачем у нее рука не отсохла в тот миг, когда она подошла к двери! Она легла спать в половине одиннадцатого. Ее комната находится в другом конце дома, никакого шума она не слышала. Шляпу и, насколько она помнит, трость мистер Макфарлейн оставил в прихожей. Она проснулась от криков «Пожар! Пожар!». Конечно, ее дорогого хозяина убили. Были ли у него враги? У кого их нет, но мистер Олдейкр жил очень замкнуто и встречался с людьми только, когда того требовали дела. Пуговицы она видела и с уверенностью заявляет, что они от того костюма, который был на нем накануне. Доски в штабеле были очень сухие, потому что целый месяц не было дождей. Они вспыхнули, как порох, и когда она добежала до склада, все было объято пламенем. И она и пожарники слышали запах горелого мяса. Ни о бумагах, ни о личных делах мистера Олдейкра ей ничего не известно. Вот, дорогой Уотсон, отчет о моих сегодняшних неудачах. И все-таки, все-таки... — Его нервные руки сжались в кулаки, и он продолжал со страстной убежденностью: — Я знаю, игра нечистая. Я чувствую это нутром. Экономке что-то известно. Но что — я все еще не могу сообразить. Она смотрела угрюмо и вызывающе, как человек с нечистой совестью. Но что об этом говорить, Уотсон. Боюсь, однако, если нам не поможет случай, «Норвудское дело» не займет своего места в хронике наших успехов, которая, как я предвижу, рано или поздно обрушится на голову безропотного читателя.

— Но ведь для суда важно, какое впечатление производит человек, правда? — спросил я.

— На впечатление, милый Уотсон, полагаться опасно. Помните Берта Стивенса, этого кровавого убийцу, который рассчитывал, что мы спасем его? А ведь на вид был безобиден, как ученик воскресной школы.

— Да, правда.

— Так что если мы не представим обоснованной версии, Макфарлейн обречен. Улики против него неопровержимы, и сегодня я убедился, что дальнейшее расследование только усугубит дело. Между прочим, просмотрев бумаги, я обнаружил одну любопытную деталь, которая может послужить исходной точкой нашего расследования. Оказывается, в течение этого года Олдейкр выплатил некоему мистеру Корнелиусу довольно крупную сумму денег, поэтому сейчас он, попросту говоря, беден. Интересно, что это за мистер Корнелиус, с которым удалившийся от дел подрядчик заключал такие солидные сделки. Не имеет ли он какого-нибудь отношения к случившемуся? Может быть,

этот Корнелиус — маклер? Однако я не обнаружил ни одной расписки в получении столь значительных сумм. Придется мне за сведениями об этом джентльмене обратиться в банк. Но боюсь, мой друг, нас ждет бесславный конец, — Лестрейд повесит нашего подопечного. И Скотленд-Ярд будет торжествовать!

Не знаю, спал ли Шерлок Холмс в ту ночь, только, когда я сошел утром к завтраку, он сидел в столовой бледный, измученный, с темными тенями вокруг горящих глаз. На ковре возле кресла окурки и ворох газет, на столе распечатанная телеграмма.

— Что вы скажете об этом, Уотсон? — спросил он, пододвигая ее ко мне.

Телеграмма была из Норвуда; в ней говорилось:

«Найдены новые важные улики. Вина Макфарлейна доказана бесспорно. Советую отказаться от расследований.

Лестрейд».

— Звучит серьезно, — сказал я.

— Наш Лестрейд упивается победой, — устало улыбнулся Холмс. — И все-таки поиски оставлять рано. Любая улика может обернуться другой стороной и дать расследованию направление, противоположное тому, в котором движется Лестрейд. Завтракайте, Уотсон, а потом поедем вместе и посмотрим, что можно сделать. Кажется, мне сегодня не обойтись без вашей помощи.

Холмс завтракать не стал, — этот удивительный человек в минуты душевного напряжения не мог думать о еде. Уповая на свою исключительную выносливость, он не ел и не спал, пока не падал с ног от полного истощения. «Я не могу сейчас тратить энергию на пищеварение», — отмахивался он от меня, когда я, пользуясь правом врача, заставлял его есть. Поэтому я не удивился, что Холмс и в то утро не притронулся к завтраку.

Любители острых ощущений все еще толпились вокруг Дип-Дин-хауса, который оказался точно такой загородной усадьбой, как я себе представлял. В воротах нас с видом победителя встретил Лестрейд; на лице его было написано торжество.

— Ну что, мистер Холмс, доказали, что мы ошибаемся? Нашли своего бродягу, а? — засмеялся он.

— Я еще не пришел ни к какому заключению, — отвечал мой друг.

— Но зато мы уже пришли к заключению. И сегодня оно блестяще подтвердилось. Придется вам признать, мистер Холмс, что на этот раз мы вас обошли.

— Судя по вашему виду, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Лестрейд расхохотался.

— Вы, как и все, не любите проигрывать, мистер Холмс! Но что делать, человек не может быть всегда прав, верно, доктор Уотсон? Пожалуйста, пройдите сюда, господа, надеюсь, я смогу представить вам неоспоримое доказательство вины Макфарлейна. — Он повел нас по коридору в темную переднюю. — Совершив преступление, молодой Макфарлейн пришел сюда за своей шляпой. А теперь смотрите! — Он театральным жестом зажег спичку, и мы увидели на белой стене темное пятно крови. Лестрейд поднес спичку поближе — это оказалось не просто пятно, а ясный отпечаток большого пальца. — Посмотрите на него в лупу, мистер Холмс!

— Смотрю.

— Вам известно, что во всем мире не найдется двух одинаковых отпечатков пальцев?

— Кое-что слышал об этом.

— Тогда не будете ли вы так любезны сличить этот отпечаток с отпечатком большого пальца правой руки Макфарлейна, который сняли сегодня утром по моему приказанию?

Он протянул нам кусочек воска. И без лупы было ясно, что оба отпечатка одного пальца. Я понял, что наш клиент обречен.

— Все ясно, — заявил Лестрейд.

— Да, все, — невольно вырвалось у меня.

— Ясно как день, — проговорил и Холмс.

Услыхав неожиданные нотки в его голосе, я поднял голову. Лицо Холмса меня поразило. Оно дрожало от еле сдерживаемого смеха, глаза сверкали. Я вдруг увидел, что он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

— Подумать только, — наконец сказал он. — Кто бы мог подумать? Как, однако, обманчива внешность! Такой славный молодой человек! Урок нам, чтобы впредь не слишком полагались на собственные впечатления, правда, Лестрейд?

— Вот именно, мистер Холмс. Излишняя самоуверенность только вредит, — отвечал ему Лестрейд.

Наглость этого человека перешла границы, но возразить ему было нечего.

— Как заботливо провидение! Надо было, чтобы снимая шляпу с крючка, этот юноша прижал к стене большой палец правой руки! Какое естественное движение, только представьте себе! — По виду Холмс был вполне спокоен, но все его тело напряглось, как пружина, от сдерживаемого волнения. — Кстати, Лестрейд, кому принадлежит честь этого замечательного открытия?

— Экономке. Она указала на пятно дежурившему ночью констеблю.

— Где был констебль?

— На своем посту в спальне, где совершилось убийство. Следил, чтобы никто ничего не тронул.

— Почему полиция не заметила отпечатка вчера?

— У нас не было особых причин осматривать прихожую так тщательно. Да в таком месте сразу

и не заметишь, сами видите.

— Да, да, разумеется. У вас, конечно, нет сомнений, что отпечаток был здесь и вчера?

Лестрейд поглядел на Холмса, как на сумасшедшего. Признаться, веселый вид моего друга и его нелепый вопрос озадачили и меня.

— Вы что же, считаете, что Макфарлейн вышел среди ночи из тюрьмы специально для того, чтобы оставить еще одну улику против себя? — спросил Лестрейд. — На всем земном шаре не найдется криминалиста, который стал бы отрицать, что это отпечаток большого пальца правой руки Макфарлейна и никого другого.

— В этом нет никаких сомнений.

— Так чего же вам еще? Я смотрю на вещи здраво, мистер Холмс, мне важны факты. Есть у меня факты — я делаю выводы. Если я вам еще понадобится, найдете меня в гостиной, я иду писать отчет.

К Холмсу уже вернулась его обычная невозмутимость, хотя мне казалось, что в глазах у него все еще вспыхивают веселые искорки.

— Неопровержимая улика, не правда ли, Уотсон? — обратился он ко мне. — А между тем ей-то и будет обязан Макфарлейн своим спасением.

— Какое счастье! — радостно воскликнул я. — А я уж боялся, что все кончено.

— Кончено? Такой вывод был бы несколько преждевременен, милый Уотсон. Видите ли, у этой улики, которой наш друг Лестрейд придает такое большое значение, имеется один действительно серьезный изъян.

— В самом деле. Холмс! Какой же?

— Вчера, когда я осматривал прихожую, отпечатка здесь не было. А теперь, Уотсон, давайте погуляем немножко по солнышку.

В полном недоумении, но уже начиная надеяться, спустился я за своим другом в сад. Холмс обошел вокруг дома, внимательно изучая его. Потом мы вернулись и осмотрели все комнаты от подвала до чердака. Половина комнат стояла без мебели, но он внимательно исследовал и их. В коридоре второго этажа, куда выходили двери трех пустующих спален, на него опять напало веселье.

— Случай поистине необыкновенный, Уотсон, — сказал он.

— Пожалуй, пора просветить нашего приятеля Лестрейда. Он немного позабавился на наш счет. Теперь настала наша очередь, если я правильно решил загадку. Кажется, я придумал, как нужно сделать... Да, именно так!

Когда мы вошли в гостиную, инспектор Скотленд-Ярда все еще сидел там и писал.

— Вы пишете отчет? — спросил его Холмс.

— Совершенно верно.

— Боюсь, что это преждевременно. Расследование еще не кончено.

Лестрейд слишком хорошо знал моего друга, чтобы пропустить его слова мимо ушей. Он положил ручку и с любопытством поднял глаза на Холмса.

— Что вы хотите сказать, мистер Холмс?

— А то, что есть важный свидетель, которого вы еще не видели.

— Вы можете представить его нам?

— Думаю, что могу.

— Давайте его сюда.

— Сейчас. Сколько у вас констеблей?

— В доме и во дворе трое.

— Превосходно. А скажите, они все парни высокие, сильные, и голос у них громкий?

— Ну, разумеется, только при чем здесь их голос?

— Я помогу вам в этом разобраться и не только в этом, — пообещал Холмс. — Будьте любезны, позовите ваших людей, мы сейчас начнем.

Через пять минут трое полицейских стояли в прихожей.

— В сарае есть солома, — обратился к ним Холмс. — Пожалуйста, принесите две охапки. Это поможет нам раздобыть свидетеля, о котором я говорил. Так, благодарю вас. Надеюсь, у вас есть

спички, Уотсон. А теперь, мистер Лестрейд, я попрошу всех следовать за мной.

Как я уже сказал, на втором этаже был широкий коридор, куда выходили двери трех пустых спален. Мы прошли в конец коридора, и Холмс расставил всех по местам. Полицейские ухмылялись, Лестрейд во все глаза глядел на моего друга. Изумление на его лице сменилось ожиданием, ожидание — возмущением. Холмс стоял перед нами с видом фокусника, который сейчас начнет показывать чудеса.

— Будьте любезны, Лестрейд, пошлите одного из ваших людей, пусть принесет два ведра воды. Разложите солому на полу, вот здесь, подальше от стен. Ну вот, теперь все готово.

Лицо Лестрейда начало наливаться кровью.

— Вы что же, издеваетесь над нами, мистер Шерлок Холмс?

— не выдержал он. — Если вам что-то известно, скажите по-человечески, нечего устраивать цирк!

— Уверяю вас, Лестрейд, для всего, что я делаю, имеются веские основания. Вы, вероятно, помните, что немного посмеялись надо мной сегодня утром, когда удача улыбалась вам, так что не сердитесь за это небольшое театральное представление. Прошу вас, Уотсон, откройте это окно и поднесите спичку к соломе. Вот сюда.

Я так и сделал. Ветер ворвался в окно, сухая солома вспыхнула и затрещала, коридор наполнился серым дымом.

— Теперь, Лестрейд, будем ждать свидетеля. А вы, друзья, кричите «Пожар!» Ну, раз, два, три...

— Пожар! — закричали мы что было сил.

— Благодарю вас. Еще раз, пожалуйста.

— Пожар!! Горим!

— Еще раз, джентльмены, все вместе.

— Пожар!!!

Крик наш был слышен, наверное, во всем Норвуде. И тут произошло то, чего никто не ожидал. В дальнем конце коридора, где, как мы все думали, была глухая стена, вдруг распахнулась дверь, и из нее выскочил, как заяц из норы, маленький тщедушный человечек.

— Превосходно, — сказал Холмс хладнокровно. — Уотсон, ведро воды на солому. Достаточно.

Лестрейд, позвольте представить вам вашего главного свидетеля, мистера Джонаса Олдейкра.

Лестрейд в немом изумлении глядел на тщедушного человечка, а тот щурился от яркого света и дыма, глядя то на нас, то на тлеющую солому. У него было очень неприятное лицо — хитрое, злое, хищное, с бегающими серыми глазками и белесыми ресницами.

— Это что значит? — наконец рявкнул Лестрейд. — Вы что там все это время делали, а?

Олдейкр смущенно хихикнул и съежился под грозным взглядом пылавшего яростью детектива.

— Ничего плохого!

— Ничего плохого?! Вы сделали все, чтобы невинного человека вздернули на виселицу! Если бы не этот джентльмен, вам бы это удалось!

Человечек захныкал:

— Что вы, сэр, что вы, я просто хотел пошутить!

— Ах, пошутить! Зато мы с вами шутить не будем. Отведите его в гостиную и держите там до моего прихода. Мистер Холмс, — продолжал он, когда полицейские ушли, — я не мог говорить при подчиненных, но сейчас скажу, и пусть доктор Уотсон тоже слышит, — вы совершили чудо! Хотя я и не понимаю, как вам это удалось. Вы спасли жизнь невинного человека и предотвратили ужасный скандал, который погубил бы мою карьеру.

Холмс с улыбкой похлопал Лестрейда по плечу.

— Вместо погибшей карьеры — такой блестящий успех! Вас ждет не позор, а слава. Подправьте слегка отчет, и все увидят, как трудно провести инспектора Лестрейда.

— Вы не хотите, чтобы упоминалось ваше имя?

— Ни в коем случае. Наградой для меня — сама работа. Может быть, и мне когда-нибудь выдадут должное, если я разрешу моему усердному биографу взяться за перо. Как, Уотсон? Но давайте посмотрим нору, где пряталась крыса.

Оштукатуренная фанерная перегородка с искусно скрытой в ней дверью отгораживала от торцевой стены клетушку длиной в шесть футов, куда дневной свет проникал сквозь щели между балками под крышей. Внутри стоял стол, стул и кровать, был запас воды, еда, несколько книг, какие-то бумаги.

— Вот что значит всю жизнь строить дома, — заметил Холмс, выходя в коридор. — Никто не знал об этом убежище, кроме, конечно, его экономки. Кстати, Лестрейд, я бы посоветовал вам, не теряя времени, присоединить и ее к своей добыче.

— Сейчас же сделаю это, мистер Холмс. Расскажите только, как вы узнали о тайнике?

— Я предположил, что «убитый» прячется где-то в доме. Промерив шагами коридор второго этажа, я увидел, что он на шесть футов короче нижнего. Ясно, что тайник мог быть только там. Я был уверен, что он не выдержит, услышав крики: «Пожар! Горим!» Конечно, можно было просто войти туда и арестовать его, но мне хотелось немного позабавиться. Пусть он сам выйдет на свет божий. Кроме того, мне хотелось немного помистифицировать вас за ваши утренние насмешки.

— Вам это блестяще удалось, мистер Холмс. Но как вы вообще догадались, что он в доме?

— По отпечатку пальца, Лестрейд. Помните, вы сказали: «Все ясно!»? Все было действительно ясно. Накануне отпечатка не было, это я знал. Как вы могли заметить, детали имеют для меня большое значение. Я накануне тщательно осмотрел всю переднюю и знал совершенно точно, что стена была чистая. Значит, отпечаток появился ночью.

— Но как?

— Очень просто. Когда Олдейкр с Макфарлейном разбирали бумаги, Джонас Олдейкр мог подсунуть юноше конверт, а тот, запечатывая его, нажал на мягкий сургуч большим пальцем. Он мог сделать это произвольно и тут же забыть об этом. А может быть, Олдейкр и не подсовывал, а все получилось само собой и он сам не ожидал, что отпечаток сослужит ему такую службу. Но потом, сидя у себя в норе и размышляя, он сообразил, что с помощью отпечатка можно состряпать неопровержимую улику против Макфарлейна. А уж снять восковой слепок с сургуча, уколоть палец иглой, выдавить на воск несколько капель крови и приложить к стене в прихожей — собственной ли рукой, или рукой экономки — особого труда не составило. Держу пари, среди бумаг, которые захватил с собой в убежище наш затворник, вы найдете конверт с отпечатком большого пальца на сургуче.

— Изумительно! — воскликнул Лестрейд. — Потрясающе! Вот теперь все действительно ясно как день. Но для чего ему понадобилась вся эта инсценировка, мистер Холмс?

Я забавлялся, глядя на детектива: сейчас перед нами был не заносчивый победитель, а робкий почтительный ученик.

— Это не так сложно. У джентльмена, дожидаящегося нас внизу, характер злобный, жестокий и мстительный. Вы знаете, что он когда-то делал предложение матери Макфарлейна и получил отказ? Не знаете, конечно! Я же говорил, что сначала нужно было ехать в Блэкхит, а в Норвуд потом... Он не простил оскорбления, — именно так он воспринял ее отказ, — и всю жизнь его хитрый, коварный ум вынашивал план мщения.

Последние год-два дела его пошатнулись, вероятно, из-за тайных спекуляций. И в один прекрасный день он понял, что не выкрутится. Тогда он решил обмануть своих кредиторов и выписал несколько крупных чеков на имя некоего мистера Корнелиуса, который, мне думается, и есть сам Олдейкр. Я еще не успел установить судьбу чеков, но не сомневаюсь, что они переведены на имя этого самого Корнелиуса в какой-нибудь провинциальный городок, куда ведущий двойную жизнь Олдейкр время от времени наезжал. Замысел его в общих чертах, по-моему, таков: исчезнуть, объявиться где-нибудь под другим именем, получить деньги и начать новую жизнь.

Он решил одновременно улизнуть от кредиторов и отомстить. Отличная, непревзойденная по жестокости месть! Его, несчастного старика, убивает из корыстных мотивов единственный сын его бывшей возлюбленной. Придуманно и исполнено мастерски. Мотив убийства — завещание, тайный ночной визит, о котором неизвестно даже родителям, «забытая» трость, пятна крови, обгорелые останки какого-то животного, пуговицы в золе — все безупречно. Этот паук сплел сеть, которая должна была погубить Макфарлейна. Я, во всяком случае, еще два часа назад не знал, как его спасти. Но Олдейкру не хватило чувства меры — качества, необходимого истинному художнику. Ему захотелось улучшить уже совершенное произведение. Потуже затянуть веревку на шее несчастной жертвы. Этим он все испортил. Пойдемте, Лестрейд, вниз. Я хочу кое о чем спросить его.

Олдейкр сидел в своей гостиной, по обе стороны от его стула стояли полицейские.

— Дорогой сэр, это была всего лишь шутка, — скулил он умоляюще, не переставая. — Уверю вас, сэр, я спрятался только затем, чтобы посмотреть, как мои друзья будут реагировать на мое исчезновение. Вы же прекрасно понимаете, я бы никогда не допустил, чтобы с бедным дорогим Макфарлейном что-нибудь случилось.

— Это будет решать суд, — сказал Лестрейд. — А пока вы арестованы по обвинению

в заговоре и в попытке преднамеренного убийства.

— Что касается ваших кредиторов, они, вероятно, потребуют конфискации банковского счета мистера Корнелиуса, — добавил Холмс.

Человечек вздрогнул и впился злобным взглядом в Холмса.

— Я вижу, что многим обязан вам, — прошипел он. — Когда-нибудь я с вами еще рассчитаюсь. Холмс улыбнулся.

— Боюсь, в ближайшие годы вы будете очень заняты. Кстати, что вы такое положили в штабель вместе со старыми брюками? Дохлого пса, кроликов или еще что— ниоудь? Не хотите говорить? Как нелюбезно с вашей стороны. Думаю, что пары кроликов хватило. Будете писать о Норвудском деле, Уотсон, смело пишите о кроликах. Истина где-то недалеко.

Пляшущие человечки

The Adventure of the Dancing Men

First published in Collier's Weekly, Dec. 1903, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Dec. 1903, with 7 illustrations by Sidney Paget.

В течение многих часов Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную товщую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

— Итак, Уотсон, — сказал он внезапно, — вы не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычным способностям Холмса, это внезапное вторжение в самые тайные мои мысли было совершенно необъяснимым.

— Как черт возьми, вы об этом узнали? — спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза радостно заблестали.

— Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку, — сказал он.

— Признаюсь.

— Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

— Почему?

— Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

— Уверен, что этого я никогда не скажу.

— Видите ли, дорогой мой Уотсон... — Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращаясь к аудитории. — Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. После того как я заметил впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было вовсе нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

— Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

— Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий не скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

— До чего просто! — воскликнул я.

— Конечно, — сказал он, слегка уязвленный, — всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам

удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

— Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! — воскликнул я.

— Вот каково ваше мнение!

— Что же это, в таком случае?

— Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торп-Мэнора в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого, свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

— Что вы об этом думаете, мистер Холмс? — воскликнул он.

— Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

— Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, — сказал Холмс. — С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

— Да я не придаю бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

— Это дело обещает много любопытного и необычайного, — сказал он. — Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбитт, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

— Я плохой рассказчик, — сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. — Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился... Но предварительно я должен сказать, что хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торпе уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рэссел-сквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илей Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье.

Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илей, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, — говорила она, — я хочу позабыть о них. Я не желаю возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на слово и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илей. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илей, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там несомненно стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать. Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот простодушный гигант с большими голубыми глазами! Любовь и преданность к жене были написаны в каждой черточке его лица. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

— Не думаете ли вы, мистер Кьюбитт, — сказал он наконец, — что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбитт покачал своей большой головой: — Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илей захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

— В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие? — Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

— Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услышал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

— В этих странных рисунках бесспорно заключен какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбитт. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня: — Вам бы лучше остаться дома, Уотсон. — Почему?

— Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта. Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр² примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, и лоб его избороздили морщины.

— Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, — сказал он, бессильно опускаясь в кресло. — Отвратительное состояние — чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но еще нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

— Сказала она вам хоть что-нибудь? — Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

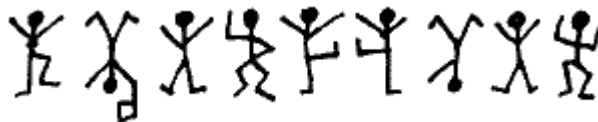
— А вы сами что-нибудь обнаружили? — Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того...

— Того, кто нарисовал их?

— Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку... Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:

² Сквайр — помещик.

— Превосходно! — сказал Холмс. — Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

— Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:

Холмс потерял руки и засмеялся от радости. — Наш материал быстро разрастается, — сказал он. — Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это — бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедem путешествовать — ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? — сказал я. — Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

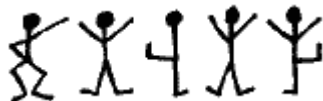
«Иди спать, — сказала она. — Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно

обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков. — Вы их срисовали?

— Да. Их было очень немного. Вот они. Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

— Скажите, — спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, — эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы, отдельно?

— Они были нарисованы на нижней панели двери. — Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

— Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня... Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

— Боюсь, что столь сложное дело не излечишь такими простыми лекарствами, — сказал Холмс. — Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

— Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

— Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец он удовлетворенно вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

— Если мне ответят так, как я рассчитываю, — ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, — сказал он.

— Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соизволит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая

надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:

Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

— Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, — сказал он. — Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

— Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, — сказал Холмс. — Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбитта в неведении о положении дел, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасную паутину.

Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя — точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

— Вы, вероятно, сыщики из Лондона? — спросил он. Холмс взглянул на него с беспокойством. — Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор Мартин из Норвича только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее... для виселицы. Холмс был хмур и озабочен.

— Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он, — но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

— Страшное дело! — воскликнул начальник станции. — Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки.

Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова. Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он как бы окаменел от печали. Он сидел, откинувшись назад, погруженный в тоскливые думы.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

— Вот Ридлинг-Торп-Мэиор, — сказал он. Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабранными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услышав имя моего приятеля.

— Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

— Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

— Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем, так как, по общему мнению, они жили очень дружно.

— У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, — сказал Холмс. — Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал: трагедия совершилась, мне не удалось предупредить ее... Ну что ж, пусть, в таком случае, те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

— Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, — с искренним чувством ответил инспектор.

— В таком случае, я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

Инспектор Мартин был настолько умен, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

— Вы трогали убитого? — спросил Холмс.

— Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее, раненную, на полу.

— Давно ли вы здесь, доктор?

— С четырех часов утра.

— Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

— Да, был констебль.

— Вы что-нибудь здесь передвигали?

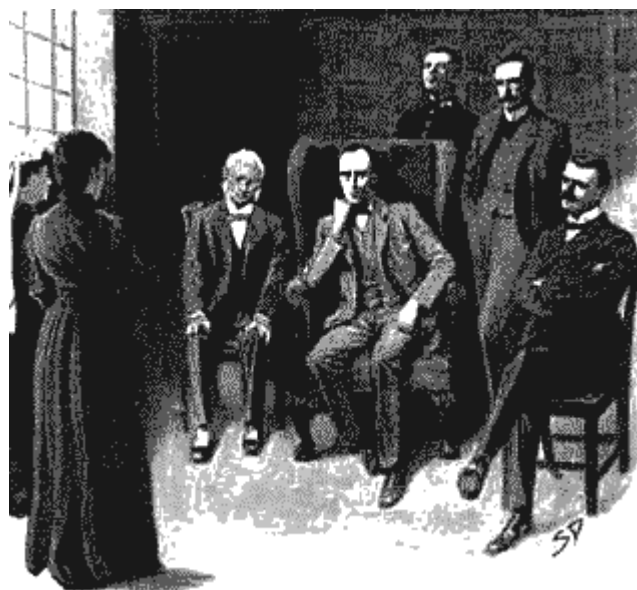
— Ничего.

— Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?

- Горничная Сондерс.
- Она первая подняла тревогу?
- Она и миссис Кинг, кухарка.
- Где они теперь?
- Вероятно, на кухне.
- В таком случае, начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; взор его был непреклонен, лицо сурово. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, всю свою жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище, кроме меня, состояло из инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полицмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана ее была ужасна — кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. На ней было платье, на ее муже — халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не бывало ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

— Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, — сказал Холмс инспектору Мартину. — А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходящего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного сквайра, распростертым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла

в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

— Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, — сказал Холмс. — Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли... Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

— Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран — тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

— Это так только кажется, — сказал Холмс. — Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

— Черт возьми! — воскликнул инспектор. — Как вам удалось это найти? — Я нашел, потому что искал.

— Удивительно? — сказал сельский врач. — Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

— На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, — сказал Шерлок Холмс. — Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

— Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

— Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время. — Почему на короткое время?

— Потому что — взгляните сами — эта свеча не оплыла стеарином.

— Верно, верно! — вскричал инспектор. — Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

— Но каким же образом окно оказалось закрытым? — Его несомненно закрыла женщина, закрыла инстинктивно... Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка — нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесемкой, и больше ничего.

— Возьмите, это будет фигурировать на суде, — сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. — Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой... Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

— А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

— Не могу в этом разобраться, сэр.

— Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы были вытоптаны, на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндр.

— Я так и думал! — сказал он. — Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

— Кого вы подозреваете? — спросил он.

— Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

— Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

— У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слышал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстона, живет фермер по фамилии Элридж.

— Его ферма лежит в стороне от других?

— Далеко от других, сэр.

— И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

— Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

— Седлай коня, мой мальчик! — сказал он. — Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа. Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил мальчику записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть — он был написан неровным, неправильным почерком, несколько не похожим на обычный четкий почерк Холмса. Записка было адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

— Мне кажется, инспектор, — заметил Холмс, — что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический анализ. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказа. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь делается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

— Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, — сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. — Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

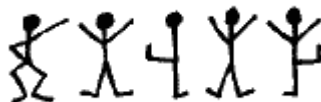
— Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель-изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

I accepted this as a hypothesis, and noted that E was represented by...

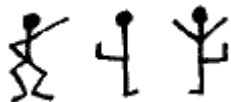
Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был безусловно близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илей. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

Now, in the single word I already got the two E's coming second and fourth in a word of five letters.

В нем семь букв: третья буква и последняя — И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

We are now able to say that the symbols stand respectively for N, V, and R.

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

^И^О^Д

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу прийти? Внезапно я догадался. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке.

Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

Д^С^ А^ СЛНИ

Предположим, что второе слово «ЗДЕСЬ», в таком случае, последнее слово «С^ЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Эл-ридж» — название дома или гостиницы, и которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО^ОВЬСЯ К С^ЕР^И

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!» Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскрывать преступление, — сказал инспектор мягко. —

Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— Откуда вы знаете?

— Удрать — это значит сознаться в своей вине.

— В таком случае, давайте поедem и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придет?

— Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

— Все это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нем подозрения и он попытается скрыться?

— Все зависит от того, как составить письмо, — сказал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

— Я полагаю, джентльмены, — спокойно сказал Холмс, — что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

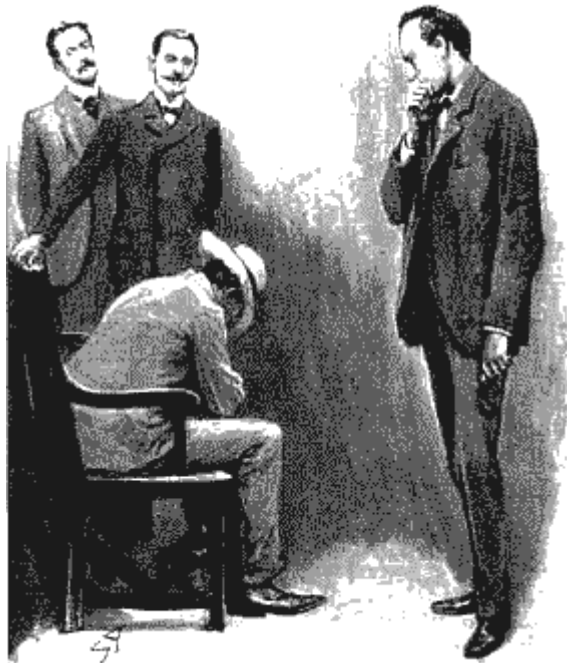
— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти... Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт... Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно. — Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илей? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно — эй, вы! Скажите, что она не ранена!

— Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, — сказал он.

— Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, — следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, — сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, вы старались заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

— Если Илей умрет, мне все равно, что будет со мною, — сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер, — вскричат он, и глаза его недоверчиво блеснули, — а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку? Он швырнул записку на стол.

— Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

— Ее написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, — сказал Холмс. — Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения

спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно не повинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю, — сказал американец. — Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илей был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илей знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменял профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илей к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илей без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слышал, пока ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки...

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

— Пора ехать.

— Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

— Нет, она еще не очнулась... Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

— Попробуйте прочитать ее, Уотсон, — сказал он улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру... Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных.

Одинокая велосипедистка

The Adventure of the Solitary Cyclist

First published in Collier's Weekly, Dec. 1903, with 5 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Jan. 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget.

Годы с 1894 по 1901 были периодом очень напряженной деятельности Шерлока Холмса. Пожалуй, ни одно трудное расследование за эти восемь лет не обошлось без его совета. Частные расследования, в которых он сыграл выдающуюся роль, исчисляются сотнями, причем многие из них оказались чрезвычайно запутанными и необычными. Каков итог этих лет? Множество блестящих побед и несколько, увы, неизбежных неудач. Поскольку я сохранил самые подробные записи всех дел и часто сам в них участвовал, мне, естественно, трудно решить, что же наиболее достойно опубликования. Я последую старому моему правилу: отдавать предпочтение тем случаям, которые представляют интерес не с точки зрения чудовищности преступления, а с точки зрения тонкости и драматической неожиданности его раскрытия. Вот почему мне хотелось бы описать дело мисс Вайолет Смит, одинокой велосипедистки из Чарлингтона, и весьма интересное расследование, неожиданно оборвавшееся трагедией. Я бы не сказал, что дело это особенно ярко иллюстрировало удивительный дар, снискавший моему другу заслуженную славу. Однако есть в нем некоторые особенности, благодаря которым оно занимает выдающееся место в хронике преступлений, из которых я черпаю материал для моих настоящих очерков.

Вот записная книжка 1895 года. Да, впервые мы увидели мисс Вайолет Смит в субботу 23 апреля. Я помню, что визит ее был очень нежелателен для Холмса: он был всецело поглощен одним сложным и загадочным делом — преследованием, которому подвергся Джон Винсент Хартен, известный табачный фабрикант-миллионер. Холмс любил больше всего точную, углубленную и сосредоточенную работу мысли и терпеть не мог, когда его отвлекали от разбираемого дела. Но надо было обладать особой черствостью, чтобы отказаться выслушать молодую прекрасную женщину, высокую, стройную и гордую, как королева, которая пришла к нам на Бейкер-стрит поздно вечером, умоляя помочь ей. Холмс уверял ее, что он занят, но это было бесполезно, ибо молодая дама, видимо, твердо решила, что не уйдет, пока Холмс не выслушает ее, и выдворить ее можно было разве что силой. Холмс смирился и, устало улыбаясь, предложил прелестной посетительнице сесть и рассказать, что ее так встревожило.

— Уж, конечно, не здоровье! — заключил Холмс, окинув ее быстрым пронизательным взглядом. — У такой заядлой велосипедистки плохого здоровья быть не может!

Та взглянула на свои ноги: действительно, край ботинка был чуть-чуть стерт от частого соприкосновения с педалью велосипеда.

— Да, я много езжу на велосипеде, мистер Холмс, и это имеет прямое отношение к цели моего визита.

Холмс подошел к ней и взял ее за руку (наша посетительница не носила перчаток). Он стал рассматривать ее руку так внимательно и бесстрастно, как ученый рассматривает редкого представителя животного или растительного мира.

— Вы, надеюсь, извините меня. Такова моя профессия, — сказал он, опуская ее руку. — Я чуть не ошибся: решил было, что вы машинистка. Но, конечно, вы занимаетесь музыкой. Уотсон, обратите внимание на сплюснутые кончики пальцев. Характерно и для пианиста и для машинистки. Но в вашем лице есть одухотворенность. — Холмс мягким движением повернул ее лицо к свету. — Машинисткам она несвойственна. Сомнений нет, наша гостья занимается музыкой.

— Да, мистер Холмс, я учительница музыки.

— И живете за городом, судя по цвету лица.

— Вы не ошиблись. Около Фарнема на границе с Сурреем.

— Прекрасное место. У нас с ним связано много воспоминаний. Помните, Уотсон, мы занимались там Арчибальдом Стенфордом, подделавшим документы? Ну, хорошо. Расскажите нам, мисс Вайолет, что же с вами случилось недалеко от Фарнема на границе с графством Суррей?

Молодая дама изложила очень ясно и точно следующее весьма странное происшествие.

— Мой покойный отец, мистер Холмс, Джеймс Смит был дирижером оркестра в одном театре. Когда он умер, у нас с мамой не оказалось ни одного близкого человека, кроме моего дяди, Ральфа Смита. Но он уехал в Африку двадцать пять лет назад, и мы ничего о нем по сей день не знаем. После смерти отца мы остались совершенно без средств. И вот однажды нам сказали что в «Таймсе» напечатано объявление о том, что нас кто-то разыскивает. Вы можете легко представить себе наше волнение. Мы решили, что кто-то оставил нам наследство, и тут же отправились к юристу, имя которого сообщалось в объявлении. У юриста нам представили двух джентльменов, мистера Каррутерса и мистера Вудли, — они жили в Южной Африке и приехали домой погостить. Эти джентльмены сказали нам, что дядя был их друг и что он умер в совершенной нищете несколько месяцев назад в Йоганнесбурге. Умирая, дядя просил их найти нас и помочь нам, если мы нуждаемся. Нам показалось странным, что дядя Ральф, который знать нас не хотел, когда был жив, вдруг, умирая, проявил такую заботу. Однако мистер Каррутерс объяснил, что дядя услышал о смерти брата только перед самой своей смертью и очень беспокоился о нашей судьбе.

— Простите, — сказал Холмс, — а когда произошел этот разговор?

— В декабре прошлого года — четыре месяца назад.

— Прошу вас, продолжайте.

— Этот мистер Вудли сразу же вызвал у меня отвращение. Он строил мне глазки — пошлый молодой человек с одутловатым лицом, рыжими усиками и прилизанными волосами. Он показался

мне омерзительным; я была уверена, что Сирил не одобрил бы такое знакомство.

— Его зовут Сирил? — сказал Холмс, улыбаясь.

Молодая посетительница покраснела и засмеялась.

— Да, мистер Холмс, его зовут Сирил Мортон. Он инженер-электрик, и, надеюсь, мы обвенчаемся в конце лета. Господи, но как же так получилось, что я о нем заговорила? Я только хотела сказать, что этот мистер Вудли показался мне отвратительным, а мистер Каррутерс, который был гораздо старше, производил скорее приятное впечатление. Темноволосый. Цвет лица желтоватый, нездоровый. Чисто выбрит. У него хорошие манеры и приятная улыбка. Он почти все время молчал, спросил только, какие у нас средства остались после смерти отца, и, узнав, что нам совсем не на что жить, предложил, чтобы я учила музыке его единственную дочь десяти лет. Я ответила, что мне не хочется оставлять мать одну, но он сказал, что на субботу и воскресенье я могу ездить домой. Он будет платить мне сто гиней в год — очень, конечно, хорошие деньги. В конце концов я согласилась и отправилась жить в Чилтерн-Грэйндж, в шести милях от Фарнема. Мистер Каррутерс был вдов, хозяйство вела экономка, очень почтенная пожилая женщина — миссис Диксон. Девочка была просто прелесть. Словом, все оборачивалось наилучшим образом. Сам мистер Каррутерс был очень мил, любил музыку, и вечера поэтому проходили очень приятно. А каждую субботу я уезжала домой в город.

Первым облачком, омрачившим мою жизнь, был приезд мистера Вудли, того самого молодого человека с рыжими усиками. Он приехал на неделю, но эта неделя показалась мне длиннее, чем три месяца! Он был ужасный человек, всем грубил и всех тиранил, но хуже всего было его отношение ко мне. Он ухаживал за мной самым настойчивым, самым пошлым образом, без конца хвалился своим богатством, повторял, что если бы я вышла за него замуж, то у меня были бы лучшие бриллианты в Лондоне, и наконец, когда я объявила ему, что не желаю иметь с ним ничего общего, он обнял меня, несмотря на мое сопротивление, и поклялся, что не отпустит, пока я его не поцелую. Он был страшно силен, и я не могла вырваться из его объятий. К счастью, тут вошел мистер Каррутерс и буквально оттащил его от меня, после чего нахал набросился на хозяина дома, сбил его с ног и ударил по лицу. На этом пребывание мистера Вудли в доме в качестве гостя закончилось. Мистер Каррутерс извинился передо мной на следующий день и уверил меня, что никогда впредь я не подвергнусь подобному унижению, — он позаботится об этом. Действительно, мистер Вудли с тех пор исчез.

Теперь, мистер Холмс, я перехожу к событию, которое побудило меня обратиться к вам за советом. Каждую субботу я езжу на станцию Фарнем на велосипеде, чтобы успеть на поезд 12.22. Дорога от Чилтерн-Грэйндж до станции безлюдна, а особенно она безлюдна там, где с одной стороны Чарлингтонская пустошь, а с другой — леса вокруг Чарлингтон-холла. Этот участок дороги тянется больше мили, и трудно себе представить более пустынную местность. Редко-редко встретишь телегу или одиноко бредущего крестьянина — и так до самого Круксбери-хилла, где дорога выходит на шоссе. Проезжая по этому месту две недели назад, я случайно оглянулась и увидела на расстоянии примерно двух сотен ярдов от меня велосипедиста. Это был мужчина средних лет, и я заметила у него короткую черную бородку. Потом я оглянулась опять, но велосипедист исчез, и я о нем забыла. Представьте мое удивление, мистер Холмс, когда, возвращаясь назад в понедельник, я заметила опять того же велосипедиста в том же самом месте. Мое удивление возросло еще больше, когда та же история в точности повторилась и в следующую субботу и затем в понедельник. Велосипедист все время держался на почтительном расстоянии от меня, и я никак не могла бы назвать его поведение назойливым. И все-таки в этом было что-то странное и неприятное. Я рассказала все мистеру Каррутерсу, он встревожился и сказал, что заказал лошадь и легкую рессорную коляску, так что я больше не буду ездить одна по этой безлюдной дороге.

Лошадь и коляску нам обещали доставить на этой неделе, но почему-то не доставили, и сегодня утром мне пришлось опять ехать одной на велосипеде до станции. Когда я подъезжала к Чарлингтонской пустоши, я оглянулась — опять тот же велосипедист. Он опять держался от меня на расстоянии, и я не могла разглядеть его лица, но одно несомненно: я его не знаю. На нем был темный костюм, на голове кепка. Что касается черт его лица, то я видела ясно лишь черную бородку. Почему-то сегодня я не была испугана. Меня охватило любопытство: кто он и что ему нужно

от меня. Я сбавила скорость. Он сбавил скорость тоже. Я остановилась. Он остановился. Ну хорошо же! Там, где дорога круто поворачивает, я быстро проехала поворот, а затем круто остановилась и стала ждать. Я думала, он вылетит из-за поворота и проскочит мимо меня, не успев остановиться. Ничего подобного! Он так и не появился. Я села на велосипед и поехала назад. Вот и поворот, за ним видна добрая миля дороги, но велосипедист исчез. А ведь дорога нигде не ответвлялась! Куда он исчез?

Тут Холмс засмеялся, потирая от удовольствия руки.

— Да, случай своеобразный, что и говорить, — сказал он.

— Не могли ли бы вы сказать мне, сколько времени прошло с того момента, как вы проехали поворот, и до того, когда вы увидели, что на дороге никого нет?

— Не более двух-трех минут.

— Значит, он не мог успеть за это время ни скрыться, двигаясь обратно по дороге, ни свернуть, потому что никаких ответвлений у дороги нет.

— Совершенно никаких.

— Тогда он свернул на какую-нибудь тропинку влево или вправо.

— Только не на пустошь. Я бы увидела его.

— С помощью метода исключения мы должны сделать вывод, что велосипедист уехал в сторону усадьбы Чарлингтон-холл, которая стоит, если не ошибаюсь, недалеко от дороги. Что еще вы можете сказать?

— Ничего, мистер Холмс, кроме того, что это меня сильно взволновало, и я поняла, что не успокоюсь, пока не разыщу вас и не попрошу у вас совета.

Некоторое время Холмс молчал.

— А где работает тот джентльмен, с которым вы помолвлены?

— наконец спросил он.

— В компании «Мидленд электрик», в Ковентри.

— Мог бы он неожиданно нагрянуть к вам, не сообщив предварительно о своем визите?

— Что вы, мистер Холмс! Никогда в жизни. Я достаточно хорошо его знаю!

— Есть у вас еще поклонники?

— Было несколько перед тем, как я познакомилась с Сирилом.

— А потом?

— Потом этот ужасный Вудли, если, конечно, можно назвать его поклонником?

— А кто-нибудь еще?

Наша прелестная посетительница была, видимо, несколько смущена.

— Так кто же? — повторил Холмс.

— Я не знаю, может быть, это — мое воображение, но иногда мне кажется, что мистер Каррутерс, у которого я работаю, не совсем ко мне... равнодушен. Мы ведь проводим столько времени вместе! Я ему аккомпанирую по вечерам. Он никогда и словом не обмолвился ни о чем. Он настоящий джентльмен. Но вы знаете, что любая девушка догадывается о таких вещах без слов.

— Хм, — Холмс нахмурился. — Чем он зарабатывает на жизнь?

— Он богатый человек.

— И не держит выезд?

— Во всяком случае, он вполне обеспечен. Раза два или три в неделю он отправляется в город. Его интересуют акции южноафриканских золотых приисков.

— Я попрошу вас, мисс Смит, уведомлять меня обо всех дальнейших событиях. Я теперь очень занят, но я найду время, чтобы навести некоторые справки, касающиеся вашего дела. А пока что, прошу вас, не предпринимайте без моего ведома никаких шагов. До свидания, и надеюсь, что мы услышим от вас хорошие вести.

Посетительница ушла.

— Что ж, это естественно, что у такой девушки есть поклонники, — проговорил Холмс, пыхтя своей трубкой. — И один из них решил ее преследовать на велосипеде на безлюдной дороге. Наверняка ее тайный воздыхатель. Но, между прочим, Уотсон, в этом деле есть интересные детали, навещающие на размышления.

— Вы хотите сказать: странно, что этот воздыхатель появляется только на одном участке дороги.

— Совершенно верно. Прежде всего мы должны выяснить, кто живет в Чарлингтон-холле. Затем надо узнать, что связывает Каррутерса и Вудли, поскольку ясно, что люди они совершенно разные. Почему оба они начали с таким рвением разыскивать родственников Ральфа Смита? Еще одна неясность: что это за странный хозяин, который платит гувернантке жалованье вдвое выше обычного и в то же время не держит лошадей, хотя живет в шести милях от станции? Да, Уотсон, все это странно, очень странно.

— Вы поедете туда?

— Нет, дорогой Уотсон. Поедете вы. В конце концов, возможно, что это какая-нибудь пустяковая интрижка, и я не могу ради нее прерывать важное расследование. В понедельник рано утром поезжайте в Фарнем, спрячьтесь недалеко от Чарлингтон-холла, наблюдайте и действуйте по своему усмотрению. Затем вы должны разузнать, кто живет в этом Чарлингтон-холле, вернуться и рассказать мне обо всем, что узнали. А теперь, Уотсон, ни одного больше слова об этом деле, пока у нас нет надежных фактов, которые привели бы нас к решению вопроса.

От нашей посетительницы мы узнали, что поезд, с которым она возвращается в понедельник, отходит от Ватерлоо в 9 часов 50 минут. Поэтому я отправился из дому очень рано и выехал в 9 часов 13 минут. На станции Фарнем мне объяснили, где находится Чарлингтон-холл, и я нашел его без труда. Ошибиться было невозможно: по одну сторону дороги тянется пустошь, а по другую — живая изгородь из старых тиссов, за которой начинается парк с великолепными деревьями. Главные ворота парка сложены из замшелого камня, и оба столба увенчаны позеленевшими дворянскими гербами. Кроме главного входа, я заметил несколько тропинок между тиссами. Дом не был виден с дороги, но все окружающее говорило о заброшенности и запустении.

Равнина была усеяна золотыми островами цветущего дрока, который так и пылал в лучах яркого весеннего солнца. Я спрятался за одним из таких островков так, чтобы видеть и ворота усадьбы и достаточно большой участок дороги в обе стороны. На дороге не было ни души. Затем я увидел велосипедиста. Он ехал по направлению к станции. Он был в черном костюме, и я заметил, что у него темная бородка. Он достиг того места, где начиналось поместье Чарлингтон, спрыгнул с велосипеда, пошел, ведя велосипед к одной из тропинок, и скрылся за тиссами вместе со своим велосипедом.

Прошло четверть часа и я увидел нашу велосипедистку — она возвращалась со станции. По-

равнявшись с усадьбой Чарлингтон, она оглянулась. Несколько мгновений спустя велосипедист вышел из своего убежища, сел на велосипед и последовал за ней. Нигде кругом — от горизонта и до горизонта — не было ни души; только две одинокие фигуры — изящная девушка, державшаяся очень прямо, а на некотором расстоянии от нее — пригнувшийся к самому рулю бородастый преследователь, явно замышляющий что-то. Она оглянулась и сбавила скорость. Он тоже сбавил скорость. Она остановилась. И он остановился, сохраняя расстояние в двести ярдов. Ее следующее движение было смелым и неожиданным. Она повернула велосипед и ринулась ему навстречу! Однако он выказал не меньше проворства и помчался назад. Затем она повернула обратно и поехала дальше. Голова у нее была гордо поднята, словно она не желала больше замечать своего преследователя. Он тоже повернул и поехал за ней, сохраняя ту же дистанцию, и наконец обе фигуры скрылись за поворотом.

Я не покинул своего убежища. И правильно сделал, ибо вскоре я снова увидел велосипедиста — он возвращался обратно. У ворот усадьбы он повернул и слез с велосипеда. В течение нескольких минут я все еще мог видеть его: он стоял под деревьями, и мне показалось, что он поправляет галстук. Затем он вскочил на велосипед и поехал по аллее, ведущей к дому. Я побежал к изгороди. Сквозь деревья я разглядел старое серое здание в стиле Тюдор, оштетинившееся трубами, но так как аллея шла через густой кустарник, велосипедиста больше не было видно.

Так или иначе, мне представлялось, что я неплохо поработал, и в отличном расположении духа я вернулся в Фарнем. Местный агент по продаже недвижимого имущества не мог дать мне никаких сведений о Чарлингтон-холле и посоветовал обратиться к известной фирме на Пэл-Мэл. Я зашел туда по пути домой. Представитель фирмы оказался воплощенной любезностью. «Я хотел бы снять Чарлингтон-холл на лето?» «Нет, к сожалению, это невозможно. Поздно. Дом сдали примерно месяц назад. Арендовавшего этот дом зовут мистером Уильямсоном. Весьма почтенный пожилой джентльмен». Вежливый представитель больше ничего, к сожалению, сообщить не мог, поскольку деловые операции клиентов фирма хранит в строгой тайне.

Вечером Шерлок Холмс с большим вниманием выслушал мой пространный доклад, но отнюдь не похвалил меня, на что я, признаться, весьма рассчитывал. Наоборот, его суровое лицо стало еще более суровым, когда он комментировал то, что я сделал, и то, что я должен был сделать.

— Во-первых, мой дорогой Уотсон, вы неудачно выбрали пункт наблюдения. Вы должны были спрятаться за изгородью — тогда вы смогли бы увидеть с близкого расстояния интересующее нас лицо. Вы же были от него в нескольких стах ярдов и поэтому можете сообщить мне даже меньше, чем мисс Смит. Она полагает, что велосипедист незнаком ей; я же, напротив, убежден, что она знает его. Иначе зачем бы он старался держаться от нее подальше? Вы говорите, что он низко пригнулся над рулем. Тоже затем, чтобы скрыть лицо! Словом, вы здорово прошляпили. Этот велосипедист скрылся в доме, и вы хотели выяснить, кто он. Для этого вы отправились к лондонскому агенту по недвижимому имуществу!

— А что мне было делать? — спросил я, начиная горячиться.

— Что? Отправиться в ближайший кабачок! Центр всех местных сплетен. Там бы вам сообщили имя любого обитателя дома — от хозяина до судомойки. Уильямсон! Это ровно ничего не говорит мне. Если он пожилой человек, то он не может быть велосипедистом, который сумел успешно скрыться от погони этой молодой, сильной спортсменки. Что нам дала ваша поездка? Ничего, кроме того, что наша посетительница сказала нам правду. А я и не сомневался в этом. Как не сомневался в том, что между велосипедистом и Чарлингтон-холлом есть связь. Это поместье арендовано неким Уильямсоном. Что из этого следует? Решительно ничего. Ну, ну, не расстраивайтесь. До следующей субботы мы мало что можем сделать, а пока я сам наведу кое-какие справки.

Утром мы получили письмо от мисс Смит. Она коротко и точно описывала в нем все те события, которые я видел собственными глазами. В нем была очень важная приписка:

«Я уверена, что вы сохраните в тайне то, что я сейчас напишу: мой хозяин сделал мне предложение, и пребывание в его доме стало для меня затруднительным. Я убеждена, что он движим глубоким и достойным уважения чувством. Но я помолвлена с другим. Он принял мой отказ очень серьезно, но деликатно. И все таки, вы можете легко пред-

ставить себе, обстановка в доме стала несколько напряженной».

— Кажется, наша очаровательная клиентка попала в переделку, — сказал Холмс, прочтя письмо. — В этом деле больше интересных особенностей и возможных осложнений, чем я думал сначала. Пожалуй, не мешает мне провести один день на лоне природы. Поеду-ка я сегодня во второй половине дня и проверю на месте несколько имеющихся у меня теорий.

День Холмса на лоне природы кончился неожиданно: он вернулся поздно вечером с рассеченной губой и кровоподтеком на лбу, не говоря уже о том, что весь его вид был таков, что, право, Скотленд-Ярд мог бы вполне заинтересоваться им самим. Приключения, пережитые им за день, видимо, доставили ему огромное удовольствие, и он хохотал от души, рассказывая о них.

— Я веду сидячий образ жизни, и немножко размяться на свежем воздухе очень полезно, — сказал он. — Вам известно, что я неплохо владею старинным английским видом спорта — боксом. Это мне очень пригодилось. Иначе все могло бы кончиться очень плохо.

Я стал просить его рассказать, что произошло.

— Я нашел тот кабачок — помните, я советовал вам начать с него — и обиняками задал хозяину несколько вопросов. Болтливый хозяин рассказал мне все, что меня интересовало. Оказалось, что Уильямсон, седобородый обитатель Чарлингтон-холла, живет совершенно один, не считая, конечно, прислуги. Есть слух, что он был священником. Однако два случая, происшедших за время его короткого пребывания в этой усадьбе, показались мне странными для священника, и я навел справки в церковном управлении. Мне ответили, что действительно, священник такой есть, но репутация у него самая дурная. Хозяин еще рассказал мне, что к этому Уильямсону на субботу и воскресенье съезжается веселая компания, особенно выделяется один джентльмен с рыжими усиками по имени Вудли — он в Чарлингтон-холле завсегдатай. Только он это произнес, дверь открылась, и вошел мистер Вудли собственной персоной — он пил пиво в соседней комнате и слышал весь наш разговор. Он тут же набросился на меня. Кто я такой? Что мне надо? Какого черта я им интересуюсь? И давай сыпать самыми отборными ругательствами. Закончил он этот поток коротким, но сильным ударом. Я увернулся, но не совсем удачно. Зато следующие несколько минут были восхитительны: Вудли замахнулся второй раз, но его предупредил мой удар прямой левой. Что касается меня, результат у вас перед глазами. Зато мистера Вудли пришлось свезти домой в телеге. Так закончилась моя прогулка; я должен признаться, что если не считать огромного удовольствия, полученного мной лично, польза от моего пребывания на границе с графством Суррей почти такая же, как от вашей поездки!

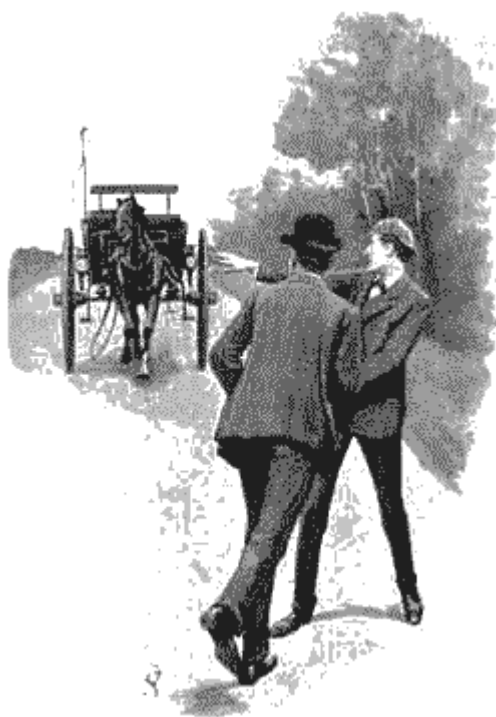

В четверг пришло еще одно письмо от нашей клиентки.

— Будем надеяться, Уотсон, будем надеяться, — сказал Холмс мрачно. — Очевидно, сети очень сложной интриги плетутся вокруг этой молодой женщины, и наша задача — проследить за тем, чтобы никто не тронул ее в субботу. Я думаю, Уотсон, нам придется выкроить время и поехать с вами вместе в субботу, не то наше интересное, хотя и незаконченное расследование может оказаться историей с грустным концом.

Признаюсь, что до сих пор я не относился слишком серьезно к этому делу. Мне оно казалось странным, причудливым, но никак не опасным. Ничего не было удивительного, что незнакомец искал случая встретиться с хорошенькой девушкой. Как можно считать его опасным, если у него не хватало храбрости приблизиться к ней и он обратился в бегство, когда она сама попыталась сделать это! Негодяй Вудли был человек иного сорта, но после того единственного случая, о котором она нам рассказала, он оставил ее в покое, и когда он опять зашел к Каррутерсу, он даже не встретился с ней. Велосипедист был, без сомнения, один из воскресных гостей Чарлингтон-холла, о которых говорил хозяин кабачка; но кто он такой и чего добивался, оставалось неясным. Я понял, что за всеми этим непонятными событиями может скрываться трагедия, только когда увидел, как Холмс, настроенный очень серьезно и решительно, уходя, сунул в карман револьвер.

Дождь кончился, и утро было великолепное. Наши глаза, уставшие от светло-серых, темно-серых и желтовато-серых тонов Лондона, впивали краски поросшей вереском пустоши с островками цветущего дрока, ярко горевшего на солнце. Мы шли с Холмсом по широкой песчаной дороге, наслаждаясь утренней свежестью, веселым щебетаньем птиц и запахами весны. Дорога пошла в гору. С гребня Круксбери-хилл мы увидели старый, мрачный Чарлингтон-холл. Его трубы ошетинились среди старинных дубов, и все же деревья были моложе, чем дом, который они окружали. Дорога вилась красновато-желтой лентой между коричневой пустошью и распускающейся зеленью леса. Холмс указал вперед на черную точку, появившуюся вдали. Коляска! Она двигалась нам навстречу.

Холмс воскликнул с досадой:

— Я рассчитал время так, чтобы у нас было в запасе лишних полчаса! Но если это ее коляска, то, значит, она спешит к более раннему поезду, и я боюсь, Уотсон, что она проедет мимо Чарлингтона прежде, чем мы до него доберемся.

Дорога пошла вниз, и коляска скрылась из виду. Мы бросились вперед. Я начал задыхаться — вот что значит сидячий образ жизни! Холмс, напротив, был в прекрасной форме: его поддерживал

неистошимый запас нервной энергии. Шаг его оставался все таким же быстрым и пружинистым. В сотне ярдов от меня он вдруг остановился, и я увидел, как он в отчаянии махнул рукой. В то же мгновение из-за поворота показалась пустая коляска, лошади несли во весь опор, и вожжи волочились по земле.

— Опоздали! — закричал Холмс, когда я подбежал к нему, тяжело дыша. — Надо же быть таким идиотом! Не подумать о предыдущем поезде! Они похитили ее, Уотсон, похитили! А может быть, убили! Бог знает, что произошло! Встаньте на дороге, остановите лошадь! Вот так. Быстрее в коляску! Может, нам еще удастся исправить последствия моей ошибки.

Мы вскочили в коляску. Холмс повернул лошадей, ударил кнутом, и мы понеслись. Сразу же за поворотом нам открылась вся дорога между Чарлингтон-холлом и пустошью. Я схватил Холмса за руку.

— Это он! — крикнул я, задыхаясь от волнения.

Одиноким велосипедист катил нам навстречу. Низко нагнувшись над рулем, он жал на педали, словно на велосипедной гонке. Вдруг он поднял голову, увидев нас, затормозил и соскочил с велосипеда. Его иссиня-черная борода странно выделялась на бледном лице, и глаза горели, как в лихорадке. Он был ошеломлен, увидев в коляске нас.

— Эй, — заорал он, — стойте! — Он поставил велосипед поперек дороги. — Где вы взяли эту коляску? Остановитесь же, говорю я вам! — завопил он, вытаскивая револьвер из бокового кармана. — Остановитесь, или, клянусь небом, я стреляю в лошадь!

Холмс бросил вожжи мне на колени и выскочил из коляски.

— Вы именно тот человек, которого мы хотим видеть. Где мисс Вайолет Смит? — Холмс говорил быстро и отчетливо.

— Вот это я и хочу спросить у вас. Вы сидите в ее коляске, значит, должны знать, где она!

— Коляска неслась пустая. Мы остановили лошадь, сели в нее и помчались на помощь молодой женщине.

— Боже мой! Боже мой! Что делать? — закричал незнакомец в отчаянии. — Они схватили ее, этот подлец Вудли и бандит-священник. Быстрее, быстрее, если вы действительно ее друг! Помогите мне, и мы спасем ее, даже если для этого необходимо, чтобы мой труп гнил в Чарлингтонском лесу!

С пистолетом в руке он побежал, не помня себя, к тропинке между тиссами. Холмс бросился за ним, я за Холмсом, оставив лошадь пастись у дороги.

— Вот где они шли, — сказал Холмс, указывая на следы ног вдоль тропинки. — Эй, постойте-ка! Что это там в кустах?

Молодой человек лет восемнадцати в одежде конюха, с кожаными шнурами и крагами, лежал навзничь, подогнув колени, на его голове зияла глубокая рана. Он был без сознания, но жив. Я взглянул на рану и понял, что кость не задета.

— Это Питер, конюх! — закричал незнакомец. — Он ее вез! Негодяи стащили его с коляски и оглушили. Пусть он лежит. Сейчас мы ему помочь не можем, но ее мы можем спасти от худшей участи, которая только может выпасть на долю женщины.

Мы помчались по тропинке, которая вилась между деревьями. Когда мы достигли кустов, окаймлявших дом. Холмс остановился.

— Они не в доме. Вот их следы. Они идут влево, у лавровых кустов! Ну, конечно, так и есть!

Последние слова он сказал потому, что вдруг из-за кустов послышался пронзительный женский крик, полный ужаса. Затем крик оборвался и на самой высокой ноте перешел в хрип.

— Сюда! Сюда! Они в аллее для игры в кегли! — кричал незнакомец, продираясь сквозь кусты. — Собаки, трусливые собаки! За мной, джентльмены! Поздно! Поздно! Клянусь всем святым, что поздно!

Кусты неожиданно расступились, и мы очутились на прелестной лужайке. На противоположном ее конце, под сенью могучего дуба, расположилось необычайное трио. Наша клиентка прислонилась к дереву, видимо, теряя сознание; рот у нее был завязан платком. Перед ней, расставив ноги, стоял свирепого вида молодой человек с бульдожьим лицом и рыжими усами. Одной рукой он подбоченился, в другой держал хлыст, весь его облик выражал презрительный вызов. Между ними находился пожилой человек с седой бородой; поверх его легкого шерстяного костюма была накинута сутана. По-видимому, он только что совершил обряд бракосочетания, потому что положил библию в карман как раз в ту минуту, когда мы появились. В виде шутовского поздравления он похлопал негодяя жениха по плечу.

— Они обвенчаны! — мог лишь выговорить я.

— Вперед! — закричал наш проводник и помчался через лужайку, а Холмс и я за ним.

Когда мы приблизились, молодая дама, боясь упасть, судорожно схватилась за дерево. Уильямсон, бывший священник, поклонился нам с издевательской вежливостью, а негодяй Вудли важно выступил вперед. Он хохотал в восторге от своей проделки.

— Сними бороду, Боб, — сказал он, — я тебя сразу узнал. Ты и твои друзья примчались как раз вовремя, для того, чтобы я мог представить вам миссис Вудли.

Ответ нашего спутника был неожиданным. Он сорвал с себя бороду — она действительно была приставной — и с яростью отшвырнул ее прочь. Оказалось, что у него продолговатое, нездорового цвета, чисто выбритое лицо.

— Да, я Боб Каррутерс, — сказал он, прицелившись из пистолета в Вудли, который наступал на него, угрожающе размахивая хлыстом. — И я сделаю все, чтобы смыть оскорбление, нанесенное этой девушке, даже если меня за это повесят. Я сказал тебе, негодяй, что с тобой будет, если ты не оставишь ее в покое, и, клянусь господом богом, я сдержу свое слово!

— Но ты опоздал, голубчик. Она моя жена!

— Не жена, а вдова!

Раздался выстрел, и я увидел, как на жилете Вудли вдруг выступило и расплылось кровавое пятно. Он завертелся на месте и рухнул навзничь; смертельная бледность вдруг покрыла пятнами его отвратительное, кирпичного цвета лицо. Старый Уильямсон, так и не снявший сутаны, разразился при этом такими ругательствами, каких я никогда еще не слышал, и тоже выхватил револьвер, но Холмс опередил его, направив на него дуло своего оружия.

— Довольно, — резко сказал мой друг. — Бросьте револьвер! Уотсон, подберите его. Так, приставьте к его голове. Благодарю вас. А вы, Каррутерс, дайте ваш револьвер мне. Хватит кровопролития. Давайте, давайте его сюда!

— Кто вы такой?

— Шерлок Холмс.

— Не может быть!

— Я вижу, вам известно мое имя. Тем лучше. Я буду представлять официальную полицию впредь до ее прибытия. Эй вы, послушайте! — закричал он испуганному конюху, который появился на краю лужайки, под деревьями. — Подите сюда. Возьмите вот эту записку и гоните всюю в Фарнем. — Он написал несколько слов на листке своего блокнота. — Отдайте это начальнику полицейского участка. А пока вместо него я.

Могучий ум Холмса и его воля теперь управляли этой трагической сценой, все остальные участники лишь подчинялись ему. Уильямсон и Каррутерс отнесли раненого Вудли в дом, в то время как я предложил руку испуганной девушке. Раненого положили на кровать, и по просьбе Холмса я осмотрел его. Я нашел Холмса в увешанной старинными гобеленами столовой, двое арестованных сидели против него.

— Он будет жить, — сказал я.

— Что? — вскочил на ноги Каррутерс. — Я пойду наверх и прикончу его. Не хотите ли вы сказать, что эта девушка, этот ангел будет на всю жизнь прикована к этому чудовищу Джеку Вудли?

— На этот счет можете не беспокоиться, — сказал Холмс.

— Есть по крайней мере две причины, в силу которых она ни в коем случае не будет его женой. Прежде всего мы поставим вопрос о том, имел ли мистер Уильямсон право венчать.

— Я принял сан, — сказал старый негодяй.

— Которого вас потом лишили.

— Священник останется священником всегда.

— Сомневаюсь. А как насчет разрешения на заключение брака?

— Оно у меня в кармане.

— В таком случае вы достали его мошенническим образом. Как бы то ни было, венчание по принуждению — это не венчание, а серьезное преступление, в чем вы скоро убедитесь. Думаю, что у вас будет по меньшей мере десять лет, чтобы обдумать это хорошенько. Что касается вас, Каррутерс, то, право, лучше бы вы не вынимали из кармана этот злосчастный пистолет!

— Теперь я вижу, что вы правы, мистер Холмс. Но поймите: я люблю эту девушку, и я впервые узнал, что значит любить. Какие я предпринимал предосторожности, чтобы уберечь ее! И вдруг все пошло прахом, и она оказалась во власти самого свирепого негодяя в Южной Африке, имя которого наводит ужас на всех от Кимберли до Йоганнесбурга. Поверите ли, мистер Холмс? С тех пор, как эта девушка стала у меня работать, я ни разу не отпустил ее домой одну, потому что знал о сборищах этих негодяев. Я каждый раз садился на велосипед и сопровождал ее. Конечно, я держался на почтительном расстоянии и, кроме того, надевал поддельную бороду, чтобы она не узнала меня. Мисс Смит так независима и горда, она ни за что не осталась бы работать у меня, если бы узнала, что я всюду сопровождаю ее.

— Почему же вы не сказали ей об опасности?

— Потому что и в этом случае она бы покинула меня. Я просто не мог этого сделать. Хотя она и не любила меня, для меня было счастьем видеть ее в доме, слышать звук ее голоса.

— Вот что, — сказал я, — вы называете это любовью, мистер Каррутерс, а по-моему, это называется эгоизмом.

— Может быть, вы и правы. Но разве любовь и эгоизм не сопутствуют друг другу? Словом, я не мог допустить и мысли, что она покинет меня. Кроме того, планы этих бандитов таковы, что ей необходима была защита. Потом пришла телеграмма, и я понял, что теперь они начнут действовать.

— Какая телеграмма?

Каррутерс вытащил ее из кармана.

— Вот она, — сказал он.

Содержание телеграммы было простым и коротким:

— Хм! — сказал Холмс. — Мне кажется, я вижу всю цепь событий и понимаю, почему телеграмма сыграла роковую роль. Но раз уж мы все равно сидим и ждем, может быть, вы расскажете нам, что знаете.

Тут старый негодяй в сутане разразился бранью.

— Клянусь всем святым, — заорал он, — если ты донесешь на нас, Боб Каррутерс, то я сделаю с тобой то, что ты сделал с Джеком Вудли! Насчет девчонки можешь приходить в телячий восторг сколько душе угодно, это твое дело. Но если ты продашь своих друзей этому фараону в штатском, будешь последней собакой, ясно?

— Вашему преосвященству незачем так волноваться, — сказал Холмс, закуривая. — Дело и так совершенно ясно, и если я интересуюсь некоторыми деталями ми, то лишь из чистой любознательности. Впрочем, если не хотите рассказывать, то давайте расскажу я, и тогда вы увидите, как мало вы можете скрыть. Прежде всего, вы трое — то есть вы, Уильямсон, вы, Каррутерс, и Вудли — приехали из Южной Африки в надежде на...

— Ложь номер один! — закричал священник. — Я увидел их в первый раз два месяца назад и никогда не был в Африке. Скушайте на здоровье, дорогой мистер Не-суйте-нос-в-чужие-дела!

— Да, мы познакомились только два месяца назад, — сказал Каррутерс.

— Хорошо, значит, вы двое приехали из Африки. Его преосвященство — продукт отечественного производства. В Южной Африке вы были знакомы с Ральфом Смитом. У вас были основания

предполагать, что он не протянет долго. Вы разузнали, что наследство его должна получить племянница. Ну как, все правильно?

Каррутерс кивнул, а Уильямсон опять разразился проклятиями.

— Девушка была ближайшей родственницей, и вы знали, что дядя не оставил завещания.

— Он не умел ни читать, ни писать, — сказал Каррутерс.

— Итак, вы приехали сюда вдвоем и разыскали девушку. Вы решили, что один из вас женится на ней, а другой получит свою долю добычи. Роль мужа должен был сыграть Вудли. Почему?

— Мы разыграли это в карты еще на пароходе. Он выиграл.

— Понимаю. Вы пригласили девушку к себе в качестве гувернантки, чтобы Вудли мог ухаживать за ней. Но она быстро раскусила этого пьяного негодяя и наотрез отказалась знать его. А тут вы полюбили девушку, и уже поэтому вся затея должна была провалиться. Мысль о том, что она будет принадлежать этому негодяю, была теперь невыносима для вас.

— Невыносима, клянусь небом, невыносима!

— Между вами произошла ссора. Вудли, разъяренный покинул ваш дом и принялся осуществлять свой собственный план.

— Сдается мне, Уильямсон, что нам нечего сообщить этому джентльмену! — Каррутерс горько рассмеялся. — Да, мы поссорились. Он ударил меня, и я упал. Теперь, во всяком случае, я с ним расквитался за это. Потом он исчез. Познакомился с этим святым отцом. Я узнал, что они поселились в том доме у дороги. Я чувствовал, они замышляют что-то недоброе, и не спускал с нее глаз. Иногда я заходил к ним, чтобы разузнать их планы. Позавчера Вудли зашел ко мне с телеграммой, извещавшей, что Ральф Смит умер. Он спросил меня, намерен ли я участвовать в сделке. Я сказал, что нет. Он тогда спросил, согласен ли я жениться на ней и отдать ему долю наследства. Я сказал, что согласен, но она этого не желает. Тогда он заявил: «Выдадим ее за тебя замуж, а через неделю или две настроение у нее переменится». Я сказал, что не хочу ничего делать силой. Он стал ругаться, как последний негодяй, хотя, впрочем, он и есть последний негодяй. Заявил, что так или иначе он своего добьется, и ушел. В эту субботу она уезжала от меня. Я достал коляску, чтобы садовник отвез ее на станцию, но все равно меня одолело беспокойство, и я поехал за ней на велосипеде. Но она уже отъехала довольно далеко, и когда я догнал коляску, было уже поздно. Я это понял, когда в коляске вместо нее увидел вас.

Холмс встал и бросил окурок в камин.

— Я оказался таким тупицей, Уотсон! — сказал он. — Вы ведь мне сказали, что велосипедист

поправлял галстук, — помните, когда он шел по дорожке к дому. Одного этого было достаточно, чтобы распутать всю эту историю. Так или иначе, мы можем поздравить себя с весьма любопытным, можно сказать, единственным в своем роде делом. Я вижу, что трое полицейских идут по дорожке к дому, и я рад, что молодой конюх бодро поспекает за ними. Таким образом, весьма возможно, что ни он, ни наш весьма интересный жених не окажутся жертвами сегодняшних приключений. Я думаю, Уотсон, вы должны сейчас обратить свое профессиональное внимание на мисс Смит. Если же она оправилась, то мы с удовольствием проводим ее домой к матери. Если же она еще не совсем пришла в себя, скажите ей, что мы собираемся послать телеграмму молодому электрику в Мидленд. Это будет лучшим лекарством. Что касается вас, Каррутерс, то полагаю, вы вполне заслужили прощение за ваше прежнее участие в этом заговоре. Вот, сэр, моя карточка, и если мои показания могут помочь вам во время суда, я к вашим услугам.

Читатель, возможно, заметил, что для меня часто бывает трудно завершить должным образом мои очерки и сообщить те заключительные подробности, которые могут его интересовать, — такой напряженной и бурной была наша с Холмсом деятельность. Каждое дело являлось как бы преддверием следующего, и как только очередная пьеса кончалась, ее действующие лица выпадали из нашего поля зрения, ибо мы были слишком заняты, чтобы интересоваться их судьбой. Однако в моих черновиках есть коротенькая приписка, относящаяся к данному делу. В ней сказано, что мисс Вайолет Смит действительно унаследовала большое состояние и сейчас она замужем за Сирилом Мортонем, старшим партнером фирмы «Мортон и Кеннеди», известных инженеров-электриков из Вестминстера. Уильямсен и Вудли предстали перед судом по обвинению в том, что насильно увезли мисс Смит и насильно произвели обряд венчания: Уильямсон был приговорен к семи годам, Вудли — к десяти. О судьбе Каррутерса в приписке ничего не сказано, но я уверен, что к его выстрелу из револьвера суд отнесся с большим снисхождением, поскольку Вудли имел репутацию опасного негодяя, и несколько месяцев заключения вполне удовлетворили правосудие.

Случай в интернате

*The Adventure of the Priory School*³

First published in Collier's Weekly, Jan. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Feb. 1904, with 9 illustrations by Sidney Paget.

Наша скромная сцена на Бейкер-стрит знавала много драматических эпизодов, но я не припомню ничего более неожиданного и ошеломляющего, чем первое появление на ней Торникрофта Хакстейбла, магистра искусств, доктора философии⁴ и т. д. и т. п. Визитная карточка, казавшаяся слишком маленькой для такого груза ученых степеней, опередила его на несколько секунд; следом за ней появился и он сам, человек рослый, солидный, величественный — олицетворение выдержки и твердости духа. И вот, не успела дверь закрыться за ним, как он оперся руками о стол, медленно осел на пол и, потеряв сознание, растянулся во весь свой могучий рост на медвежьей шкуре у нас перед камином.

Мы вскочили с мест и минуту молча, удивленно смотрели на этот внушительный обломок крушения, занесенный к нам бурей, разыгравшейся где-то далеко, в безбрежном океане жизни. Потом Холмс быстро подsunул ему подушку под голову, а я поднес к его губам рюмку коньяку. Полное бледное лицо незнакомца бороздили глубокие морщины; под опухшими глазами лежали синеватые тени; уголки приоткрытого рта были скорбно опущены; на двойном подбородке проступала щетина. Видимо, он приехал издалека, так как воротничок и рубашка у него загрязнились, нечесанные волосы прядями падали на высокий, красивый лоб. Перед нами лежал человек, которого постигла какая-то большая беда.

³ Интернат — закрытое учебное заведение, в котором школьники и учатся и живут.

⁴ Магистр, доктор — ученые степени (звания).

— Что с ним, Уотсон? — спросил Холмс.

— Полный упадок сил... вероятно, от голода и усталости, — ответил я, держа пальцы на его кисти, где тоненькой, еле ощутимой ниточкой пульсировала жизнь.

— Обратный проезд до Мэклтона. Это на севере Англии, — сказал Холмс, вынимая у него из кармашка для часов железнодорожный билет. — Сейчас еще нет двенадцати. Раненько же ему пришлось выехать!

Припухшие веки нашего гостя дрогнули, и его серые глаза уставились на нас бессмысленным взглядом. Минутой позже он с трудом поднялся на ноги, весь красный от стыда.

— Простите меня, мистер Холмс. Этот обморок — следствие нервного потрясения. Нет, благодарю вас... Стакан молока с сухариком — и все пройдет. Мистер Холмс, я приехал сюда с тем, чтобы увезти вас с собой. Мне казалось, что никакая телеграмма не даст вам должного представления о неотложности этого дела.

— Когда вы окончательно оправитесь...

— Я чувствую себя отлично. Просто не понимаю, что это со мной приключилось. Мистер Холмс, я прошу вас выехать в Мэклтон первым же поездом.

Холмс покачал головой:

— Мой коллега, доктор Уотсон, подтвердит вам, что мы с ним очень заняты. Мне уже выдан аванс на расследование пропажи документов Феррера, а кроме того, на днях начинается слушание дела об убийстве в Абер-гавенни. Выехать из Лондона меня может заставить только что-нибудь сверхважное.

— Сверхважное! — Наш гость воздел руки. — Неужели вы не слышали о похищении единственного сына герцога Холдернесса?

— Герцога Холдернесса? Бывшего министра?

— Да, да! Мы приложили все силы, чтобы это не попало в газеты, но во вчерашнем «Глобусе» уже промелькнули кое-какие слухи. Я думал, что до вас они тоже дошли.

Холмс протянул свою длинную, худую руку и снял с полки том энциклопедического справочника на букву «Х».

— «Холдернесс, шестой герцог, кавалер Ордена подвязки, член Тайного совета...» и так далее, до бесконечности. «Барон Боверли, граф Карстон...» Боже мой, сколько титулов! «Председатель суда графства Хэллемшир (с 1900). Женат на Эдит, дочери сэра Чарльза Эпплдора (1888). Единственный сын и наследник лорд Солтайр. Владелец двухсот пятидесяти тысяч акров земли. Рудники в Ланкашире и Уэлсе. Адрес: Карлтон-хаус-террас; Холдернесс-холл, Хэллемшир; замок Карлстон, Бангор, Узле. Лорд Адмиралтейства⁵ (1872), министр...» Словом, известный человек, пожалуй, один

⁵ Лорд Адмиралтейства — морской министр.

из самых известных в нашей стране.

— Один из самых известных и, может быть, самых богатых. Насколько я знаю, мистер Холмс, вы далеко не ремесленник в своей области и сплошь и рядом беретесь за дело ради самого дела. Но разрешите вам сказать, что его светлость обещает вручить чек на пять тысяч фунтов тому, кто укажет местонахождение его сына, и дополнительную тысячу фунтов, если ему назовут похитителя или похитителей.

— Щедрое вознаграждение! — сказал Холмс. — Уотсон, пожалуй, мы с вами отправимся на север Англии вместе с доктором Хакстейблом. А вы, доктор, выпейте молока, а потом расскажите нам, что произошло, когда произошло, где произошло и, наконец, какое отношение имеет к этому доктор Торникрофт Хакстейбл, директор интерната под Мэклтеном, и почему он только через три дня после происшествия — о чем сужу по вашему небритому подбородку — обращается ко мне, веря в мои скромные способности.

Наш гость выпил стакан молока и горячо, не упуская ни одной подробности, повел свой рассказ. Взгляд его сразу ожил, щеки порозовели.

— Должен вам доложить, джентльмены, что я основатель и директор школы-интерната под Мэклтеном. «Комментарии к Горацию»⁶ Хакстейбла, может быть, напомнят вам, с кем вы имеете дело. Мой интернат для мальчиков несомненно самое лучшее и самое привилегированное учебное заведение в Англии. Лорд Леверстоук, граф Блэкуотер, сэр Кэткорт Соумс — вот кто доверяет мне своих сыновей. Но вершины славы моя школа достигла три недели назад, когда лорд Холдернесс передал мне через своего секретаря, мистера Джеймса Уайлдера, что десятилетний лорд Солтайр, его единственный сын и наследник, будет учиться у меня в школе. Мог ли я думать тогда: вот прелюдия, за которой последует величайшее несчастье моей жизни!

Лорд Солтайр приехал первого мая, к началу летнего семестра. Этот очаровательный мальчик очень скоро освоился с нашими порядками. Должен заметить — и, надеюсь, никто не обвинит меня в нескромности, ибо умалчивать об этом было бы нелепо, — мальчику жилось дома не сладко. Ни для кого не секрет, что супружеская жизнь герцога оставляла желать много лучшего и по взаимному согласию супруги разъехались, причем герцогиня поселилась на юге Франции. Все это произошло совсем недавно, а сыновние чувства мальчика, как нам стало известно, были всецело на стороне матери. Он затосковал после ее отъезда из Холдернесс-холла, и тогда герцог решил определить его ко мне в интернат. Через две недели маленький лорд Солтайр совсем обжился у нас и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно.

Последний раз его видели вечером тринадцатого мая, то есть в понедельник. Отведенная ему комната была на втором этаже, а в большой смежной спали два других мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали ночью, следовательно, лорд Солтайр вышел из своей комнаты не через дверь. Окно у него было открыто, а стену в этом месте густо увивает плющ с очень толстыми ветками. Следов на земле мы не обнаружили, но можно не сомневаться, что он вылез в окно.

Беглеца хватились во вторник, в семь часов утра. Кровать его была не застлана. Перед уходом он успел одеться в школьную форму — черную итонскую курточку и серые брюки. Ночью в комнату к нему никто не входил, а если бы оттуда доносились крики или звуки борьбы, Контер, старший из мальчиков в смежной спальне, разумеется, услышал бы шум, так как он спит чутко.

Как только исчезновение лорда Солтайра было обнаружено, я созвал весь интернат — мальчиков, учителей, слуг. И тут мы убедились, что лорд Солтайр бежал не один. Отсутствовал Хайдеггер — преподаватель немецкого языка. Комната Хайдеггера была в противоположном крыле второго этажа, но тоже выходила окнами на лужайку. Кровать и у него стояла неубранная, однако одеться как следует ему, видимо, не пришлось, потому что его рубашка и носки валялись на полу. Он вылез в окно и спустился вниз, цепляясь за ветки плюща, о чем свидетельствовали следы на земле. Его велосипеда, обычно стоявшего в небольшом сарае в конце лужайки, на месте не оказалось.

Хайдеггер поступил ко мне в школу два года назад с самыми лучшими рекомендациями, но человек он был молчаливый, хмурый и не пользовался особенной любовью ни среди школьников, ни среди учителей.

⁶ Гораций — древнеримский поэт. Комментарии к Горацию — пояснения к его стихам.

Сегодня у нас четверг, и со вторника мы не узнали ничего нового о беглеце. Разумеется, первое, что я сделал, — я снесся с Холдернесс-холлом. Поместье герцога находится всего в нескольких милях от школы, и у нас была надежда, что, затосковав по дому, лорд Солтайр вернулся к отцу, но там его не оказалось. Герцог страшно взволнован, а что касается меня, так вы сами могли убедиться, до чего доводят человека тревога и чувство ответственности за своего питомца. Мистер Холмс, умоляю вас, не шадите своих сил! Это дело заслуживает того, чтобы вы отдались ему всецело.

Шерлок Холмс внимательно выслушал рассказ злополучного директора. Нахмуренные брови, глубокая складка между ними свидетельствовали о том, что он не нуждается в уговорах и положит все силы на расследование дела, которое, помимо своей серьезности, будило в нем его всегдашнюю любовь к задачам необычным и запутанным. Он вынул из кармана блокнот и записал в нем что-то себе для памяти.

— Вы совершили большую ошибку, что не обратились ко мне сразу, — строго проговорил мой Друг. — Это сильно осложнит расследование. Я, например, уверен, что и лужайка и плющ на стене могли бы о многом порассказать опытному глазу.

— Я тут ни при чем, мистер Холмс. Его светлость всеми силами старался избежать огласки. Он опасался, как бы его семейные неурядицы не стали предметом сплетен. Это ему всегда претило.

— А местные власти занимались расследованием бегства лорда Солтайра?

— Да, сэръ, но — увы! — это ни к чему не привело. Сначала мы как будто напали на след беглецов — нам сообщили, что с нашей станции утренним поездом выехал какой-то молодой человек и с ним мальчик. Но вчера вечером их задержали в Ливерпуле, и ошибка сразу выяснилась. Вот тогда-то я уж совсем отчаялся и после бессонной ночи с первым же поездом выехал к вам.

— Как только полиция направилась по ложному следу, расследование дела на месте, вероятно, велось уже не так ретиво? — Его попросту прекратили.

— Значит, три дня прошли впустую. Это возмутительно!

— Да, каюсь. Вы правы.

— А ведь загадку можно было распутать. Я с удовольствием возьмусь за это дело. Скажите, вам удалось установить какую-нибудь связь между исчезнувшим мальчиком и учителем немецкого языка?

— Никакой связи между ними не было.

— Учитель преподавал у него в классе?

— Нет, и, насколько мне известно, он даже ни разу с ним не говорил.

— Странно, очень странно! Велосипед, у мальчика был?

— Нет.

— А другие велосипеды все на месте?

— На месте.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен.

— Надеюсь, вы не думаете, что немец уехал глухой ночью на велосипеде, с мальчиком на руках?

— Разумеется, нет.

— Тогда как вы все это объясняете?

— Может быть, они взяли велосипед для отвода глаз, припрятали его где-нибудь, а сами пошли пешком.

— Может быть. Но, согласитесь сами, это странный способ отвести глаза. Ведь в сарае стояли и другие велосипеды?

— Да.

— Не лучше ли ему было спрятать два велосипеда, если он хотел навести вас на мысль, что они уехали, а не ушли пешком?

— Да, вы правы.

— То-то и оно. Нет, эта теория никуда не годится. Но сама по себе пропажа велосипеда может послужить отправной точкой для дальнейшего расследования. В конце концов, это не такая вещь, которую легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос: кто-нибудь навещал мальчика накануне его бегства?

— Нет.

— Может быть, на его имя были письма?

— Да, одно письмо было.

— От кого?

— От его отца.

— Вы вскрываете почту своих учеников?

— Нет.

— Почему же вы думаете, что письмо пришло от его отца?

— Конверт был с гербом, и адрес написан угловатым почерком герцога. Кроме того, герцог сам вспомнил, что писал сыну.

— Когда мальчик получал письма до этого?

— Последние дни на его имя ничего не было.

— А из Франции ему писали?

— Ни разу.

— Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Либо лорда Солтайра увели силой, либо он убежал по собственной воле. Последняя гипотеза подсказывает, что мальчик не мог бы отважиться на такой поступок без воздействия извне. Если к нему никто не приходил, следовательно, воздействие оказывалось при помощи писем. Бот почему мне важно знать, кто были его корреспонденты.

— Вряд ли я могу тут чем-нибудь помочь вам. Насколько известно, ему писал только отец.

— И отцовское письмо пришло в день побега. Какие отношения были между отцом и сыном: хорошие, дружеские?

— Его светлость никого не удостаивает своей дружбы — он поглощен важными государственными делами. Вряд ли ему доступны обычные человеческие чувства. Но по-своему он относился к сыну неплохо.

— Однако сердцем мальчик был всецело на стороне матери?

— Да.

— Он сам так говорил?

— Нет.

— Кто же? Герцог?

— Ну, что вы! Конечно, нет!

— Тогда откуда вам это известно?

— Мне приходилось раз-другой беседовать с секретарем его светлости, мистером Джеймсом Уайлдером. Он и осведомил меня по секрету о настроениях лорда Солтайра.

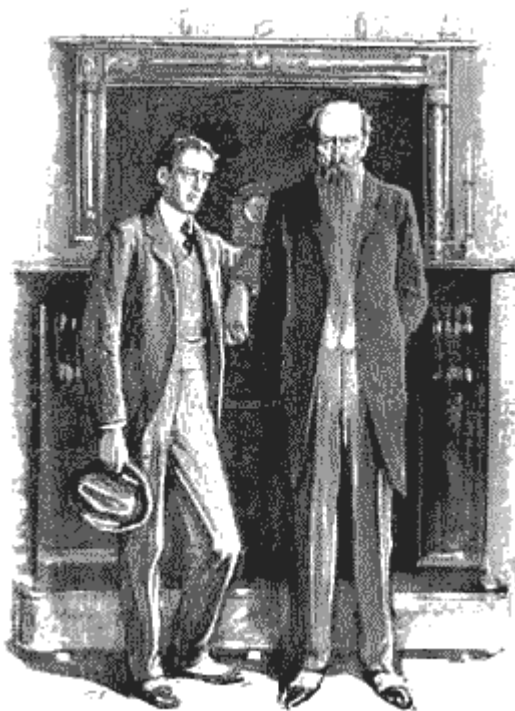
— Понятно. Кстати, последнее письмо герцога нашли в комнате мальчика уже после побега?

— Нет, он взял его с собой... Мистер Холмс, а не пора ли нам на вокзал?

— Сейчас я велю вызвать кэб. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы собираетесь телеграфировать домой, мистер Хакстейбл, пусть там у вас думают, что расследование все еще ведется в Ливерпуле. Ведь, кажется, туда занесло вашу свору гончих? А я тем временем спокойно, без помех, поработаю у самых дверей вашей школы, и, может быть, чутье не подведет двух таких старых ищек, как ваш покорный слуга и Уотсон, и мы ухитримся кое-что разнюхать на месте.

Вечером на нас пахнуло бодрящим холодным воздухом графства Дерби, где находилась знаменитая школа доктора Хакстейбла. Когда мы подъехали к ней, было уже темно. На столе в передней лежала визитная карточка. Лакей шепнул что-то директору, и тот, взволнованный, повернулся к нам.

— Герцог здесь, — сказал он. — Герцог и мистер Уайлдер ждут меня в кабинете. Пойдемте, джентльмены, я представлю вас.

Я, конечно, знал по фотографиям этого известнейшего государственного деятеля, но он оказался совсем не таким, как на портретах. На ковре у камина перед нами стоял изысканно одетый, величественной осанки человек с худым, узким лицом и как-то нелепо торчащим длинным крючковатым носом. Он был бледен, как смерть, и эту бледность особенно подчеркивала его длинная яркочерная борода, сквозь которую на белом жилете поблескивала золотая цепочка от часов. Бывший министр смотрел на нас ледяным взглядом. Рядом с ним стоял совсем еще молодой человек небольшого роста с подвижным, нервным лицом и умными голубыми глазами — как я догадался, его личный секретарь Уайлдер. Разговор начал он, и начал сразу, весьма решительным и даже едким тоном:

— Доктор Хакстейбл, я был у вас сегодня утром, но, к сожалению, опоздал и не мог воспрепятствовать вашей поездке в Лондон. Как мне сказали, вы отправились туда за мистером Шерлоком Холмсом с тем, чтобы поручить ему расследование этого дела. Его светлость удивлен, доктор Хакстейбл, что вы решились на такой шаг, не посоветовавшись предварительно с ним.

— Когда я узнал, что полицейские розыски ни к чему не привели...

— Его светлость далеко не убежден в этом.

— Но, мистер Уайлдер!..

— Как вам известно, доктор Хакстейбл, его светлость не хочет, чтобы это дело получило огласку. Он предпочел бы не посвящать в него лишних людей.

— Это легко исправить, — пробормотал перепуганный доктор. — Мистер Шерлок Холмс может выехать в Лондон утренним поездом.

— Не собираюсь, доктор, не собираюсь! — с вежливой улыбкой сказал Холмс. — Северный воздух так приятен и так благотворен для здоровья, что я решил провести несколько дней здесь, на равнинах, а уж развлекаться буду как могу. Найду ли я пристанище под вашим кровом или в деревенской гостинице, это, разумеется, зависит только от вас.

Несчастный доктор был в полной растерянности, но тут ему на выручку поспешил звучный бас рыжебородого герцога, прозвучавший точно гонг, которым сзывают к обеду.

— Мистер Уайлдер прав, доктор Хакстейбл, вам следовало бы посоветоваться со мной. Но поскольку вы посвятили мистера Холмса во все это дело, с нашей стороны было бы неразумно отказываться от его помощи. Вам незачем идти в деревенскую гостиницу, мистер Холмс, я буду рад принять вас у себя в Холдернесс-холле.

— Премного благодарен, ваша светлость. Однако, в интересах нашего дела, пожалуй, мне следует остаться здесь, на месте происшествия.

— Не хочу вас неволить, мистер Холмс. Но если вам понадобятся какие-нибудь сведения от меня или мистера Уайлдера, мы к вашим услугам.

— Мне, вероятно, придется побывать в Холдернесс-холле, — сказал Холмс. — А сейчас, сэр, я только хотел бы знать, как вы объясняете таинственное исчезновение вашего сына.

— Затрудняюсь вам ответить, сэр.

— Простите, если я коснусь неприятной для вас темы, но без этого нельзя. Не думаете ли вы, что тут замешана герцогиня?

Министр медлил с ответом.

— Нет, не думаю, — сказал он наконец.

— Тогда само собой напрашивается другое объяснение: может быть, мальчика похитили с тем, чтобы получить за него выкуп? Таких требований не было?

— Нет, сэр.

— Еще один вопрос, ваша светлость. Мне известно, что вы писали сыну в день его исчезновения.

— Нет, это было накануне.

— Совершенно верно. Но он получил ваше письмо именно в тот день?

— Да.

— Не было ли в этом письме чего-нибудь такого, что могло взволновать его или подать ему мысль о бегстве?

— Разумеется, нет, сэр!

— Письмо вы отправили сами?

За герцога раздраженно ответил секретарь:

— Его светлость не имеет обыкновения лично отправлять свою корреспонденцию. Это письмо было оставлено вместе с другими на столе в кабинете, и я все их положил в сумку для почты.

— Вы уверены, что среди других писем было и это?

— Да, я его видел.

— Сколько писем вы написали в тот день, ваша светлость?

— Не то двадцать, не то тридцать. У меня обширная переписка. Но, по-моему, мы несколько отклонились от существа дела.

— Нет, почему же! — сказал Холмс.

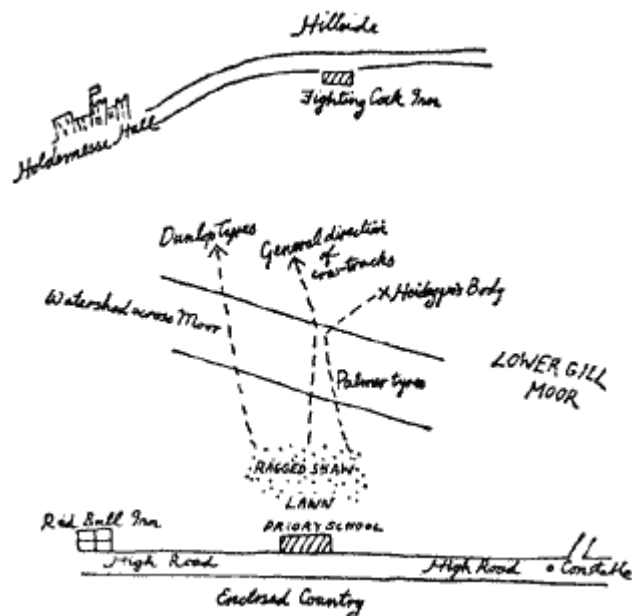
— Я сам посоветовал полиции направить поиски на юг Франции, — продолжал герцог. — Повторяю: я не думаю, чтобы герцогиня была способна толкнуть сына па такой чудовищный поступок, но он, при его упорстве, мог убежать к матери, тем более, если тут не обошлось без подстрекательства и содействия этого немца. А теперь, доктор Хакстейбл, разрешите откланяться.

Я чувствовал, сколько еще вопросов есть у Холмса, но герцог сразу положил конец разговору. Утонченный аристократизм этого вельможи не позволял ему входить в обсуждение семейных дел с посторонним человеком, и он, видимо, боялся, что каждый новый вопрос бросит безжалостный свет на старательно затемненные уголки его жизни.

Сразу после ухода герцога и мистера Уайлдера мой друг с обычным для него рвением принялся за работу.

Тщательный осмотр комнаты мальчика ничего не дал, кроме окончательной уверенности в том, что он мог убежать только через окно. В комнате учителя-немца среди его вещей тоже не нашлось новых улик. Плющ под окном не выдержал его тяжести, и, посветив фонариком на лужайку, мы увидели там глубокие отпечатки каблуков. Примятая трава — вот единственное, что свидетельствовало об этом необъяснимом ночном побеге.

Шерлок Холмс ушел, оставив меня одного, и вернулся только в двенадцатом часу ночи. Он достал где-то большую карту здешних мест, разложил ее у меня в комнате на кровати и поставил посередине лампу. Потом закурил и стал сосредоточенно разглядывать свое приобретение, время от времени показывая мне интересные его пункты дымящимся янтарным мундштуком трубки.

— Это дело захватывает меня все больше и больше, Уотсон, — говорил мой друг. — Интересное дело, очень интересное... Но сейчас, когда я только приступаю к нему, мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторые географические детали, которые могут оказаться немаловажными в ходе расследования. Взгляните на эту карту. Вот этот заштрихованный квадрат — школа. Вот кнем сюда булавку. Вот шоссе. Оно проходит мимо школы с востока на запад, и ответвлений от него нет на протяжении мили в ту и другую сторону. Если наши беглецы шли дорогой, другого пути для них быть не могло.

— Правильно.

— По счастливому стечению обстоятельств, мы можем проверить, что делалось на шоссе той ночью. Вот здесь, где сейчас моя трубка, с двенадцати до шести утра дежурил полисмен. Как видите, это первый перекресток в восточной части шоссе. Полисмен ни на ми-куту не отлучался со своего поста, и он утверждает, что непременно заметил бы взрослого мужчину с мальчиком, если бы они там прошли. Я говорил с ним сегодня вечером, и, по-моему, на его слова можно положиться. Значит, эта часть шоссе исключается. Теперь посмотрим, как обстоит дело в западной его части. Там есть гостиница «Рыжий бык», хозяйка которой лежит больная. Она послала за врачом в Мэклтон, но тот был у другого больного и приехал к ней только рано утром. В ожидании его в гостинице не спали всю ночь и то и дело поглядывали на шоссе, не едет ли он. По словам этих людей, мимо гостиницы никто не проходил. Если поверить им, выходит, что и западная часть шоссе не оставляет у нас никаких сомнений. Следовательно, беглецы избрали какой-то другой путь.

— А велосипед? — сказал я.

— Да, велосипед. Сейчас мы им займемся. Итак, продолжаем наши рассуждения. Если беглецы не вышли на шоссе, следовательно, они отправились или к северу, или к югу от школы, это бесспорно. Давайте взвесим оба эти предположения. К югу от школы лежит обширное поле, разбитое на мелкие участки; каждый отделен от другого оградой из камня. Проехать тут на велосипеде невоз-

можно. Следовательно, и это предположение надо отставить. Теперь обратим наши взоры к северу. Там мы видим рощу, называющуюся «Косой клин», а за ней, на десять миль вглубь, простирается болотистая равнина, все более холмистая к северу. Левее нее стоит Холдернесс-холл, до которого по шоссе десять миль, а напрямик всего шесть. Равнина эта унылая, безлюдная. По ней разбросано несколько маленьких скотоводческих ферм. Овцы, коровы да болотная птица — вот единственные обитатели этих мест. Дальше, как вы сами видите, проходит честерфилдское шоссе. Вдоль него стоят два-три коттеджа, церковь и гостиница. Позади — холмы, высокие, обрывистые. Я уверен, что наши поиски надо направить сюда, к северу.

— Но велосипед! — повторил я.

— При чем тут велосипед! — нетерпеливо сказал Холмс. — Хорошие велосипедисты ездят не только по шоссе, но и по дорогам. Равнина испещрена тропинками, кроме того, в ту ночь ярко светила луна... Стойте! Что это?

Тревожный стук в дверь — и сейчас же следом за ним в комнату к нам вошел доктор Хакстейбл. Он держал в руках голубое кепи с белой нашивкой на козырьке.

— Находка! — воскликнул он. — Слава богу! Наконец-то мы напали на след нашего мальчика! Это его кепи!

— Где его нашли?

— В фургоне у цыган, которые стояли табором на равнине. Они снялись с места во вторник. Сегодня полиция нагрянула к ним и произвела обыск в фургоне. Бот что было найдено.

— Как это к ним попало? Что они говорят?

— Изворачиваются, лгут. Клянутся, будто нашли кепи на равнине, во вторник утром. Нет, эти негодяи знают, где мальчик! К счастью, их всех посадили под замок. Страх перед законом развяжет им языки. А может быть, не только страх, но и кошелек герцога.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Холмс, когда доктор вышел из комнаты. — Во всяком случае, это подтверждает мою теорию, что только поиски на равнине и дадут какие-нибудь результаты. Полиция здесь ничего не сделала, если не считать ареста цыган. Посмотрите на карту, Уотсон. По равнине пробегает ручей. Между школой и Холдернесс-холлом он кое-где заболочен. Погода сейчас такая засушливая, что искать следы в других местах бесполезно, а среди болот, может быть, кое-что и осталось. Завтра я зайду за вами пораньше, и мы попытаемся пролить свет на эту таинственную историю.

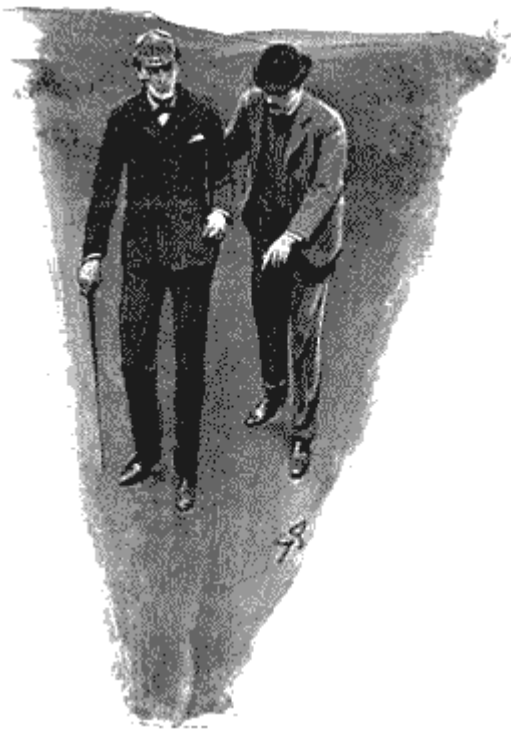
На другой день, проснувшись в предрассветных сумерках, я увидел у своей кровати высокую, худую фигуру Холмса. Он был одет и, судя по всему, уже успел совершить прогулку.

— Я обследовал лужайку и сарай с велосипедами, — сказал мой друг, — потом погулял в Косом клине. Вставайте, Уотсон, в соседней комнате подано какао. И я попрошу вас поторопиться, потому что нам надо много сделать за сегодняшний день.

Лицо у моего друга покраснело, глаза блестели, как у человека, которому не терпится приняться за свою любимую работу. Это был другой Холмс — оживленный, энергичный, совсем не похожий на погруженного в себя бледного мечтателя с Бейкер-стрит. И, глядя на его подтянутую, брызжущую силой фигуру, я понял, что день нам предстоит хлопотливый.

Но начался он с самого горького разочарования. Полные надежд, мы отправились в путь по бурой торфяной равнине, которую пересекало множество тропинок, протоптанных овцами, и вскоре вышли к светлозеленой заболоченной луговине, лежащей между нами и Холдернесс-холлом. Если мальчик бежал домой, он не мог миновать ее, и тут должны были остаться его следы или следы учителя-немца. Но ничего такого мы не нашли. Мой друг шел вдоль кромки этой зеленой луговины и, нахмутив брови, внимательно приглядывался к каждому темному пятну на ее мшистой поверхности. Овечьих следов здесь было множество, а пройдя дальше еще несколько миль, мы увидели отпечатки коровьих копыт. И это было все.

— Осечка, — сказал Холмс, обводя сумрачным взглядом расстилавшуюся перед ним равнину. — Вон там еще болота, и между ними есть узкий проход. Смотрите! Смотрите! Что это?

Мы ступили на вьющуюся черной лентой тропинку. По самой ее середине, на сырой земле, четко виднелись отпечатки велосипедных колес.

— Ура! — крикнул я. — Вот и велосипед!

Но Холмс покачал головой, и выражение лица у него было не столько радостное, сколько удивленное и настороженное.

— Велосипед-то велосипед, да не тот, — сказал он. — Мне известны сорок два различных отпечатка велосипедных шин. Эти, как видите, фирмы «Данлоп», да еще с заплатой. У Хайдеггера были палмеровские, с продольными полосками. Это мне сказал учитель математики Эвелинг. Следовательно, проезжал тут не Хайдеггер, а кто-то другой.

— Значит, мальчик?

— Ах, если бы мы могли доказать, что у него был велосипед! Но нас уверяют, что велосипеда у него не было. Эти следы, как вы сами можете убедиться, ведут от школы.

— Или по направлению к школе.

— Нет, мой дорогой Уотсон. Отпечаток заднего колеса всегда глубже, потому что на него приходится большая тяжесть. Вот видите? В нескольких местах он совпал с менее ясным отпечатком переднего и уничтожил его. Нет, велосипедист несомненно ехал от школы. Может быть, он не имеет никакого отношения к нашим розыскам, но все же прежде, чем продолжать их, давайте пойдем обратно по этому следу.

Так мы и сделали, и через двести-триста ярдов там, где тропинка свернула с заболоченного участка, отпечаток велосипедных колес исчез. Но дальше тропинку пересекал ручеек, и за ним следы снова появились, хотя их успели затоптать коровы. Потом тропинка углубилась в Косой клин — рощу, которая примыкала почти к самому зданию школы. Велосипедист, очевидно, выехал из этой рощи. Холмс сел на валун и подпер подбородок руками. Пока он сидел так, в полной неподвижности, я успел выкурить две сигареты.

— Ну что ж, — сказал наконец мой друг, — предусмотрительный человек, разумеется, может сменить шины у своего велосипеда, чтобы запутать следы. Но иметь дело с преступником, обладающим таким даром предвидения, было бы для меня большой честью. Оставим этот вопрос неразрешенным и вернемся к болоту, потому что там еще не все обследовано.

Мы продолжили свой тщательный осмотр заболоченного участка равнины и вскоре были вознаграждены по заслугам. Холмс увидел еще одну грязную тропинку и, подойдя к ней, радостно вскрикнул. По самой ее середине тянулись тонкие, как телеграфные провода, полоски. Это были от-

печатки палмеровских велосипедных шин.

— Вот где проезжал герр⁷ Хайдеггер! — взволнованно проговорил Холмс. — Мои умозаключения, были не так уж плохи, Уотсон!

— С чем вас и поздравляю.

— Но до конца еще далеко. Прошу вас, не ступайте на тропинку. Пойдемте по этому следу. Он, верно, скоро оборвется.

Однако в этой части равнины то и дело попадались топкие места, и хотя велосипедный след часто терялся, мы каждый раз находили его.

— Вы замечаете, — сказал Холмс, — что здесь велосипедист нажал на педали? Это совершенно очевидно. Взгляните вот сюда, где сохранились следы и переднего и заднего колеса. Они одинаково четкие. А это можно объяснить только тем, что велосипедист перенес центр тяжести на руль, как делают гонщики. Боже мой, он упал!

На грязной тропинке был широкий длинный мазок. Дальше виднелись отпечатки башмаков, а потом снова появился велосипедный след.

— Колеса скользнули? — спросил я. Холмс поднял с земли сломанный кустик дрока. К моему ужасу, желтые цветы были забрызганы красным. На тропинке и в зарослях дрока темнели бурые пятна запекшейся крови.

— Плохо дело! — сказал Холмс. — Совсем плохо! Не ступите сюда, Уотсон, отойдите подальше. Итак, что можно прочесть здесь? Он упал раненный... поднялся... снова сел на велосипед... двинулся дальше. По тропинке прошло стадо. Не бык же его забодал! Но других следов здесь нет. Вперед, вперед, Уотсон! Пятна крови, отпечатки велосипедных колес — уж по этим следам мы его наверняка разыщем!

Наши поиски не затянулись. Велосипедный след начал судорожно петлять по влажно лоснящейся тропинке. Я посмотрел вперед, и вдруг перед глазами у меня что-то блеснуло металлическим блеском. Мы вытащили из зарослей дрока велосипед с палмеровскими шинами. Одна педаль у него была погнута, руль и переднее колесо сплошь залиты кровью. Чуть подальше из травы торчал башмак. Мы кинулись туда и увидели злосчастного велосипедиста — высокого бородатого человека в очках с разбитым правым стеклом. Причиной его смерти был сокрушительный удар, раскроивший ему череп. То, что он еще мог проехать несколько метров после такого ранения, говорило о его поразительной живучести и силе духа. Башмаки у него были надеты на босу ногу, а под пиджаком виднелась ночная сорочка. Сомневаться не приходилось — перед нами лежал учитель-немец.

⁷ Герр — господин по-немецки.

Холмс бережно перевернул тело и осмотрел его, потом сел и задумался. И, глядя на встревоженное лицо моего друга, я понял, что эта страшная находка не очень-то продвинула вперед наше расследование.

— Просто не знаю, как нам быть, Уотсон, — сказал наконец Холмс. — Я склонен идти дальше. Наши поиски так затянулись, что нам и часу нельзя терять. С другой стороны, надо сообщить в полицию. Разве можно оставлять здесь тело этого бедняги!

— Пошлите со мной записку.

— Но я не могу обойтись без вас и без вашей помощи! Стойте, вон там кто-то режет торф. Позовите этого человека, пусть приведет сюда полицию.

Я исполнил просьбу Холмса, и он отправил насмерть перепуганного фермера с запиской к доктору Хакстейблу.

— Итак, Уотсон, — снова заговорил мой друг, — сегодня утром мы с вами напали на два следа. Первый оставлен велосипедом с палмеровскими шинами, и вы видите, куда он нас привел. Вторая наша находка — след от заплатаданной данлопской шины. До того как отправиться по этому второму следу, давайте уясним себе, что нам известно, и отделим существенное от несущественного... Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что мальчик бежал по собственной воле. Он вылез в окно и скрылся один или с сообщником. Это несомненно. Я утвердительно наклонил голову.

— Так. Теперь займемся несчастным немцем. Мальчик успел одеться — следовательно, он готовился к побегу. Но немец, видимо, одевался второпях и потому убежал без носков.

— Несомненно.

— Что его заставило выскочить в окно? То, что он увидел убежавшего мальчика. Он хотел догнать и вернуть его. Он хватает свой велосипед, пускается в погоню за беглецом и погибает на болотах.

— Да, как будто так.

— Теперь я подхожу к наиболее спорной части моих рассуждений. Преследуя маленького мальчика, взрослый мужчина должен был бы просто побежать за ним. Ведь догнать его ничего не стоило бы. Но немец, который, по словам доктора Хакстейбла, был прекрасным велосипедистом, поступает по-другому — то есть спешит в сарай за своим велосипедом. Отсюда вывод: он увидел, что мальчик воспользовался более совершенным способом передвижения, чем собственные ноги.

— Другими словами, взял чей-то велосипед?

— Восстановим картину побега до конца. Немец погибает в пяти милях от школы — и погибает, заметьте, не от пули, которую мог бы пустить в него и ребенок, а от безжалостного удара по голове, нанесенного рукой сильного человека. Значит, у мальчика был спутник, и удалялись они так быстро, что хороший велосипедист настиг их лишь на пятой миле. При осмотре места, где разыгралась трагедия, мы обнаружили отпечатки коровьих копыт — и только. Я сделал более широкий круг, шагов на пятьдесят, и не увидел ни одной тропинки. Второй велосипедист не имел никакого отношения к убийству, а человеческих следов там не было.

— Холмс! — воскликнул я. — Это неправдоподобно!

— Bravo! — сказал он. — Вывод исчерпывающий. В моем изложении событий есть что-то неправдоподобное — следовательно, я допустил ошибку. Но вы все время были со мной и все видели сами. Где же я ошибаюсь?

— Может быть, он расшиб голову во время падения?

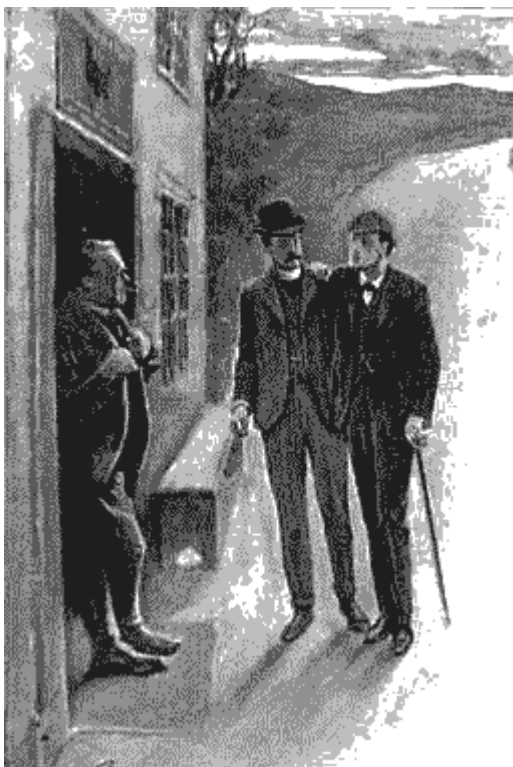
— Среди болот, Уотсон?

— Я теряюсь. Холмс.

— Полно, полно, мы разгадывали и более трудные загадки. Материала для размышлений у нас достаточно, надо только с умом использовать его... Итак, пойдемте дальше, Уотсон. Палмеровские шины сказали нам все что могли. Теперь посмотрим, куда нас приведет заплатаданная данлопская.

Мы отправились по этому следу, но вскоре перед нами потянулись пологие, заросшие вереском холмы; ручей остался позади. Идти дальше не имело смысла, так как отпечатки данлопских шин могли вести или к Холдернесс-холлу, вздымавшему слева свои величавые башни, или к приземистым серым домишкам, за которыми, судя по карте, проходило честерфилдское шоссе.

Когда мы были всего в нескольких шагах от ветхой и весьма неказистой на вид гостиницы с петухом на вывеске, Холмс вдруг охнул и схватил меня за плечо, чтобы не упасть. У него подвернулась нога, а, как известно, в таких случаях человек становится совершенно беспомощным. Он кое-как доковылял до двери гостиницы, где с трубкой в зубах сидел коренастый, смуглый человек средних лет.

— Здравствуйте, мистер Рюбен Хейз, — сказал Холмс.

— А кто вы такой и откуда вам известно, как меня зовут? — спросил этот человек, смерив Холмса подозрительным и недобрим взглядом.

— Ваше имя написано на вывеске у вас над головой. А хозяина всегда узнаешь. Скажите, нет ли у вас какой-нибудь таратайки в каретнике?

— Нет.

— Я на правую ногу ступить не могу.

— Не ступайте, коли не можете.

— А как же мне идти?

— Как-нибудь на одной ножке допрыгаете.

Ответы мистера Рюбена Хейза не отличались чрезмерной любезностью, но Холмс сносил его грубость с удивительным добродушием.

— Слушайте, любезнейший, — сказал он, — вы же видите, какая со мной стряслась беда. Нам лишь бы до места добраться, а как и на чем, мне все равно.

— А мне и подавно все равно, — ответил этот угрюмый субъект.

— Я здесь по важному делу. Дайте мне свой велосипед и получите соверен за услугу.

Хозяин наострил уши:

— Куда вам ехать?

— В Холдернесс-холл.

— Уж не к самому ли герцогу в гости? — сказал хозяин гостиницы, насмешливо глядя на нашу забрызганную грязью одежду. Холмс добродушно рассмеялся:

— Герцог примет нас с распростертыми объятиями.

— Это почему же?

— Потому что мы к нему с хорошими вестями о его пропавшем сыне.

Мистер Хейз вздрогнул: «Неужто выследили?»

— Из Ливерпуля дали знать, что он там. Его вот-вот найдут.

Что-то тенью скользнуло по этой грубой, заросшей щетиной физиономии. Мистер Хейз вдруг подобрел.

— У меня на герцога зуб, — сказал он, — потому что я служил у него в кучерах и он очень круто со мной обошелся. Поставщик сена наврал ему на меня с три короба, и вышел мне расчет, и даже рекомендации не дали. Но все равно я рад, что молодой лорд отыскался в Ливерпуле. Так и быть, помогу вам доставить эту добрую весть в Холдернесс-холл.

— Благодарствуйте, — сказал Холмс. — Но мы сначала поужинаем, а потом вы дадите мне свой велосипед.

— У меня нет велосипеда.

Холмс показал ему соверен.

— Говорю вам, нет у меня велосипеда! На лошадях доедете.

— Хорошо, — сказал Холмс. — Накормите нас, а потом мы об этом поговорим.

Когда мы остались одни в кухне, мощенной плитняком, нога у Холмса вдруг, ни с того ни с сего, перестала болеть. День близился к вечеру. Мы проголодались и не спешили вставать из-за стола. Погруженный в свои мысли, Холмс несколько раз, не прерывая молчания, подходил к окну. Оно смотрело во двор, заваленный мусором. В одном его углу стояла кузница, где работал грязный, чумазый подросток, в другом — конюшня. После одной из таких экскурсий Холмс снова сел за стол и вдруг вскочил, громко вскрикнув.

— Есть, Уотсон! Нашел! — заговорил он. — Теперь все ясно. Уотсон, вы видели отпечатки коровьих копыт сегодня утром?

— Видел.

— Где?

— Да повсюду. И на болотах, и на тропинке, и около того места, где бедняга Хайдеггер покончил счеты с жизнью.

— Правильно. А теперь, Уотсон, скажите, много ли коров попало к вам на глаза?

— Коров я не видел.

— Странно, Уотсон! Повсюду отпечатки коровьих копыт, а самих коров нигде не видно. Правда странно?

— Да; действительно.

— Теперь, Уотсон, напрягите память и постарайтесь представить, как выглядели эти следы на тропинке.

— Ну, представляю.

— Помните? Иногда они были такие... — он стал раскладывать на столе хлебные крошки:

— ::::

— А иногда такие:

— :::::.

— А кое-где вот такие:

—

— Помните?

— Нет.

— А я помню и готов подтвердить это под присягой. Впрочем, мы еще вернемся туда и проверим все на месте. Затмение, что ли, на меня нашло, что я не сделал из этого соответствующих выводов!

— Каких выводов?

— А вот каких: удивительные это коровы, которых можно пустить любым аллюром — и рысью, и в галоп, и шагом! Помяните мое слово, Уотсон, такая хитрая уловка не по уму хозяину деревенской харчевни! На дворе никого нет, кроме этого малого в кузнице. Сделаем вылазку и посмотрим, как там обстоят дела.

В полуразвалившейся конюшне стояли две лохматые, нечищенные лошади. Холмс поднял у одной из них заднюю ногу и громко рассмеялся:

— Подковы старые, а подковали совсем недавно. Подковы старые, а гвозди новенькие. Это де-

ло станет наряду с классическими — оно вполне того заслуживает. Теперь заглянем в кузницу.

Подросток, занятый своим делом, не обратил на нас ни малейшего внимания. Я увидел, как Холмс быстро оглядел всю кузницу, заваленную железным ломом и щепками. Вдруг сзади послышались шаги, и мы увидели хозяина. Густые брови сошлись у него в одну линию над злобно сверкающими глазами, смуглое лицо подергивалось судорогой. Он держал в руке короткую, окованную железом дубинку и надвигался на нас с таким угрожающим видом, что я обрадовался, нащупав револьвер у себя в кармане.

— Полицейские ищут! — крикнул он. — Что вам здесь нужно?

— Мистер Рюбен Хейз, помилуйте! — преспокойно сказал Холмс. — Можно подумать, что вы боитесь, как бы мы и на самом деле чего-нибудь здесь не нашли.

Огромным усилием воли Хейз овладел собой и скривил губы в фальшивой улыбке, которая показалась мне еще страшнее, чем его грозный вид.

— Пожалуйста, ищите. Что найдете — все ваше, — сказал он. — Но я не люблю, когда посторонние люди без спросу шныряют у меня по двору. Поэтому, мистер, чем скорее вы уплатите по счету и уберетесь отсюда, тем будет лучше.

— Не сердитесь на нас, мистер Хейз, — сказал Холмс. — Мы просто хотели взглянуть на ваших лошадей, но я, кажется, и пешком дойду. Ведь до Холдернесс-холла недалеко?

— Отсюда до самых ворот мили две, не больше. Вон по той дороге, налево.

Он проводил нас со двора мрачным взглядом. Мы недалеко ушли по дороге, так как Холмс остановился у первого ее поворота, зная, что теперь нас никто не увидит.

— Было «горячо», как говорится в детской игре, — сказал он. — И чем больше я удаляюсь от гостиницы, становится все холоднее и холоднее. Нет, уходить отсюда еще рано!

— Я убежден, что этот Рюбен Хейз все знает. Более злодейской физиономии мне в жизни не приходилось видеть!

— Не правда ли? Настоящий злодей! А лошади, а кузница? Н-да, любопытное местечко этот «Боевой петух»! Давайте-ка понаблюдаем, что там делается, только осторожно. Исподтишка.

Позади нас поднимался отлогий холм, усеянный серыми валунами. Когда мы стали взбираться вверх по его склону, я посмотрел в сторону Холдернесс-холла и вдруг увидел быстро мчавшегося по дороге велосипедиста.

— Пригнитесь, Уотсон! — крикнул Холмс, опустив мне на плечо свою тяжелую руку.

Только мы успели спрятаться за валун, как этот человек пронесся мимо. В облаке пыли, поднятой велосипедом, передо мной мелькнуло бледное, взволнованное лицо — лицо, в каждой черточке которого сквозил ужас: открытый рот, остановившийся взгляд дико вытаращенных глаз. Это была какая-то нелепая карикатура на щеголеватого, подтянутого Джеймса Уайлдера — нашего вчерашнего знакомого.

— Секретарь герцога! — воскликнул Холмс. — Скорее, Уотсон! Посмотрим, что ему там понадобилось.

Прыгая по камням, мы поднялись вверх по откосу и увидели оттуда дверь гостиницы. Велосипед Уайлдера стоял у стены. В доме не было заметно никакого движения, в окна никто не выглядывал.

Солнце заходило за высокие башни Холдернесс-холла, и на равнину медленно спускались сумерки. Вскоре в сгустившейся темноте из конюшни при гостинице выкатила двуколка с зажженными по бокам фонарями, и через минуту-другую скачущая во весь опор лошадь промчала ее мимо нас по направлению к Честер-Филду.

— Как это понимать, Уотсон? — прошептал Холмс. — Похоже на бегство.

— Двуколка, и в ней всего один седок, насколько мне удалось разглядеть. Но это не мистер Джеймс Уайлдер, потому что, смотрите, вон он стоит.

Посреди ярко освещенного квадрата двери чернела фигура секретаря. Вытянув шею, он вглядывался в темноту, явно поджидая кого-то. Прошло несколько минут, и наконец на дороге послышались шаги. В свете, падавшем из дверей, мелькнула еще чья-то тень, дверь закрыли, и гостиница снова погрузилась во мрак. Потом в одном из ее верхних окон зажгли лампу.

— Странные посетители захаживают в «Боевой петух», — сказал Холмс.

— Вход в кабачок с другой стороны.

— Правильно. Эти двое, вероятно, не просто посетители, а хозяйские гости. Но что понадобилось в этом логове мистеру Джеймсу Уайлдеру, да еще в такой поздний час? И кому он назначил там встречу? Рискнем, Уотсон, посмотрим на них поближе.

Мы спустились на дорогу и крадучись подошли к дверям гостиницы. Велосипед Уайлдера по-прежнему стоял у стены. Холмс чиркнул спичкой, поднес ее к заднему велосипедному колесу, и я услышал, как он хмыкнул, когда огонек осветил заплату на данлопской шине. Окно, в котором горела лампа, было как раз над нами.

— Надо заглянуть туда одним глазком. Уотсон, если вы подставите мне спину, а сами прислонитесь к стене, я как-нибудь ухитрюсь это сделать.

Секунду спустя Холмс стал ногами мне на плечи и тут же соскочил вниз.

— Пойдемте, друг мой, — сказал он. — На сегодня хватит. Мы сделали все что могли. Не будем терять времени, ведь до школы путь не близкий.

Пока мы, оба усталые, медленно шагали по равнине, Холмс не проронил почти ни слова и, не заходя в школу, пошел на станцию отправить телеграммы. Потом я слышал, как он утешал доктора Хакстейбла, сраженного трагической смертью учителя, и уже совсем поздно ночью увидел его у себя в комнате — такого же бодрого и полного сил, как минувшим утром.

— Все идет прекрасно, друг мой, — сказал он. — Обещаю вам, что завтра к вечеру мы добьемся разгадки этой тайны.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы с Холмсом шли по знаменитой тиссовой аллее Холдер-несс-холла. Лакей встретил нас у великолепного портала⁸ и провел в кабинет его светлости. Там пред нами предстал мистер Джеймс Уайлдер. Он держался скромно, учтиво, но на его подергивающемся лице, в его бегающих по сторонам глазах все еще сквозил ужас.

— Вы хотите повидать герцога? Увы! его светлость плохо себя чувствует. Он просто убит этой трагедией, о которой доктор Хакстейбл известил нас вчера телеграммой.

— Мне необходимо повидать герцога, мистер Уайлдер.

— Но он не выходит из своей комнаты.

— Тогда я пройду к нему.

— Он в постели.

— И все-таки я настаиваю на встрече. Ледяной, не допускающий возражений тон Холмса убедил секретаря, что спорить с этим человеком бесполезно.

— Хорошо, мистер Холмс, я доложу о вас. Прошло не меньше часа, прежде чем герцог появился в кабинете. Глаза у него запали еще больше, плечи были безвольно опущены — он словно постарел со вчерашнего дня. С изысканной вежливостью отвесив нам поклон, он сел в кресло.

— Я слушаю вас, мистер Холмс.

Но мой друг смотрел в упор на секретаря, который стоял возле своего патрона.

— Ваша светлость, присутствие мистера Уайлдера несколько связывает меня.

⁸ Портал — вход.

Секретарь побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

— Если вашей светлости угодно...

— Да, да, оставьте нас... Итак, мистер Холмс, что вы имеете сказать мне?

Мой друг выждал, когда дверь за секретарем закрылась.

— Ваша светлость, — начал он, — мы с моим коллегой, доктором Уотсоном, знаем со слов доктора Хакстейбла, что вы обещали денежное вознаграждение за расследование интересующего вас дела. Мне бы хотелось услышать это из ваших собственных уст.

— Пожалуйста, мистер Холмс.

— Если мне правильно сказали, вы назначили пять тысяч фунтов тому, кто укажет вам, где находится ваш сын.

— Совершенно верно.

— И еще тысячу тому, кто назовет лицо или же лиц, которые держат его взаперти.

— Совершенно верно.

— Тут, конечно, подразумеваются не только похитители, но и те, кто замыслил похищение.

— Да, Да! — нетерпеливо воскликнул герцог. — Если вы разгадаете эту тайну, мистер Шерлок Холмс, вам не придется жаловаться на мою скупость.

Мой друг жадно потер руки, что удивило меня, так как до сих пор я знал его как человека самых скромных потребностей.

— Это у вас чековая книжка на столе? — спросил он. — Попрошу вашу светлость выписать мне чек на шесть тысяч фунтов! Переводный чек в то отделение банка на Оксфорд-стрит, где у меня открыт текущий счет.

Герцог выпрямился в кресле и смерил моего друга ледяным взглядом.

— Вы шутите, мистер Холмс? Подходящая ли это тема для острот!

— Что вы, ваша светлость! Я серьезен, как никогда.

— Что же это значит?

— Это значит, что я получу вознаграждение по заслугам. Мне известно, где находится ваш сын, и я знаю людей — вернее, человека, который держит его у себя.

Рыжая борода герцога словно вспыхнула огнем на мертвенной бледности его лица.

— Где мой сын? — еле выговорил он.

— В гостинице «Боевой петух», в двух милях от ворот вашего парка. По крайней мере, там он был вчера.

Герцог откинулся на спинку кресла: — Кого вы обвиняете?

Ответ Шерлока Холмса поразил меня. Он стремительно шагнул вперед и коснулся рукой плеча герцога:

— Я обвиняю вас. А теперь, ваша светлость, будьте добры выдать мне чек на шесть тысяч фунтов.

Мне никогда не забыть, как герцог вскочил с кресла и судорожно взмахнул руками, точно стараясь удержаться на краю пропасти. Потом, нечеловеческим усилием воли призвав на помощь свою аристократическую выдержку, он снова сел к столу и закрыл лицо руками. Прошла минута, другая...

— Что вам, собственно, известно? — спросил несчастный, не поднимая головы.

— Я видел вас вместе с ним вчера вечером.

— Кто еще знает об этом, кроме вашего друга?

— Я никому ничего не говорил. Трясущимися пальцами герцог взял перо и открыл чековую книжку, — Я не нарушу своего слова, мистер Холмс. Вы получите обещанный чек, хотя эти деньги пойдут в уплату за вести, которые ничего, кроме горя, мне не принесли. Но мог ли я думать, обещая вознаграждение, что события примут такой оборот! Впрочем, надеюсь, и вы, мистер Холмс, и ваш друг — люди благоразумные?

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, ваша светлость.

— Хорошо, будем говорить начистоту, мистер Холмс. Если подробности этого дела никому, кроме вас двоих, не известны, дальнейшего хода ему можно не давать. Я должен вам двенадцать тысяч фунтов, не правда ли?

Но Холмс улыбнулся и покачал головой:

— Увы, ваша светлость! Все это не так легко уладить, как может показаться с первого взгляда. Кто-то должен нести ответ за убийство учителя.

— Но Джеймс тут ни при чем! Нельзя перекладывать всю вину на него. Убийство — дело рук этого зверя, этого негодяя, услугами которого он имел несчастье воспользоваться.

— А я держусь того взгляда, ваша светлость, что когда человек стал на путь преступления, он должен нести моральную ответственность за все последствия своего поступка.

— Моральную — да. Но не заставляйте его отвечать перед лицом закона! Человека нельзя осуждать за убийство, при котором он даже не присутствовал, за убийство, которое возмутило его не меньше, чем вас. Услышав о нем, он не вынес угрызений совести и сразу во всем мне признался. Потом, не теряя ни минуты, порвал с убийцей. Мистер Холмс, спасите его, спасите! Умоляю вас, спасите его!

Куда девалась аристократическая сдержанность герцога! Этот вельможа метался по кабинету с искаженным лицом, судорожно взмахивая руками. Наконец он овладел собой, снова сел к столу и сказал:

— Я ценю, что вы пришли ко мне к первому. Давайте, по крайней мере, обсудим, какие надо принять меры, чтобы уберечь меня от позора. — Давайте, — сказал Холмс. — Но тогда, ваша светлость, нам надо быть откровенными друг с другом до конца. Я сделаю все, что в моих силах, если буду знать точно обстоятельства этого дела. Насколько мне удалось понять, ваши слова относились к мистеру Джеймсу Уайлдеру, — следовательно, вы утверждаете, что убийца не он?

— Да, убийце удалось скрыться.

Холмс сдержанно улыбнулся:

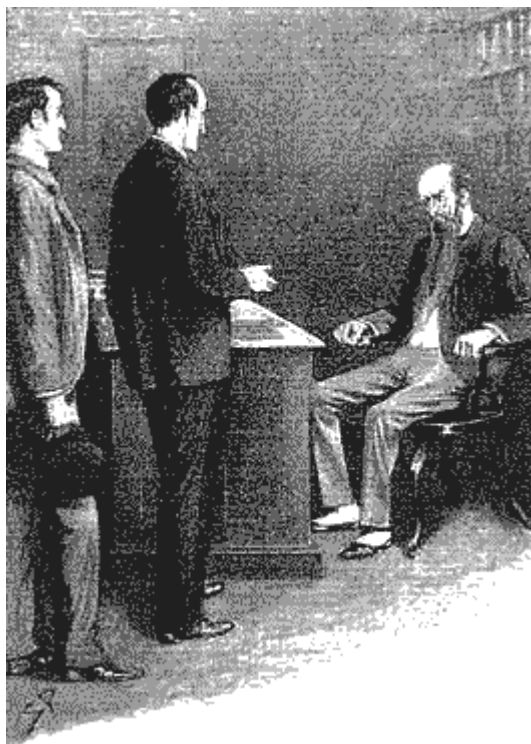
— Ваша светлость, видимо, не осведомлены о моих скромных заслугах в этой области, иначе вы не подумали бы, что от меня так легко скрыться. Вчера, в одиннадцать часов вечера, мистер Рюбен Хейз арестован в Честерфилде по моему указанию. Начальник тамошней полиции известил меня об этом сегодня утром. Я получил его телеграмму перед тем, как уйти из школы.

Герцог откинулся на спинку кресла и в изумлении воззрился на моего друга.

— Есть ли пределы вашим возможностям, мистер Холмс! — воскликнул он. — Значит, Рюбен Хейз арестован? Что ж, этому можно только радоваться. Но не отразится ли его арест на судьбе Джеймса?

— Вашего секретаря?

— Нет, сэръ, моего сына.

На сей раз удивляться пришлось Холмсу:

— Должен вам сказать, ваша светлость, что ничего подобного я не предполагал. Может быть, вы объясните все подробнее?

— Я ничего не стану скрывать. Вы правы: только полная откровенность, хоть она и мучительна для меня, может облегчить ужасное положение, в которое поставил нас обоих обезумевший от зависти Джеймс. В молодые годы, мистер Холмс, я любил так, как любят только раз в жизни. Я предложил руку любимой женщине, но она отвергла мое предложение, опасаясь, что такой брак испортит мне карьеру. Если б она была жива, я не женился бы ни на ком другом. Но она умерла, оставив мне ребенка, и я лелеял его, заботился о нем в память о ней. Я не мог открыто признать свое отцовство, но мой сын получил самое лучшее образование и, когда вырос, всегда жил при мне. Он случайно узнал мою тайну и с тех пор старался всячески использовать свои сыновние права, держа меня в страхе перед разоблачением. Его присутствие в Холдернесс-холле до некоторой степени было причиной моего разрыва с женой. И, что самое тяжелое, — он с первого же дня возненавидел лютой ненавистью моего маленького сына, моего законного наследника.

Вы спросите, почему же я, несмотря на все это, продолжал держать Джеймса у себя в доме? Ответ мой будет таков: потому что я видел в нем его мать и терпел ради нее. Не только чертами лица, но и движениями, манерами он ежеминутно вызывал у меня в памяти ее милый облик. Расстаться с ним мне было не под силу. Но под конец я стал бояться, как бы он не сделал чего-нибудь с Артуром — лордом Солтайром, и отослал мальчика в интернат, к доктору Хакстейблу.

Джеймс управлял у меня делами по имению и таким образом узнал Хейза, который был одним из моих арендаторов. Что у него могло быть общего с этим заведомым негодяем, не знаю, но они подружились. Впрочем, я всегда замечал за Джеймсом тяготение к дурному обществу. Решив похитить лорда Солтайра, он сделал этого человека своим сообщником.

Вы помните, я написал Артуру письмо накануне его бегства? Так вот, Джеймс вскрыл конверт и вложил туда записку, в которой просил Артура встретиться с ним в роще Косой клин, что недалеко от школы. Мальчик пришел на свидание, потому что записка была послана якобы по просьбе герцогини. Джеймс приехал в рощу на велосипеде — в чем потом сам признался мне — и уверил Артура, что мать тоскует по нему, что она здесь неподалеку и что если он придет в рощу в полночь, там его будет ждать провожатый с лошастью. Несчастный мальчик попался в эту ловушку. Он пришел в рощу к назначенному часу и увидел там Хейза, который сам был верхом и держал в поводу пони. Артур сел в седло, и они тронулись в путь. Как выяснилось впоследствии — Джеймс узнал об этом только вчера, — за ними была погоня. Хейз ударил преследователя несколько раз дубинкой по голове, и тот умер от полученных ран. Хейз привез Артура к себе в гостиницу и запер его наверху, заставив присматривать за ним миссис Хейз, женщину добрую, но всецело подчиняющуюся своему свирепому супругу...

Вот, мистер Холмс, как обстояли дела два дня назад, когда мы с вами встретились. Я знал обо всем этом не больше вас. Если вы спросите меня, что толкнуло Джеймса на такой поступок, я отвечу вам: в его ненависти к лорду Солтайру было что-то слепое, фанатичное. Джеймс считал, что все мои поместья должны отойти к нему, и не мог спокойно говорить о существующих у нас законах наследования. Впрочем, им двигала не только безрассудная ненависть, но и тонкий расчет. Он требовал, чтобы я оставил ему в наследство мои поместья по завещанию вопреки майорату⁹, а он вернет мне Артура. Он прекрасно знал, что я никогда не заявлю на него в полицию. Таковы были намерения Джеймса, но они так и остались всего лишь намерениями, ибо события разворачивались с такой быстротой, что ему не удалось осуществить свой план.

Вы обнаружили тело убитого Хайдеггера и тем самым сразу положили конец этому злодейскому замыслу. Джеймс ужаснулся, услышав о гибели учителя. Мы узнали об этом вчера, сидя вот здесь, в кабинете, куда нам принесли телеграмму доктора Хакстейбла. Она привела Джеймса в такое смятение, он так сокрушался, что смутная догадка, все время мучившая меня, превратилась в уверенность, и я бросил обвинение ему в лицо. Он во всем чистосердечно покаялся, но тут же стал

⁹ Майорат — система наследования, при которой все имущество нераздельно переходит к старшему в роде.

умолять меня повременить дня три, чтобы его гнусный сообщник мог спастись. Я уступил ему, как уступал всегда и во всем, и тогда Джеймс кинулся в гостиницу предупредить Хейза и помочь ему бежать. Идти туда засветло мне было невозможно, так как это возбудило бы толки. Я дождался темноты и поспешил к моему дорогому Артуру — он был цел и невредим, но вы не можете себе представить, какое страшное впечатление произвело на ребенка убийство, совершенное у него на глазах! Помня о данном слове, я скрепя сердце оставил Артура в гостинице еще на три дня на попечении миссис Хейз. Ведь сообщать обо всем этом в полицию, не выдавая убийцы, было нельзя, а арест Хейза погубил бы моего несчастного Джеймса.

Вы настаивали на взаимной откровенности, мистер Холмс, и разрешите мне поймать вас на слове. Я рассказал вам все, ничего не утаивая, ничего не смягчая. Будьте и вы откровенны со мной до конца.

— Хорошо, ваша светлость, — ответил Холмс. — Прежде всего я должен сказать вам, что перед лицом закона ваше положение чрезвычайно серьезно. Вы покрыли уголовное преступление, вы помогли убийце бежать, ибо, по всей вероятности, деньги на его побег Джеймс Уайлдер взял у вас из кармана.

Герцог молча склонил голову.

— Да, дело крайне серьезное. Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Оставить его на три дня в этом притоне!

— Меня клятвенно заверили...

— Разве можно полагаться на клятвы этих людей! Вы уверены, что его не упрячут куда-нибудь подальше? В угоду преступному старшему сыну вы без всякой нужды подвергаете опасности ни в чем не повинного ребенка! Нет, ваш поступок нельзя оправдать!

Гордый вельможа не привык выслушивать такие отповеди — я где? в его же герцогских чертогах! Кровь бросилась ему в лицо, но совесть заставила его смолчать.

— Я помогу вам, но при одном условии: вызовите слугу, и пусть он исполнит мое распоряжение.

Не говоря ни слова, герцог нажал кнопку электрического звонка. В кабинет вошел лакей.

— Вам, наверно, будет приятно услышать, — сказал ему Холмс, — что лорд Солтайр нашелся. Герцог приказывает немедленно выслать за ним экипаж в гостиницу «Боевой петух»... А теперь, — сказал Холмс, когда просиявший от радости лакей выбежал из кабинета, — обеспечив ближайшее будущее, мы можем более снисходительно отнестись к недавнему прошлому. Поскольку справедливость будет восстановлена, я, как лицо неофициальное, не вижу необходимости доводить до сведения властей обо всем, что мне известно. Хейз — дело другое. Его ждет виселица, и я палец о палец не ударю, чтобы спасти ему жизнь. Разгласит он вашу тайну или нет — не знаю, не берусь предсказывать, но вы несомненно можете внушить ему, что говорить лишнее не в его интересах. В полиции Хейза обвинят в похищении мальчика в расчете на выкуп. Если там не копнут поглубже, я не вижу оснований наталкивать их на это. Однако мне хочется сказать вашей светлости, что дальнейшее пребывание мистера Джеймса Уайлдера у вас в доме к добру не приведет.

— Это я знаю сам, мистер Холмс, и у нас с ним решено: он навсегда покинет Холдернесс-холл и отправится искать счастья в Австралию.

— Ваша светлость, вы говорили, что Джеймс Уайлдер был яблоком раздора между вами и вашей женой. А не попробовать ли вам теперь примириться с герцогиней и снова наладить свою семейную жизнь?

— Об этом я тоже подумал, мистер Холмс, и сегодня утром написал герцогине.

— В таком случае, — сказал Холмс вставая, — и я, и мой друг можем поздравить себя с тем, что наше недолгое пребывание в ваших местах принесло неплохие плоды. Мне осталось выяснить только один вопрос. Лошади Хейза было подкованы так, что их следы можно было принять за отпечатки коровьих копыт. Кто его надоумил сделать это — уж не мистер ли Уайлдер?

Минуту герцог молчал, сосредоточенно сдвинув брови. Потом он открыл дверь в соседнюю комнату, представляющую собой настоящий музей, подвел нас к витрине в дальнем ее углу и показал на надпись под стеклом.

«Эти подковы, — прочитали мы, — найдены при раскопках крепостного рва

в Холдернесс-холле. Они предназначались для лошадей, но их выковывали в форме раздвоенного коровьего копыта. По-видимому, магнаты Холдернесс-холла, занимавшиеся разбоем в средние века, применяли этот способ, чтобы сбивать погоню со следа».

Холмс поднял стеклянную крышку и, посплюнявив палец, провел им по одной из подков. На пальце осталось темное пятно — болотная тина еще не успела как следует засохнуть.

— Благодарю вас, — сказал мой друг. — Вот второе, что чрезвычайно заинтересовало меня в ваших местах.

— А первое?

Холмс перегнул чек пополам и бережно вложил его в записную книжку.

— Я человек небогатый, — сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака.

Черный Питер

The Adventure of Black Peter

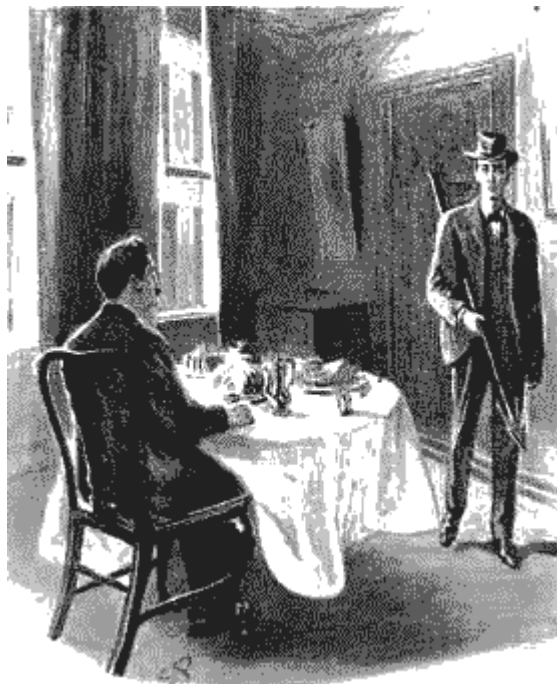
First published in Collier's Weekly, Feb. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Mar. 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget.

Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году. Известность его все росла, практика все расширялась. Из уважения к чужим тайнам я не позволяю себе даже намекнуть на имена тех знаменитых людей, которым случалось переступить порог нашего скромного жилища на Бейкер-стрит. Надо сказать, что Холмс, как все великие художники, работал только из любви к искусству. Я не слышал (кроме единственного случая с герцогом Холдернесским), чтобы он требовал крупного вознаграждения за свои неоценимые услуги. Он был настолько бескорыстен — или настолько независим, — что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло, зажечь его воображение и давало ему возможность применить свое мастерство.

В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона; этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс-Ли: капитан Питер Керн погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах. В моих записках о деятельности Шерлока Холмса был бы большой пробел, если бы в них отсутствовал рассказ об этом необычайном происшествии.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так надолго уходил из дому, что я понял: он чем-то занят. За эти дни несколько раз к нам заходили какие-то люди сурового и грубого вида. Они спрашивали капитана Бэзила. Это убедило меня, что Холмс, скрывая под одной из своих многочисленных масок и под вымышленной фамилией свое собственное грозное имя, ведет какое-то новое расследование. В различных районах Лондона у него было по меньшей мере пять укромных местечек, где он мог изменять свой облик. Холмс ничего не рассказывал мне об этом новом деле, и не в моем обычае было вызывать его на откровенность. О том, в каком направлении он работает, Холмс впервые дал мне понять довольно необычным образом.

Как-то раз он ушел из дому еще перед завтраком; я только что сел за стол, как вдруг он входит в комнату, не снимая шляпы и держа, словно зонтик, под мышкой громадный гарпун.

— Черт возьми, Холмс! — вскричал я. — Неужели вы хотите сказать, что гуляли по Лондону с этакой штукой?

— Нет, я только съездил к мяснику.

— К мяснику?

— И вот возвращаюсь домой с прекрасным аппетитом. Знаете, как полезны физические упражнения перед завтраком? Но, держу пари, вам ни за что не угадать, какие именно упражнения я проделывал.

— И не собираюсь угадывать.

Холмс, посмеиваясь, налил себе кофе.

— Заглянули бы вы в заднюю комнату лавки Аллардайса, так увидели бы: с потолка свисает свиная туша, а какой-то джентльмен, сняв сюртук, яростно старается проткнуть ее вот этим орудием. Джентльмен этот — я. И, увы, оказалось, что мне с одного удара ее не проткнуть. Не хотите ли попробовать сами?

— Ни за что на свете. Но для чего вы этим занимались?

— Мне кажется, что это имеет косвенное отношение к загадочной истории в Вудменс-Ли... А, Хопкинс, я получил вашу телеграмму вчера вечером и ждал вас. Входите, сейчас будем завтракать.

К нам вошел худощавый подвижный человек лет тридцати. На нем был скромный шерстяной костюм, но его выправка свидетельствовала о том, что он привык носить военный мундир. Я сразу узнал Стэнли Хопкинса, молодого инспектора полиции, который, по мнению Холмса, подавал большие надежды. Хопкинс, в свою очередь, считал себя учеником знаменитого сыщика и восхищался его научными методами.

Лицо Хопкинса было хмуро; он опустился в кресло с видом глубокого уныния.

— Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я ночевал в городе, потому что приехал сюда для доклада.

— И о чем же вам пришлось докладывать?

— О неудаче, сэр, о полной неудаче.

— Вы не сдвинулись с места?

— Нет.

— Неужели? Видно, придется заняться этим делом мне.

— Ради бога, прошу вас, мистер Холмс! Мне в первый раз поручили важное дело, а я не в силах выполнить его. Умоляю, помогите!

— Ладно, ладно. Я как раз внимательно ознакомился со всеми данными следствия. Кстати, что вы думаете по поводу табачного кисета, найденного на месте преступления? Не в нем ли ключ

к этому делу?

Хопкинс, казалось, удивился:

— Кисет принадлежал убитому, сэр. Там внутри его инициалы. И сделан он из тюленьей кожи, а ведь покойный много лет охотился на тюленей.

— Но при нем не оказалось трубки.

— Да, сэр, трубки мы не нашли — он действительно курил мало. Впрочем, мог же он держать табак для приятелей.

— Безусловно. Я лишь потому заговорил об этом, что если бы я сам расследовал этот случай, то сделал бы именно кисет отправным пунктом моих поисков. Однако мой друг, доктор Уотсон, не знает этой истории, и я тоже не прочь еще раз послушать ее. Расскажите нам в двух словах самое существенное.

Стэнли Хопкинс извлек из кармана узкую полоску бумаги:

— В моем распоряжении есть некоторые данные о жизни покойного капитана Питера Кери. Он родился в 1845 году — значит, ему было пятьдесят лет. Он считался одним из самых отважных и удачливых охотников на тюленей и китов. В 1883 году командовал паровым охотничьим судном «Морской единорог» из Данди. В том же году он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем вышел в отставку. Затем несколько лет путешествовал и, наконец, купил себе небольшую усадьбу «Вудменс-Ли» возле Форест-Роу, в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю назад.

Он отличался большими странностями. В повседневном быту этот молчаливый и мрачный человек был строгим пуританином¹⁰. Семья его состояла из жены и двадцатилетней дочери. Дом обслуживали две девушки. Служанки часто менялись, ибо жить там было нелегко, а временами становилось просто невыносимо. Кери часто пил, и, когда у него наступал запой, он становился сущим дьяволом. Случалось, что он среди ночи вытаскивал из дому жену и дочь и с кулаками гонялся за ними по всему парку. И они, бывало, так кричали, что в соседней деревне жители просыпались от их крика.

Однажды он был привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пытался образумить его. Короче, мистер Холмс, трудно сыскать человека более опасного, чем Питер Кери. Я слышал, что таков он был и в те времена, когда командовал судном. В среде моряков его прозвали Черный Питер — не только за смуглое лицо и огромную черную бороду, но и за его бешеный нрав, который наводил ужас на окружающих. Нечего говорить, что все соседи ненавидели и избегали его; я не слышал ни единого слова сожаления по поводу его ужасного конца.

Вы, мистер Холмс, несомненно, читали в протоколе следствия о «каюте» этого человека, но ваш друг, возможно, ничего не слышал о ней. Неподалеку от дома капитан выстроил себе деревянный флигелек, который всегда называл «каютой»; там проводил он каждую ночь. Это была маленькая, однокомнатная хибарка размером шестнадцать футов на десять; ключ от нее он держал у себя в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату и никому не позволял переступить ее порог. В двух стенах этого домика прорублено по небольшому окну. Оба окна были всегда занавешены и никогда не раскрывались, одно из них выходит на проселочную дорогу. Случалось, в домике целую ночь горел свет, и прохожие с недоумением спрашивали, что же там делает Черный Питер? Именно это окно, мистер Холмс, позволило нам установить во время следствия некоторые любопытные подробности.

Вы помните, что каменщик, по имени Слэтер, который шел из Форест-Роу около часа ночи за двое суток до убийства, остановился у владений капитана и посмотрел на квадрат света, видневшийся сквозь деревья. Он клянется, что на занавеске ясно обозначалась тень мужского профиля, но это был не Питер Кери, которого он хорошо знал. Это был тоже бородатый мужчина, но борода у него была короткая и торчала она иначе, чем у капитана. Так утверждает каменщик. Впрочем, нужно сказать, что перед этим он провел два часа в трактире, да и расстояние от дороги до окна порядочное. Кроме того, его показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Кери находился в самом ужасном состоянии. Он был совершенно пьян и, как

¹⁰ Пуритане — религиозная секта, проповедовавшая строгую нравственность и простоту жизни.

дикий зверь, свиреп и опасен. Он бродил вокруг дома, и женщины, заслышав его голос, закрылись в доме. Поздно вечером он отправился к себе в хижину. Его дочь спала с открытым окном. Около двух часов ночи страшный крик донесся со стороны «каюты». Девушка не придавала этому значения, ибо капитан в пьяном виде часто кричал и ругался. Поднявшись в семь часов утра, одна из служанок заметила, что дверь хижины открыта настежь, но человек этот внушал такой страх, что до самого полудня домашние не отваживались заглянуть к нему. Посмотрев в открытую дверь, они увидели ужасное зрелище и, бледные от страха, пустились бежать в деревню. Через час я был на месте и приступил к следствию.

Нервы у меня крепкие, вы это знаете, мистер Холмс, но даю вам слово — меня затрясло, когда я заглянул в этот домишко. Он весь гудел, как фисгармония, от налетевших тучами мясных мух, а пол и стены его напоминали бойню. Капитан называл свое помещение каютой, и вправду оно вроде каюты: войдешь туда, и кажется — ты на борту корабля. В одном конце комнаты — койка, рядом — корабельный сундук, на стенах — морские карты, фотоснимок с «Морского единорога», кипа судовых журналов на полке — все в точности, как полагается в капитанской каюте. И посреди всего этого сам капитан — лицо искаженное, как у грешника, терзаемого муками ада, а большая черно-седая борода стала дыбом во время предсмертной агонии. Широкая грудь пробита стальным гарпуном. Гарпун прошел насквозь и глубоко вонзился в деревянную стену. Капитан был приколот к стене, словно жук, прикрепленный булавкой к картону. Конечно, мертв он был с той самой минуты, как испустил вопль.

Я знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

— Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

— Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

— Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника... Впрочем, из протокола следствия я вижу, что на некоторые вещи вы даже не потрудились обратить внимания.

Молодой инспектор насупился; язвительное замечание Холмса задело его за живое.

— Глупо я сделал, мистер Холмс, что не пригласил вас тотчас же, — сказал он. — Однако теперь уж ничем не поможешь. Да, в комнате было несколько предметов, заслуживавших особого внимания. Начать с того гарпуна, которым убит капитан. Кто-то снял этот гарпун со стены. Два гарпуна висят на своих крюках, а третий крюк пустует. На ручке имеется надпись: «Пароход „Морской единорог“, Данди». Это, по-видимому, свидетельствует о том, что преступление было совершено в припадке ярости и что убийца схватил первое орудие, какое попало под руку. А то, что Кери был вполне одет, хотя убийство произошло в два часа ночи, наводит на мысль, что у него было свидание с убийцей. Об этом говорит и то, что на столе оказалась бутылка рома и два грязных стакана.

— Да, — сказал Холмс, — пожалуй, оба ваши вывода можно принять. А что, в комнате нашлись и другие спиртные напитки?

— Да, на сундуке был поднос; там стояли графины с коньяком и виски. Но это не имеет значения. Ведь графины были полны, значит, к ним не притрагивались.

— Все равно их присутствие имеет некоторое значение, — сказал Холмс. — Какие же еще предмету, по-вашему, имеют отношение к делу?

— На столе лежал тот табачный кисет.

— Где именно?

— На самой середине стола. Он сделан из грубой и жесткой тюленьей кожи и завязан кожаным ремешком. Внутри него буквы «П. К.». В кисете было примерно с пол-унции крепкого табака, какой курят моряки.

— Прекрасно. А еще?

Стэнли Хопкинс вытащил из кармана записную книжку в желтовато-сером переплете. Переплет

ее был шероховат и потрепан, а странички пожелтели и выцвели. На первой странице значились инициалы «Д. Х. Н.» и дата «1883».

Холмс положил книжку на стол и начал разглядывать ее со свойственной ему тщательностью, в то время как Хопкинс и я смотрели из-за его плеча. На второй странице мы увидели буквы «К. Т. Ж.», дальше на двух-трех страничках — сплошные цифры. На иных страничках были слова: «Аргентина», «Коста-Рика», «Сан-Паоло», и снова столбцы цифр и каких-то значков.

— Что вы думаете об этих записях? — спросил Холмс.

— По-видимому, это опись биржевых акций. Я считаю, что «Д. Х. Н.» — инициалы маклера, а «К. Т. Ж.», возможно, его клиент.

— Или «Канадская Тихоокеанская железная дорога», — сказал Холмс.

Стэнли Хопкинс пробормотал проклятье и стукнул себя кулаком по ноге.

— Какой я дурак! — вскричал он. — Конечно, вы совершенно правы. Теперь нам остается расшифровать значение букв «Д. Х. Н.». Я уже просмотрел старые биржевые реестры за 1883 год и не нашел ни одного биржевого маклера с такими инициалами. И все же я на верном пути. Ведь правда же, мистер Холмс, вполне возможно, что это инициалы того человека, который приходил ночью к капитану, то есть иными словами, убийцы? А эта книжечка, в которой перечислено так много ценных бумаг, может быть, раскроет нам мотивы преступления.

По лицу Холмса было видно, что он захвачен врасплох этим новым открытием.

— Я должен признать справедливость ваших выводов, — сказал он. — Пожалуй, эта книжка, о которой ничего не сказано в протоколе следствия, несколько меняет мои предположения. В обоснованной версии этого преступления для нее нет места. А вы пытались разыскать владельцев ценных бумаг, упомянутых здесь?

— Да. Я обратился в разные конторы с запросами, но ведь это акции южноамериканских предприятий. Боюсь, что получу ответ лишь через несколько недель.

Холмс продолжал рассматривать переплет книжки в увеличительное стекло.

— Тут, несомненно, пятно, — сказал он.

— Да, сэр, это следы крови. Я ведь сказал, что поднял книжку с пола.

— Кровавое пятно было сверху или снизу?

— На стороне, прилегавшей к полу.

— Значит, книжка упала на пол уже после убийства.

— Правильно, мистер Холмс. Я думаю, что убийца уронил ее при поспешном бегстве. Она лежала у самой двери.

— Вероятно, ни одной из этих ценных бумаг не было найдено среди имущества покойного?

— Нет, сэр.

— Есть у вас основания предполагать ограбление?

— Нет, сэр. По-видимому, ничего не было похищено.

— Черт возьми, какой интересный случай! Там был еще нож, не так ли?

— Нож остался в ножнах, его не успели вынуть. Он лежал у ног убитого. Миссис Кери говорит, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

— Ладно, — сказал он. — Полагаю, мне придется съездить туда и посмотреть.

Стэнли Хопкинс вскрикнул от радости:

— Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжкое бремя.

Холмс погрозил пальцем инспектору.

— Все было бы гораздо проще неделю назад, — сказал он. — Но даже и сейчас моя поездка может принести пользу. Уотсон, если вы ничем не заняты, я был бы очень рад съездить вместе с вами. Вызовите карету, Хопкинс, мы отправимся в Форест-Роу через четверть часа.

Сойдя с поезда на маленькой станции, мы ехали еще несколько миль по перелескам, уцелевшим от того огромного дремучего бора, который некогда сдерживал вторжение саксов; этот неприступный край в течение шестидесяти лет служил бастионом Британии. Обширные участки его были вырублены, потому что здесь возникли первые в стране чугуноплавильные заводы, а для плавки руды понадобился лес. Теперь промышленность переместилась в более богатые районы Севера, и только эти поредевшие рощи и огромные борозды на земле напоминали о прошлом. В прогалине на зеленом склоне холма стоял длинный дом из необтесанного камня; к дому вела извилистая дорожка, мелькавшая среди полей. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, находился маленький флигель, обращенный к нам окном и дверью. Здесь-то и произошло убийство.

Стэнли Хопкинс сначала повел нас в дом, где представил угрюмой седой женщине — вдове убитого. Изможденное лицо, глубокие морщины и полный ужаса взгляд запавших глаз с покрасневшими веками говорили о том, что она перенесла годы страданий и горьких обид. Ее дочь, бледная белокурая девушка, вызывающе сверкая глазами, заявила, что она радуется смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар.

Питер Кери создал в доме страшную, удручающую обстановку, и нам стало легче, когда мы снова очутились на солнечном свете и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным капитаном.

Флигель оказался простейшей деревянной постройкой с легкой кровлей и двумя окнами: одно находилось подле двери, а другое в противоположной стене. Стэнли Хопкинс вынул ключ из кармана и нагнулся к замку: вдруг он остановился, и на его лице отразилось напряженное внимание и удивление.

— Замок хотели взломать, — сказал он.

В этом не приходилось сомневаться. Дверь была поцарапана, и белые царапины отчетливо выделялись на краске, как будто их только что нанесли. Холмс осмотрел окно.

— И окно кто-то пробовал открыть, но не смог. Видно, неопытный взломщик.

— Это очень странно, — сказал инспектор. — Могу поклясться, что вчера вечером этих царапин не было.

— Может, приходил из деревни какой-нибудь любопытный простак? — предположил я.

— Нет, не похоже. Мало кто решится ступить на двор усадьбы, а уж взломать «каюту» — таких смельчаков нет. А вы что думаете, мистер Холмс?

— Я думаю, что нам повезло.

— Вы полагаете, этот человек придет снова?

— Очень возможно. Он попробовал открыть дверь крохотным перочинным ножом. Это не удалось. Что ему остается теперь?

— Вернуться следующей ночью с более подходящим инструментом.

— Правильно. Глупо будет, если мы не подкараулим его. А пока разрешите мне осмотреть «каюту» внутри.

Следы трагедии были уже уничтожены, но мебель в маленькой комнате все еще стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с огромным вниманием осматривал поочередно каждый предмет, но по его лицу было видно, что поиски безуспешны. Только раз он прервал свое кропотливое исследование:

— Вы брали что-нибудь с этой полки, Хопкинс?

— Нет, я не трогал ничего.

— Здесь что-то взято: в этом углу полки пыли меньше. Возможно, тут лежала книга, а может быть, коробка... Пожалуй, больше мне здесь делать нечего. Пойдемте погуляем в этих чудесных рощах, Уотсон, полюбуемся на птиц и на цветы. Мы встретимся с вами здесь попозже, Хопкинс: не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, который заходил сюда нынче ночью.

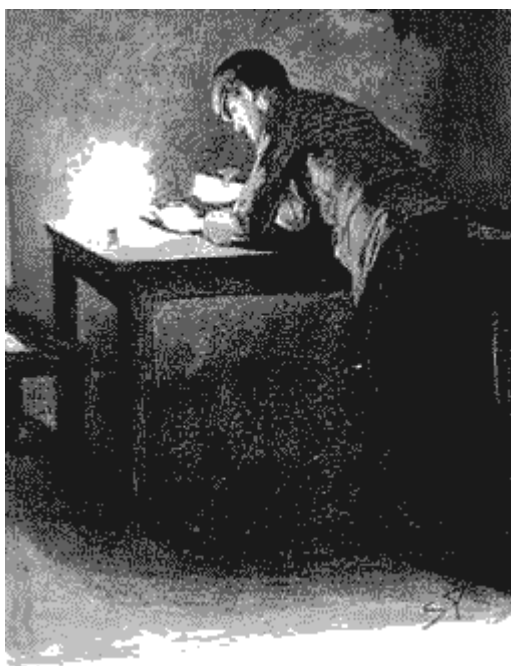
В двенадцатом часу ночи мы устроили засаду. Хопкинс хотел оставить дверь хижины открытой, но Холмс побоялся, что это спугнет незнакомца. Замок был настолько несложен, что его можно было открыть любым достаточно крепким ножом. Холмс предложил также, чтобы мы засели не внутри хижины, а снаружи, в кустах, которые росли под вторым окном. Таким образом нам удалось бы проследить за этим человеком, если он зажжет свет, и разузнать цель его прихода.

Наступило долгое мучительное ожидание; нервная дрожь охватила нас. Так дрожит охотник, подстерегая у водопоя томимого жаждой зверя. Какой хищник подкрадется сюда из темноты? Лютый тигр, которого можно одолеть только в тяжелой борьбе с его сверкающими клыками и когтями, или трусливый шакал, опасный лишь для слабых и беззащитных?

В полном молчании мы притаились в кустах. Сначала до нас доносились шаги запоздалых прохожих и голоса из деревни, но мало-помалу эти звуки замерли. Наконец наступила полная тишина. Только бой часов на далекой церкви извещал нас о том, что время идет, да мелкий дождь шуршал и шептал в той листве, которая служила нам кровом.

Пробило половину третьего: наступил самый темный предрассветный час. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип калитки. По дорожке кто-то шел. Потом снова наступила долгая тишина. Я уже подумал, что это ложная тревога, как вдруг позади, за хижинкой, слышались осторожные шаги, а через мгновение — лязг и шум металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент у него был получше — вскоре послышался треск, и дверные петли заскрипели. Затем чиркнула спичка, и в следующее мгновение ровный свет свечи озарил внутренность хижины. Сквозь тонкие занавески мы увидели все, что происходило внутри.

Ночной посетитель был худощавый, болезненного вида молодой человек. Черные усики оттеняли мертвенную бледность его лица. Ему, наверно, было немногим больше двадцати лет. Я еще ни разу не видел человека, находившегося в таком жалком состоянии: зубы у него стучали от страха, он дрожал всем телом. Он был одет как джентльмен: норфолкская куртка, короткие спортивные штаны, на голове суконное кепи. Мы видели, как он испуганно озирался по сторонам. Затем он поставил свечу на стол и исчез в одном из углов. Оттуда он возвратился с большой книгой — с одним из тех судебных журналов, целая кипа которых стояла на полке. Наклонившись над столом, он быстро перелистывал страницы, пока не наткнулся на запись, которую искал. Тогда он гневно ударил кулаком по журналу, поставил его на место и потушил свет.

Не успел он повернуться к выходу, как Хопкинс схватил его за воротник. Я услышал громкий крик ужаса: взломщик понял, что его поймали. Свечу снова зажгли. Несчастный пленник дрожал и корчился в объятиях сыщика.

— Ну, милейший, — сказал Стэнли Хопкинс, — кто же вы такой и что вам здесь нужно?

Юноша овладел собой и старался казаться спокойным.

— Вы, наверно, сыщик? — спросил он. — И думаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Кери? Уверю вас, я к этому непричастен.

— Это будет видно, — сказал Хопкинс. — Прежде всего, как вас зовут?

— Джон Холпи Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Хопкинс обменялись взглядом.

— Что вы тут делаете?

— Могу я надеяться, что вы не выдадите моей тайны?

— Непременно выдадим. Еще бы!

— В таком случае, какой же мне резон говорить?

— Если вы не скажете, вам плохо придется на суде.

Юноша содрогнулся.

— Ну что же, скажу, — промолвил он. — Почему бы и не сказать? Но как мне отвратительна мысль, что это старое позорное дело снова всплывет на поверхность! Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Хопкинса я понял, что ему ничего не известно об этом, но Холмс встрепнулся и сказал:

— Вы имеете в виду владельцев Западного банка? Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнуэльского графства, и Нелиган исчез.

— Совершенно верно. Нелиган — мой отец.

Наконец-то вскрылось нечто определенное. Но все же целая пропасть лежала между сбежавшим банкиром и капитаном Питером Кери, которого пригвоздил к стене его же собственный гарпун. И мы внимательно продолжали слушать рассказ молодого человека.

— Банкротство фактически коснулось только моего отца. Даусон удалился от дел раньше. Мне в то время исполнилось всего десять лет, но я был достаточно взрослый и чувствовал весь позор и ужас того, что случилось. Люди говорили, будто мой отец украл все ценные бумаги и сбежал. Это неправда. Отец твердо верил, что если ему дадут время реализовать их, все обойдется и он полностью расплатится со всеми вкладчиками. Он отплыл в Норвегию на маленькой яхте, как раз перед тем, как был отдан приказ об его аресте. Я помню последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью. Он оставил нам опись тех ценных бумаг, которые взял с собой. Он клялся, что восстановит свое доброе имя и что ни один из его доверителей не пострадает. С тех пор мы больше не слыхали о нем. И яхта и он исчезли. Мы с матерью были убеждены, что он покоится на дне морском. Есть у нас один верный друг, человек с деловыми связями, вот он-то недавно и узнал, что некоторые ценные бумаги, бывшие у отца, снова появились на Лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил несколько месяцев на то, чтобы проследить их путь, испытал множество неудач и наконец установил, что продавал их капитан Питер Кери, владелец этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки о нем. Я узнал, что он командовал китобойным судном, которое возвращалось из полярных морей как раз в то время, когда мой отец следовал в Норвегию. Осень тогда была ненастная, на море бушевали штормы. Отцовскую яхту, вероятно, отнесло на север, где ее и встретил корабль капитана Питера Кери. Если это так, то куда же исчез мой отец? Во всяком случае, если бы Питер Кери помог мне выяснить, как эти ценные бумаги попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продавал их и что он взял их с собой без всякой корыстной цели.

Я приехал в Суссекс, чтобы повидать капитана, но как раз в это время он погиб страшной смертью. В протоколе следствия я прочитал описание его «каюты». Упоминалось, между прочим, что там старые судовые журналы его корабля. Мне пришло в голову, что если бы мне посчастливилось прочитать в одном из этих журналов, что происходило в августе 1883 года на борту «Морского единорога», я узнал бы загадочную судьбу моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня моя попытка была успешнее, но обнаружилось, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны. Тут-то вы меня и схватили.

— Это все? — спросил Хопкинс.

— Да, все. — Глаза юноши забегали по этим словам.

— Вам больше нечего сказать?

Он колебался:

— Нечего.

— Вы здесь не были до вчерашней ночи?

— Нет.

— А как же вы объясните вот это? — вскричал Хопкинс, протягивая ему злосчастную записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и кровавым пятном на переплете.

Несчастный пал духом. Он закрыл лицо руками и вновь задрожал.

— Откуда же вы взяли ее? — простонал он. — А я и не знал... Я думал, что потерял ее в отеле.

— Довольно! — сурово произнес Хопкинс. — Если вам есть еще что сказать, вы скажете на суде. А теперь вы пойдете со мной в полицию... Ну, мистер Холмс, я весьма признателен вам и вашему другу за то, что вы пришли сюда помочь мне. Как выяснилось, в вашем присутствии не было надобности. Я довел бы дело до конца и без вас, но тем не менее я вам очень благодарен. Для вас оставлены комнаты в отеле «Брэмблтай», и мы можем идти в деревню вместе.

— Ну, Уотсон, каково же ваше мнение обо всем этом? — спросил Холмс, когда на следующее утро мы ехали обратно.

— Я вижу, что вы не удовлетворены.

— О нет, мой дорогой Уотсон, я совершенно удовлетворен. Но в то же время не могу похвалить Стэнли Хопкинса. Его методы никуда не годятся. Я разочаровался в нем. Я ожидал от него большего. Всегда возможно второе решение задачи, и надо искать его. Это первое правило уголовного следствия.

— Какое же здесь возможно второе решение?

— То, которое лежит в основе моего собственного расследования. Может статься, оно ничего и не даст, не могу сказать, но пройду этот путь до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, вскрыл и торжествующе рассмеялся.

— Чудесно, Уотсон! Второе решение назревает. У вас есть телеграфные бланки? Напишите для меня парочку телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклифф-хайвей. Пришлите трех человек, отправка завтра десять утра. Бэзил». Это мое имя в тех кругах. Вторая: «Инспектору Стэнли Хопкинсу. Лорд-стрит, 46, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не можете приехать. Шерлок Холмс»... Так вот, Уотсон, эта чертовщина преследовала меня целых десять дней, теперь я хочу развязаться с ней. Завтра, надеюсь, мы покончим с этим делом — и уже навсегда.

Точно в указанный час появился инспектор Стэнли Хопкинс, и мы все уселись за великолепный завтрак, который приготовила миссис Хадсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

— Так вы в самом деле уверены, что ваше объяснение правильно? — обратился к нему Холмс.

— Еще бы! Случай совершенно ясный.

— А по-моему, это дело еще не закончено.

— Вы удивляете меня, мистер Холмс! Чего же еще можно требовать?

— Разве ваше объяснение охватывает все стороны дела?

— Несомненно. Я узнал, что молодой Нелиган прибыл в отель «Брэмблтай» в день, когда было совершено преступление. Он приехал якобы для игры в гольф. Его комната находилась на первом этаже, и он мог уйти, когда ему вздумается. В ту самую ночь он пошел в Вудмеис-Ли, встретился в хижине с Питером Кери, повздорил с ним и убил его гарпуном. Затем, ужаснувшись делом рук своих, он убежал из хижины и обронил записную книжку. Принес он ее потому, что хотел расспросить Питера Кери насчет этих ценных бумаг. Вы, наверно, заметили, что некоторые из них в списке отмечены крестиками? Это те, что проданы на Лондонском рынке. Но большинство их, очевидно, находилось еще у Керн. Молодой Нелиган, по его признанию, мечтал овладеть ими, чтобы выплатить долги отца. Некоторое время после убийства он не отваживался подходить к хижине, но наконец решился, чтобы раздобыть нужные ему сведения.

Просто и ясно, не правда ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой.

— Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэр, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что это именно он — тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером?

И что это именно его профиль видели на занавеске за два дня до того? Нет, нет, Хопкинс, придется нам поискать кое-кого пострашнее.

Во время речи Холмса лицо сыщика все больше и больше вытягивалось. Его расчеты и надежды рушились, но он не сдавался без борьбы.

— Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был там в ту ночь. Явное доказательство этого — книжка. По-моему, для суда этих данных достаточно, пусть даже в них и есть, по-вашему, слабое место. А самое главное, мистер Холмс, что мой преступник уже задержан. А вашего «человека пострашнее» я что-то не вижу.

— Я склонен думать, что он сейчас поднимается по нашей лестнице, — спокойно ответил Холмс. — Мне кажется, Уотсон, вам лучше держать этот револьвер под рукой. — Холмс встал

и положил исписанный лист бумаги на столик, стоявший поблизости.

— Теперь мы готовы, — добавил он.

Послышались грубые голоса, а затем миссис Хадсон открыла дверь и сказала, что трое мужчин спрашивают капитана Бэзила.

— Впустите их по одному, — сказал Холмс. Первым вошел маленький, круглый человечек с румяными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Ваше имя? — спросил он.

— Джеймс Ланкастер.

— Мне очень жаль, Ланкастер, но место уже занято.

Вот вам полсоверена за беспокойство. Пройдите в ту комнату и подождите несколько минут.

Второй был высокий высохший человек с гладкими волосами и болезненным цветом лица. Его звали Хью Пэттино. Он также получил отказ, полсоверена и приказание ждать.

У третьего посетителя была примечательная внешность. Его свирепое, бульдожье лицо обросло взъерошенными волосами и бородой, а из-под жестких, густо нависших бровей сверкали смелые темные глаза. Он поздоровался и стоял в позе моряка, теребя в руках свою кепку.

— Ваше имя? — спросил Холмс.

— Патрик Кэрис.

— Гарпунщик?

— Да, сэр. Двадцать шесть рейсов.

— Из Данди, кажется?

— Да, сэр.

— Согласны пойти с экспедиционным судном?

— Да, сэр. Жалованье?

— Восемь фунтов в месяц. Могли бы отправиться немедленно?

— Как только получу снаряжение.

— Бумаги при вас?

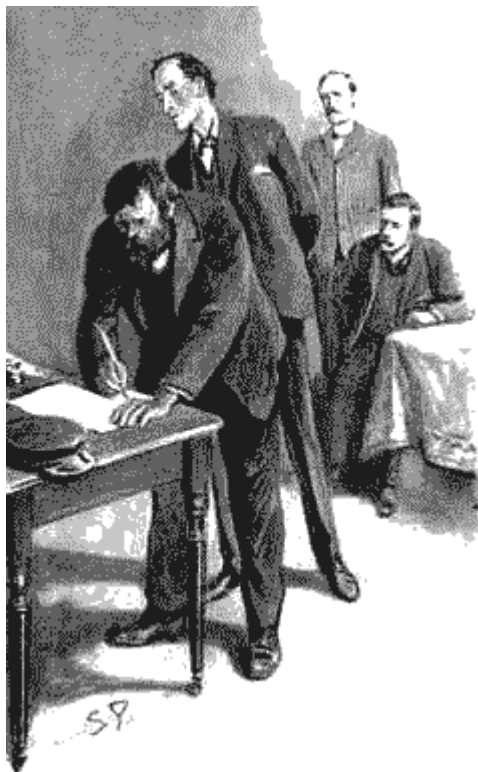
— Да, сэр.

Он вытащил из кармана связку потрепанных и засаленных документов. Холмс просмотрел их и возвратил ему.

— Как раз такой человек мне и нужен, — сказал он. — Вот контракт на этом столе. Подпишите его, и дело с концом.

Моряк вразвалку прошел по комнате и взялся за перо.

— Здесь подписать? — спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс склонился над его плечом и протянул руки поверх его шеи.

— Теперь все в порядке, — сказал он.

Я услышал лязг стали и рев разъяренного быка. В ту же минуту Холмс и моряк, сцепившись, покатались по полу. Моряк обладал гигантской силой: даже в наручниках, которые Холмс так ловко надел ему на руки, он мог бы одолеть моего друга. Но мы с Хопкинсом бросились на помощь. И только когда холодное дуло револьвера прижалась к его виску, он наконец понял, что сопротивление бесполезно. Мы связали ему ноги веревкой и подняли с полу, задыхаясь от борьбы.

— Я должен извиниться перед вами, Хопкинс, — сказал Шерлок Холмс, — яйца всмятку, боюсь, уже холодные. Но, я думаю, такой успешный конец следствия придаст вам аппетит?

Стэнли Хопкинс онемел от изумления.

— Что тут скажешь, мистер Холмс! — наконец выпалил он, мучительно покраснев. — Видно, я с самого начала сваял дурака. Нельзя было ни на минуту забывать, что вы учитель, а я — всего лишь ученик. Даже теперь, видя вашу работу, я все-таки не пойму, как вы это проделали и что это значит.

— Ладно, ладно, — добродушно сказал Холмс, — мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду второе решение. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что даже не вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и сеть убийца Питера Кери.

Хриплый голос моряка перебил его:

— Послушайте, мистер! Я не жалею, что вы так грубо обошлись со мной, но надо все-таки называть вещи своими именами. Вы говорите: «убийца Питера Кери». А вот я заявляю, что был вынужден убить его. Это далеко не одно и то же. Может, вы не поверите? Может, вы думаете, я плету небылицы?

— Совсем нет, — ответил Холмс. — Мы охотно выслушаем все, что вы хотите сказать.

— Я буду говорить недолго, и, клянусь богом, каждое мое слово — правда. Я знал Черного Питера, и когда он взялся за нож, я схватил гарпун, потому что понимал, что только одному из нас быть в живых. Вот так он и умер. Может, это и называется убийством. Мне все равно, как умирать, только мне больше нравится испустить дух с веревкой на шее, чем с ножом Черного Питера в сердце.

— Как вы очутились в его доме? — спросил Холмс.

— Я расскажу все по порядку. Только дайте я сяду, так легче будет говорить. Эта история

началась в августе 1883 года. Питер Кери был хозяином «Морского единорога», а я у него — запасным гарпунщиком. Мы выбрались из торосистых льдов и шли домой. Встречный ветер трепал нас, а шторм не унимался целую неделю. Вдруг натываемся на маленькое суденышко: оно дрейфует на север. Всего экипажа один человек, да и тот не моряк. Остальные, бывшие в этом суденышке, решили, что оно пойдет ко дну, уселись в шлюпку и пошли к норвежскому берегу. И должно быть, все до одного потонули. Так вот, мы этого человека взяли к себе на судно. Они с капитаном долго толковали в каюте. Весь его багаж, принятый к нам на борт, состоял из одной жестяной коробки. Насколько мне известно, имени этого человека ни разу никто не назвал. На вторую же ночь он исчез, будто его и вовсе не бывало. Болтали, будто он или сам бросился в воду, или упал за борт — в ту ночь разыгралась сильная буря. Только один человек знал, что с ним случилось, — это был я. Потому что в глухую темную ночь, за два дня до того, как мы миновали маяки Шотландских островов, я собственными глазами видел, как капитан схватил его за ноги и сбросил в море.

Я никому не сболтнул ни слова. Думаю — посмотрю, что будет дальше. Пришли мы в Шотландию. Дела этого никто не поминал, да никто ни о чем и не спрашивал. Погиб человек случайно, и никому это не интересно. Вскоре Питер Кери вышел в отставку, и только спустя много лет мне удалось узнать, где он поселился. Я сообразил, что он взял грех на душу ради той жестяной коробки. Ну, думаю, теперь он мне заплатит как следует, чтобы я держал язык за зубами. От одного моряка, который встретил его в Лондоне, я узнал, что он живет здесь, и приехал, чтобы выжать из него кое-что. В первую ночь он держался благоразумно: пообещал мне такую сумму, что я на всю жизнь был бы избавлен от моря. Окончательно договориться мы должны были через две ночи. Я пришел — вижу, он уже пьян и настроение у него самое гнусное. Мы сели, выпили, поговорили о старых временах. Чем больше он пил, тем меньше мне нравилось выражение его лица. Я заметил гарпун на стене: пожалуй, думаю, он мне понадобится. А того наконец прорвало: ухватил он большой складной нож и полез на меня, изрыгая слюну и ругань. Я по всему видел, что он готов на убийство. Но не успел он раскрыть нож, как я пригвоздил его гарпуном к стене. Боже, как он заревел! Его лицо до сих пор не дает мне уснуть... Кровь лилась ручьем, а я стоял и ждал. Но кругом было тихо, и я успокоился. Огляделся — вижу: на полке жестяная коробка. У меня на нее такое же право, как у Питера Кери, поэтому я взял ее и вышел из хижины. И сдуру забыл на столе свой кисет.

А теперь я расскажу вам самую диковинную часть этой истории. Только я выбрался на воздух,

как вдруг слышу чьи-то шаги. Я засел в кустах. Смотрю, к хижине пробирается человек. Вошел в нее, закричал, как полоумный, и пустился бежать со всех ног, пока не пропал из виду. А я всех перехитрил: прошагал десять миль пешком, в Танбридж-Уэллсе сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я раскрыл коробку, оказалось, что в ней ни гроша. Ничего там не было, кроме бумаг, которые я не решился продать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга. У меня оставалось только мое ремесло. Я увидел эти объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к морским агентам, а они послали меня сюда. Вот все, что мне известно. И хоть я прикончил Черного Питера, но правосудие должно благодарить меня — я сэкономил правительству расход на пеньковую веревку.

— Весьма убедительные показания, — сказал Холмс, вставая и закуривая трубку. — Я думаю, Хопкинс, вам следует, не теряя времени, препроводить арестованного в более надежное место. Эта комната не совсем пригодна под камеру, мистер Патрик Кэрнс занимает слишком много места на нашем ковре.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Холмс, — сказал Хопкинс. — До сих пор я не понимаю, как вы достигли такого успеха.

— Просто я с самого начала ухватился за верную нить. Знай я раньше о записной книжке, она, может быть, так же сбила бы меня с толку, как и вас. Но все, что я слышал об этом деле, вело только в одном направлении. Огромная силища, умение пользоваться гарпуном, бутылка рома, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком — все это указывало на моряка, причем на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П. К.» — простое совпадение. Кисет не принадлежал Питеру Кери, потому что тот редко курил и в его «каюте» не нашли трубки. Вы помните, я спрашивав, были ли в «каюте» виски и коньяк. Вы ответили, что были. Но кто, кроме моряка, станет пить ром, когда под рукой есть коньяк или виски? Да, я был уверен, что это моряк.

— А как вы отыскивали его?

— Мой дорогой сэр, ведь это же очень просто. Моряк мог быть только из числа тех, кто плавал вместе с Кери на «Морском единороге». Насколько мне было известно, капитан на другом судне не плавал. Я затратил три дня на телеграммы в Данди, чтобы установить имена команды «Морского единорога» в 1883 году. Когда я узнал, что в числе гарпунщиков был Патрик Кэрнс, мои расследования почти закончились. Я считал, что этот человек находится, вероятно, в Лондоне и не прочь на некоторое время покинуть Англию. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, выдумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые будут служить под командой капитана Бэзила, — и вот результат.

— Замечательно! — воскликнул Хопкинс. — Просто замечательно!

— Вы должны как можно скорее добиться освобождения молодого Нелигана, — сказал Холмс. — Думаю, вам следует извиниться перед ним. Жестяную коробку надо ему вернуть, но, конечно, те ценные бумаги, что проданы Питером Кери, уже пропали навсегда... Вот и ээб, Хопкинс, вы можете увезти этого человека. Если мое присутствие понадобится на суде, дайте нам знать в Норвегию. Точный адрес я сообщу вам позже.

Конец Чарльза Огастеса Милвертона

The Adventure of Charles Augustus Milverton

First published in Collier's Weekly, Mar. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, Apr. 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget.

Прошли годы после событий, о которых я собираюсь говорить, а все-таки описывать их приходится с большой осторожностью. Долго нельзя было, даже крайне сдержанно и с недомолвками, обнародовать эти факты, но теперь главное действующее лицо недостижимо для человеческого закона, и с надлежащими сокращениями история эта может быть рассказана так, чтобы никому не повредить. Она заключает в себе единственный в своем роде случай как из деятельности Шерлока Холмса, так и моей. Читатель извинит меня, если я скрою дату или какой-нибудь факт, по которому он мог бы добраться до истинных участников этой истории.

Был холодный, даже морозный зимний вечер. Холмс и я совершили одну из своих вечерних

прогулок и около шести часов вернулись домой. Когда Холмс зажег лампу, свет упал на лежавшую на столе карточку. Взглянув на нее, он с возгласом отвращения бросил ее на пол. Я поднял ее и прочел:

Чарльз Огастес Милвертон
Апддор Тауэрс, Хемпстед
Агент

— Кто это такой? — спросил я.

— Худший человек в Лондоне, — ответил Холмс, садясь и протягивая ноги к огню. — Не написано ли чего-нибудь на оборотной стороне карточки?

Я перевернул ее.

— «Зайду в 6.30 Ч. О. М.», — прочел я.

— Гм! Он сейчас будет здесь. Не испытывали ли вы, Уотсон, стоя перед змеями в зоологическом саду, гадливости и омерзения при виде этих скользких, ядовитых тварей с их ледяным взглядом и злыми плоскими мордами? Именно такие чувства заставляют меня испытывать Милвертон. За время своей деятельности я приходил в соприкосновение с пятьюдесятью убийцами, и худший из них никогда не вызывал у меня такого отвращения, как этот молодчик. А между тем я не могу не иметь с ним дела... Впрочем, он явится по-моему приглашению.

— Но кто же он такой?

— Я вам скажу, Уотсон. Это король всех шантажистов. Да поможет небо мужчине, а еще больше женщине, чье доброе имя окажется во власти Милвертона. Завладев их тайной, он будет их жать и жать с улыбающейся физиономией и каменным сердцем, пока не выжмет досуха. Он в своем роде гений, и в честной торговле его марка прославилась бы. Метод его следующий: он распространяет слух, что готов уплатить очень высокие суммы за письма, компрометирующие людей богатых или с положением. Он получает этот товар не только от лакеев и горничных, не гнушающихся предать, но часто и от благородных мерзавцев, которые добились доверия и расположения женщин. Он ведет дела, не скупясь. Мне известно, что он заплатил семьсот фунтов одному лакею за записку в две строчки и что результатом этого было разорение знатной фамилии. Весь подобный товар, появляющийся на рынке, идет к Милвертону, и в этой большой столице найдутся сотни людей, которые бледнеют, услышав его имя. Никто не знает, кто завтра будет его жертвой, потому что он очень богат и очень хитер и ему не нужно зарабатывать каждый день. Он будет несколько лет держать про запас карту, чтобы пойти ею в тот момент, когда ставки в игре будут самые высокие. Я сказал, что он худший человек в Лондоне, и в самом деле, спрашиваю вас, как можно сравнить разбойника, сгоряча уложившего дубиной своего товарища, с этим человеком, который методически и не спеша терзает душу и выматывает нервы для того, чтобы умножить свои уже набитые золотом мешки?

Я редко слышал, чтобы мой друг говорил с такой горячностью.

— Но ведь есть же закон, — возразил я. — Так что и на этого человека можно найти управу.

— Теоретически — да, практически — нет. Какая польза для женщины заключить его на несколько месяцев в тюрьму, если за этим тотчас же последует ее гибель? Его жертвы не смеют парировать его ударов. Если бы он когда-нибудь занялся шантажом против невинной особы, тогда действительно мы поймали бы его, но он хитер, как сам дьявол. Нет, нет, надо найти другие пути для борьбы с ним.

— А для чего он явится сюда?

— Одна знатная клиентка поручила мне свое печальное дело. Это леди Ева Брэкуэл, самая красивая из девушек, начавших выезжать в прошлый сезон. Ее свадьба с герцогом Доверкором назначена через две недели. У этого исчадия имеется несколько неосторожных писем — всего только неосторожных, Уотсон, — которые были написаны ею одному бедному сквайру. Этих писем достаточно, чтобы помешать свадьбе. Милвертон пошлет их герцогу, если ему не будет уплачена крупная сумма. Мне поручено повидаться с ним и по возможности договориться.

В эту минуту на улице послышался лошадиный топот и скрип колес. Посмотрев в окно,

я увидел великолепную карету, запряженную парой гнедых коней, яркий свет ее верхнего фонаря отражался на блестящих крупах благородных животных. Лакей открыл дверцы, и из кареты вышел низкого роста толстый мужчина в пальто с каракулевым воротником. Через минуту он был в нашей комнате.

Чарльз Огастес Милвертон был человек лет пятидесяти, с большой, умной головой, круглым, пухлым, бритым лицом, застывшей улыбкой и острыми серыми глазками, которые живо поблескивали за большими очками в золотой оправе. Он походил бы на Пиквика, если бы не фальшивая, как наклеенная, улыбка и холодный блеск настороженных, пронизательных глаз. Голос его был мягок и приятен, как и его добродушная по виду наружность, когда он, подходя с протянутой пухлой ручкой, выражал сожаление, что не застал нас в первый свой визит.

Холмс оставил без внимания протянутую руку, его лицо стало твердым и холодным, как гранит. Улыбка Милвертона стала еще шире; он пожал плечами, снял пальто, тщательно сложил его и, перекинув через спинку стула, сел.

— Этот джентльмен? — спросил он, делая плавный жест в мою сторону. — Не будет ли это нескромностью?

— Доктор Уотсон мой друг и коллега.

— Прекрасно, мистер Холмс. Я протестую только в интересах нашей клиентки. Дело такое щекотливое...

— Доктор Уотсон уже слышал о нем.

— Значит, мы можем приступить к делу. Вы говорите, что действуете от имени леди Евы. Уполномочила ли она вас принять мои условия?

— Какие ваши условия?

— Семь тысяч фунтов.

— А в случае несогласия?

— Дорогой сэр, мне тяжело обсуждать этот вопрос, но если деньги не будут уплачены четырнадцатого, то, конечно, восемнадцатого свадьбы не будет.

Его нестерпимая улыбка стала еще любезнее.

Холмс немного подумал.

— Мне кажется, — сказал он наконец, — что вы действуете сейчас с излишней уверенностью.

Я знаю содержание писем. И моя клиентка поступит, конечно, так, как я ей посоветую. А я ей посоветую, чтобы она все рассказала своему будущему мужу и положила на его великодушие.

Милвертон рассмеялся.

— Вы, очевидно, не знаете герцога, — сказал он.

Увидев расстроенное лицо Холмса, я понял, что он знает герцога.

— В письмах нет ничего дурного, — сказал он.

— Они бойки... очень бойки, — ответил Милвертон. — Леди писала прелестно. Но уверяю вас, что герцог Доверкорский не сумеет этого оценить. Впрочем, раз вы думаете иначе, то покончим на этом. Это вопрос чисто деловой. Вы находите, что ваша клиентка только выиграет, если эти письма попадут к герцогу, — тогда с вашей стороны будет поистине безумием платить за них такую большую сумму.

Милвертон встал и взял пальто.

Холмс стал серым от злости и досады.

— Постойте, — сказал он. — Вы уж слишком торопитесь. Мы, конечно, сделаем все, чтобы избежать скандала в таком щекотливом деле.

Милвертон снова сел.

— Я был уверен, что вы именно так подойдете к делу, — замурлыкал он.

— Вместе с тем, — продолжал Холмс, — леди Ева — небогатая женщина. Уверяю вас, что даже две тысячи фунтов будет для нее разорением, а сумма, которую вы назвали, ей положительно не по силам. Поэтому я вас прошу умерить требования и вернуть письма за ту цену, которую я упомянул и которая, уверяю вас, составляет все, что вы можете получить от нее.

Милвертон весь расплылся в улыбке, в его глазах заплясали веселые огоньки.

— Я знаю: то, что вы говорите о средствах леди, правда, — сказал он. — Но подумайте, этот брак — такой подходящий случай для ее друзей и родных что-либо сделать для нее. Они будут думать о свадебном подарке. Объясните им, что эта связка писем доставит ей больше радости, чем все лондонские канделябры и вазы.

— Это невозможно, — возразил Холмс.

— Боже мой, боже мой, как печально! — воскликнул Милвертон, вынимая из кармана толстую записную книжку. — Мне поневоле думается, что у наших дам плохие советчики, они не учат их делать усилия. Взгляните на это!

Он вынул из конверта с гербом записочку.

— Это принадлежит... впрочем, нехорошо быть нескромным. Вот завтра уже можно будет назвать имя, когда эта записка будет в руках мужа этой дамы. И все только потому, что она не хочет заплатить за нее нищенскую сумму, которую достала бы в полчаса, обменяв свои бриллианты на стразы. Такая жалость! Ну-с, а вы помните внезапный разрыв между мисс Майлс и полковником Доркингом? «Морнинг пост» сообщила о их разрыве всего за два дня до свадьбы. А почему? Нет, это почти невероятно, ведь каких-нибудь жалких тысяча двести фунтов — и все было бы улажено. Разве это не печально? И вы еще можете торговаться, вы, человек здравомыслящий, когда на карту поставлены честь и будущее вашей клиентки! Вы удивляете меня, мистер Холмс.

— Я говорю то, что есть, — возразил Холмс. — Таких денег моей клиентке взять неоткуда. Но сумма, которую я назвал, тоже немаленькая. Зачем отказываться от нее и губить счастье женщины? Ведь это не принесет вам барыша.

— Вот вы и ошиблись, мистер Холмс, огласка косвенным путем будет мне очень полезна. У меня наклеивается восемь — десять подобных случаев. Если пойдет слух, что я строго наказал леди Еву, то другие окажутся благоразумнее. Понимаете?

Холмс вскочил со стула.

— Хватайте его сзади, Уотсон! Не выпускайте из комнаты! Сейчас, сэр, мы посмотрим содержимое вашей записной книжки.

Милвертон быстро, как мышь, шмыгнул в угол и прижался спиной к стене.

— Мистер Холмс, мистер Холмс, — проговорил он, отворачивая борт сюртука и показывая дуло большого револьвера, торчавшего из внутреннего кармана. — Я ожидал от вас чего-нибудь более оригинального. С подобным обращением я сталкивался часто, и из этого никогда ничего не выходило. Поверьте, я вооружен до зубов и готов применить оружие, зная, что закон на моей стороне. К тому же я не настолько глуп, чтобы захватить сюда эти письма. Так что вы опять ошиблись, мистер Холмс. Будьте здоровы, джентльмены, мне предстоит сегодня вечером еще два свидания, а до Хемстеда далеко.

Милвертон шагнул вперед, взял со стула свое пальто и, положив руку на револьвер, пошел к двери. Я схватился за стул, но Холмс покачал головой, и я опустил его.

С поклоном, улыбкой и подмигиваниями Милвертон торжествующе вышел из комнаты, и через несколько секунд мы услышали, как стукнула дверца кареты и загромыхали колеса.

Холмс сидел недвижимо возле огня, глубоко засунув руки в карманы брюк, низко опустив голову и устремив пристальный взгляд на раскаленные угли. Так просидел он безмолвно с полчаса. Затем резким движением вскочил на ноги, как человек, принявший решение, и пошел к себе в спальню. Вскоре оттуда вышел щеголеватый мастеровой с козлиной бородкой и несколько развязными манерами. Прикурив от лампы глиняную трубку, он взялся за ручку двери.

— Я скоро вернусь, Уотсон, — сказал он и исчез во мраке ночи.

Я понял, что мой друг начал кампанию против Чарльза Огастеса Милвертона. Но мне и во сне не могло присниться, что из этого выйдет.

Несколько дней подряд Холмс выходил из дому в разное время в этом наряде, но, кроме того, что он бывает в Хемстеде и не теряет времени зря, я ничего не знал о его деятельности. Наконец в один ненастный вечер, когда за окном неистовствовала буря, он вернулся домой и, сняв свой костюм, сел перед огнем и от души рассмеялся.

— Вы ведь не замечали, Уотсон, за мной матримониальных наклонностей?

— Не замечал.

— Так знайте, я обручен.

— Дорогой друг! Поздр...

— Невеста — горничная Милвертона.

— Господи помилуй. Холмс!

— Я должен был собрать о нем сведения.

— И вы зашли слишком далеко?

— Это было необходимо. Я лудильщик по имени Эскот, и дела мои процветают. Каждый вечер мы гуляли и беседовали. О боже! Эти беседы! Однако же я добился, чего хотел. Я теперь знаю дом Милвертона, как свои пять пальцев.

— Но девушка, Холмс!

Он пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, милый Уотсон. На очень уж крупную дичь охота. Но я с удовольствием могу сообщить вам, что у меня есть соперник, который тут же займет мое место, как только я покажу спину. Какая роскошная ночь!

— Вы любите такую погоду?

— Это то, что мне надо. Я намерен сегодня ночью, Уотсон, залезть в дом Милвертона.

У меня даже дух захватило и мороз побежал по коже — с такой непреклонной решимостью проговорил он эти слова. Подобно тому, как молния среди ночи освещает на один миг малейшие детали обширного ландшафта, я умственным взглядом окинул все результаты, могущие произойти от такого поступка, — поимка, арест, почтенная карьера, оканчивающаяся позором, лучший мой друг в руках отвратительного Милвертона.

— Ради самого неба. Холмс, одумайтесь! — воскликнул я.

— Дорогой друг, вы ведь знаете, я не люблю опрометчивых поступков, я все хорошо взвесил и никогда бы не пошел на такую опасную меру, если бы имелся другой выход. Посмотрим на дело трезво. Вы, я полагаю, допускаете, что с точки зрения морали мой замысел оправдан, я совершу преступление только в глазах закона. Ограбить дом Милвертона — это не более чем отобрать у него силой записную книжку. А в этом вы сами были готовы помочь мне.

Я подумал.

— Да, — сказал я, — поступок нравственно законен, раз наша цель — взять только то, чем Милвертон пользуется для незаконных целей.

— Именно. А раз поступок с моральной точки зрения законен, остается только личный риск. Но истинный джентльмен не должен думать о риске, когда женщина так отчаянно нуждается в его помощи.

— Вы очутитесь в сложном положении.

— Это и есть риск. Я не вижу иного способа получить письма. У несчастной леди нет денег, а среди ее родных нет ни одного человека, которому она могла бы довериться. Завтра последний день, и, если мы не добудем писем сегодня ночью, этот негодяй сдержит свое слово и погубит ее. Поэтому я должен или все предоставить судьбе, или сделать этот последний ход. Между нами говоря, Уотсон, это своеобразная дуэль между Милвертоном и мною. При первом обмене ударами, как вы видели, перевес был на его стороне, и моя репутация и чувство собственного достоинства требуют, чтобы я продолжил ее.

— Мне это не нравится, но, видно, так должно быть, — сказал я. — Когда мы отправляемся?

— Вы со мной не пойдете.

— В таком случае и вы не пойдете, — возразил я. — Даю вам честное слово (а я никогда в жизни не нарушал его), что сейчас же найму кэб, поеду в полицию и выдам вас, если вы не возьмете меня с собой.

— Вы не можете мне помочь.

— Почему вы знаете? Неизвестно, что случится. Как бы там ни было, мое решение неизменно. Не вы одни обладаете чувством собственного достоинства и дорожите своей репутацией.

Холмс сначала казался раздосадованным, но теперь лицо его прояснилось, и он хлопнул меня по плечу.

— Ладно, дорогой друг, пусть будет так. Мы много лет жили в одной комнате, и нечего под конец менять традицию. Если не повезет, будем вместе делить камеру. Признаюсь, Уотсон, я всегда думал, что из меня вышел бы замечательный преступник. И вот наконец такая блестящая возможность!

Холмс вынул из ящика аккуратный кожаный футляр и, открыв его, показал мне несколько блестящих инструментов.

— Это первоклассный, последнего изобретения воровской набор, в нем никелированная фомка, алмаз для резания стекла, отмычки и все новейшие приспособления, требуемые прогрессом цивилизации. Вот также потайной фонарь. Все в порядке. Есть у вас бесшумные башмаки?

— Да, есть. Башмаки для тенниса с резиновыми подошвами.

— Прекрасно. А маска?

— Могу сделать пару из черного шелка.

— У вас, я вижу, врожденная склонность к таким вещам. Очень хорошо; делайте маски. Поужинаем перед уходом чем-нибудь холодным. Теперь половина девятого. В одиннадцать мы доедем до Черч-роу. Оттуда четверть часа ходьбы до Аплдор Тауэрс. Начнем работать еще до полуночи. Милвертон спит крепко и всегда ложится в половине одиннадцатого. При удаче будем дома в два часа с письмами леди Евы в кармане.

Мы надели фраки, чтобы иметь вид людей, возвращающихся из театра. На Оксфорд-стрит мы наняли кэб и доехали до Хемстеда. Там мы рассчитались с извозчиком и, застегнув доверху пальто, потому что было очень холодно и дул пронизывающий ветер, пошли вдоль Хиса.

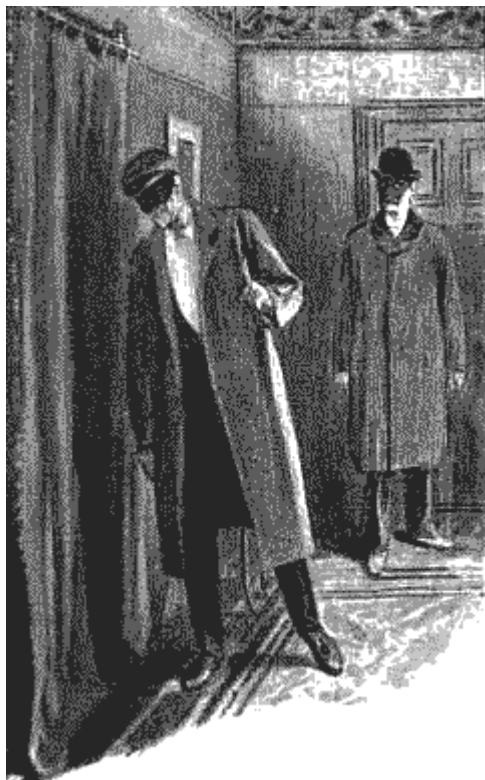
— Это — дело деликатное, — сказал Холмс. — Документы находятся в кабинете Милвертона. Заперты в сейфе. А кабинет примыкает к спальне. Но у него, как у всех толстяков, не жалующихся на здоровье, прекрасный сон. Агата (так зовут мою невесту) говорит, что ее хозяина пушкой не разбудишь. У Милвертона есть секретарь, который ему очень предан. Днем он никуда не выходит из кабинета: вот почему мы пошли ночью. Дом охраняет злющая собака, спущенная с цепи. Но я в последние два вечера приходил к Агате поздно, и она стала запирает ее. А вот и дом. Вот тот большой, в глубине сада. Пройдем в ворота, теперь направо между лавровыми кустами. Я думаю, пора надеть маски. Видите, ни в одном окне нет света. Все идет прекрасно.

Надев маски и превратившись в настоящих разбойников, мы прокрались к безмолвному, мрачному дому. Вдоль одной его стороны была крытая веранда с несколькими окнами и двумя дверьми внутри.

— Это его спальня, — шепнул Холмс. — А рядом дверь в кабинет. Но она, к сожалению, заперта на засов и на замок. Отпирая ее, мы бы произвели слишком много шума. Так что пойдём кругом. Там есть оранжерея, в которую выходит гостиная.

Оранжерея была заперта, но Холмс вырезал стекло и повернул ключ изнутри. В следующий момент он запер за нами дверь, и мы в глазах закона стали преступниками. Нас охватил влажный, жаркий воздух зимнего сада и густые, одуряющие ароматы экзотических растений. Холмс взял меня в темноте за руку и быстро повел мимо кустов, ветки которых задевали нас по лицу. Мой друг обладал замечательной способностью: он видел в темноте. Не выпуская моей руки, он открыл дверь, и я почувствовал, что мы вошли в большую комнату, в которой недавно курили сигары. Холмс двигался осторожно, стараясь не задеть мебель. Потом он отворил другую дверь и закрыл ее за нами. Протянув руку, я ощупал несколько пальто, висевших на стене, и понял, что мы вышли в коридор. Мы прошли еще немного, и Холмс очень тихо отворил дверь с правой стороны. Что-то прыгнуло на нас, и у меня душа ушла в пятки. Но это был кот, и я чуть не рассмеялся над своим испугом. В этой комнате горел в камине огонь, и тут также сильно пахло табачным дымом. Холмс вошел на цыпочках, подождал меня и затем очень тихо притворил дверь. Мы были в кабинете Милвертона. Портьера на противоположном конце скрывала вход в его спальню.

Огонь в камине ярко горел и освещал комнату. Возле дверей я увидел электрическую кнопку, но включать свет не было надобности, даже если бы это было безопасно. С одной стороны каминная тяжелая портьера закрывала окно с выступом, которое мы видели снаружи. С другой стороны была дверь, выходящая на веранду. Посреди комнаты стоял письменный стол с вертящимся креслом, обитым яркой красной кожей. Напротив находился большой книжный шкаф с мраморным бюстом Афины наверху. В углу, между книжным шкафом и стеной, стоял большой зеленый сейф, и огонь каминной ярко отражался в его начищенных медных ручках. Холмс, неслышно ступая, подошел к нему и осмотрел. Затем подкрался к двери спальни и, приблизив ухо к дверной щели, прислушался. Там было все тихо. Между тем мне пришло в голову, что не мешает обеспечить себе отступление через наружную дверь, и я осмотрел ее. К моему удивлению, она не была заперта ни на замок, ни на засов. Я дотронулся до руки Холмса, и он повернул свое лицо, скрытое маской, в сторону двери. Я видел, что он тоже удивлен.

— Мне это не нравится, — шепнул он мне в ухо. — Не понимаю, в чем дело. Во всяком случае, мы не должны терять времени.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да, стойте у двери. Если услышите чьи-нибудь шаги, заложите засов, и мы уйдем тем путем, каким пришли. Если в комнату войдут со стороны зимнего сада и наша работа будет окончена, мы уйдем через эту дверь. Если же мы не успеем взять документы, то спрячемся за оконной портьерой. Ясно?

Я кивнул головой и встал у двери. Мое первое чувство страха прошло, и я трепетал от острого наслаждения, какого никогда не испытывал, когда мы защищали закон, а не бросали ему вызов, как теперь. Высокая цель нашей миссии, сознание, что нами двигают рыцарские побуждения, а не эгоистические, презрение, которое вызывала гнусная личность нашего противника, — все это умножало охотничий азарт. Я не чувствовал вины, а, наоборот, испытывал радость и возбуждение от опасности, которой мы подвергались. Я с восхищением наблюдал за Холмсом. Он раскрыл свой набор и выбирал нужный инструмент спокойно и внимательно, как хирург перед сложной операцией. Я знал, что открывание сейфов — его конек, и понимал радость, которую он испытывал, очутившись лицом к лицу с зеленым позолоченным чудовищем, с драконом, держащим в своей пасти репутацию многих прекрасных дам. Завернув рукава фрака (пальто свое он положил на стул), Холмс вынул два сверла, фомку и несколько отмычек. Я стоял у двери, ведущей на веранду, не спуская глаз с других дверей, готовый ко всякой случайности, хотя, в сущности, у меня не было никаких планов, что делать в случае, если нас прервут. С полчаса Холмс сосредоточенно работал, откладывая один инструмент, выбирая другой, манипулируя ими с силой и точностью специалиста-механика. Наконец я услышал, как что-то щелкнуло, широкая зеленая дверца открылась, и я мельком увидел внутри сейфа несколько пакетов, перевязанных, запечатанных и надписанных. Холмс взял один из них, но читать при мерцающем свете камина было трудно, и он вынул свой маленький потайной фонарь, так как включать свет рядом со спальней Милвертона было опасно. Вдруг я увидел, что Холмс поднял голову и стал внимательно прислушиваться. Затем в мгновение ока он толкнул дверцу сейфа, взял свое пальто, сунул инструменты в карманы и бросился за оконную портьеру, сделав мне знак последовать его примеру.

Только присоединившись к нему, я услышал то, что встревожило его тонкий слух. Где-то в доме раздавался шум. Хлопнула дверь. Стали отчетливо слышны мерные, тяжелые шаги, быстро прибли-

жавшиеся к нам. У двери в кабинет шаги остановились. Открылась дверь. Резко щелкнул электрический выключатель. Дверь затворилась, и нашего обоняния коснулся едкий дым крепкой сигары. Затем шаги стали раздаваться в нескольких ярдах от нас, кто-то ходил по комнате взад и вперед. Наконец шаги смолкли и заскрипел стул. Затем щелкнул ключ в каком-то замке, и я услышал шелест бумаги.

До сих пор я не осмеливался выглянуть, но тут я тихонечко раздвинул портьеры и заглянул в узкую щель. Я знал по тому, как Холмс прижался ко мне, что и он наблюдает. Прямо перед собой, почти на расстоянии руки мы увидели широкую круглую спину Милвертона. Было очевидно, что наши расчеты относительно его действий были совершенно ошибочны. Он и не входил спальню, а сидел в какой-нибудь курительной или бильярдной в дальнем флигеле дома, окна которого нам не были видны. Его широкая седеющая голова с блестящей лысиной была прямо перед нашими глазами. Он сидел, прислонившись к спинке красного кожаного кресла, ноги его были вытянуты, изо рта вверх торчала длинная черная сигара. На нем была тужурка цвета красного вина с черным бархатным воротником. Он держал в руках длинный документ, который лениво читал, выпуская изо рта кольца дыма. Его спокойные манеры и удобная поза говорили о том, что он расположился в кабинете надолго.

Я почувствовал, как рука Холмса проскользнула в мою и успокоительно ее пожала. Он как бы говорил мне, что предвидел такой оборот и не волнуется. Я не знал, видит ли он то, что было видно мне, а именно, что дверца сейфа закрыта неплотно и что Милвертон в любую минуту может заметить это. Про себя я решил, что если он обнаружит открытый сейф, — я тотчас выскочу из своей засады, наброшу ему на голову свое пальто, свяжу его и остальное предоставлю Холмсу. Но Милвертон ни разу не поднял глаз. Он неторопливо прочитывал бумаги, которые держал в руках, переворачивая страницу за страницей. Я надеялся, что он пойдет в спальню, когда кончит читать документ и докурит сигару; но не успел он окончить ни то, ни другое, как случилось нечто неожиданное.

Я заметил, что Милвертон несколько раз взглянул на часы, а однажды встал и снова сел, проявляя нетерпение. Но мне и в голову не приходило, что у него могло быть назначено свидание в такой неурочный час. Вдруг со стороны веранды до моего слуха донесся слабый звук шагов. Милвертон бросил бумаги и вытянулся на стуле. Скоро послышался легкий стук в дверь. Милвертон встал и открыл ее.

— Вы опоздали на полчаса, — произнес он резко.

Так вот объяснение открытой двери и ночного бдения Милвертона! Мы услышали легкое шуршание женского платья. Я сдвинул было портьеры, так как теперь лицо Милвертона было обращено к нам. Но любопытство взяло верх, и я снова чуть-чуть раздвинул их. Милвертон уже сидел в кресле, и его черная сигара так же заносчиво торчала вверх. В середине комнаты, освещенная электрическим светом, стояла высокая, стройная женщина в темном капюшоне, стянутом у подбородка, с лицом, скрытым вуалью. Женщина быстро и прерывисто дышала, и вся ее гибкая фигура дрожала от сильного волнения.

— Вы, милая, лишили меня ночного отдыха, — сказал Милвертон. — Надеюсь, я буду вознагражден за это. Вы не могли прийти раньше?

Женщина покачала головой.

— Ну, не могли так не могли. Вы говорите, графиня немилостиво обращается с вами. У вас теперь есть возможность расквитаться с ней. Да что с вами, девушка? Что вы так дрожите? Вот так. Подбодритесь! А теперь приступим к делу. — Он вынул из ящика записку. — Вы говорите, что имеете пять писем, компрометирующих графиню д'Альбер. Вы желаете их продать, я желаю их купить. Хорошо. Остается определить цену. Я, конечно, должен посмотреть письма, действительно ли это то, что надо... Господи, да вы ли это?

Женщина, не говоря ни слова, подняла вуаль и отбросила с головы капюшон. Я увидел красивую брюнетку с правильными, тонкими чертами, нос с изящной горбинкой, густые черные брови над горящими ненавистью глазами и тонкие губы, изогнутые зловещей улыбкой.

— Да, это я, — ответила она. — Несчастливая, которую вы погубили.

Милвертон рассмеялся, но в смехе его послышался страх.

— Вы были так упрямы, — сказал он. — Зачем было доводить дело до крайности? Уверяю вас, по собственному желанию я и мухи бы не обидел. Но всякий человек по-своему зарабатывает на хлеб. Что же мне оставалось делать? Я назначил цену, которая вам по средствам. Вы не хотели заплатить.

— И тогда вы послали письма моему мужу; это надорвало сердце благороднейшему из людей. Я недостойна была завязывать ему шнурки на ботинках. И он умер. Вы помните ту ночь, когда здесь, в этом кабинете, я просила, умоляла вас о милосердии, а вы расхохотались мне в лицо? Вы и сейчас пытаетесь смеяться, но губы ваши дрожат. Негодяй! Трусливая тварь! Вы не думали, что еще раз увидите меня? Но именно в ту ночь я узнала, как можно проникнуть к вам, когда вы один. Ну-с, Чарльз Милвертон, что еще вы хотите сказать?

— Не воображайте, что вы испугали меня, — ответил Милвертон, поднимаясь на ноги. — Стоит мне крикнуть, явятся слуги и схватят вас. Но я буду снисходителен, ведь гнев ваш так понятен. Уходите отсюда. И кончим этот разговор.

Но женщина не двинулась с места, держа руку под плащом и все так же зловеще улыбаясь.

— Вам больше не удастся погубить ничью жизнь, как вы погубили мою. Вы больше не будете терзать сердца, как истерзали мое. Я спасу мир от ядовитой гадины. Получай, собака!

В ее руке блеснул маленький пистолет. Один выстрел, другой, третий... Дуло пистолета было в полуметре от груди Милвертона. Он пошатнулся, упал на стол, закашлялся, цепляясь за бумаги. Затем, шатаясь, поднялся и шагнул из-за стола. Грянул шестой выстрел, и он упал на пол.

— Вы убили меня, — успел только прошептать он.

Женщина пристально посмотрела на него и ударила каблуком по его лицу. Потом снова посмотрела — Милвертон не вскрикнул, не двинулся. Зашуршали юбки, в душной комнате повеяло ночной свежестью, и мстительница удалилась.

Никакое вмешательство с нашей стороны не могло бы спасти этого человека от его судьбы; если бы не Холмс, схвативший меня за руку, когда женщина посылала пулю за пулей в шатающегося Милвертона, я бросился бы ему на помощь. Я понял, что означает его твердое рукопожатие. Это не наше дело, правосудие наконец настигло мерзавца, у нас свои обязанности и своя цель, которую мы не должны терять из виду. Только что женщина исчезла, как Холмс быстрыми, неслышными шагами подошел к внутренней двери и повернул ключ в замке. В тот же момент мы услышали в доме голоса и бегущие шаги. Выстрелы подняли весь дом. С невозмутимым видом Холмс быстро подошел к сейфу, выгреб обеими руками связки писем и бросил их все в огонь, потом еще и еще, пока сейф не опустел. Кто-то нажал ручку и стал колотить в дверь. Холмс бросил по сторонам беглый взгляд. На столе Милвертона лежало испачканное кровью письмо — вестник смерти. Холмс бросил в камин и его. Затем вынул ключ из замка наружной двери, выпустил меня, вышел сам и запер дверь.

— Сюда, Уотсон, — сказал он, — надо перелезть через стену сада.

Я не представлял себе, что тревога может так быстро охватить дом. Оглянувшись, я увидел, что все окна сверкают огнями. Парадная дверь была отперта, по аллее бежали люди. Сад кишел народом. Кто-то заметил, как мы выбежали с веранды, закричал и бросился за нами. Холмс хорошо знал каждую дорожку сада, и он уверенно бежал вперед между кустами и деревьями. Я ни на шаг не отставал от него. За мной по пятам — я слышал его дыхание — мчался наш преследователь. Путь преградила шестифутовая стена. Холмс перескочил через нее. Я тоже прыгнул и, уцепившись за край, почувствовал, как чья-то рука схватила меня за ногу. Я выдернул ее, вскарабкался на верх стены, усыпанный битым стеклом, и упал в кусты лицом вниз. Холмс в одно мгновение поставил меня на ноги, и мы бросились бежать по огромной Хемстедской пустоши. Мы пробежали приблизительно две мили, когда Холмс наконец остановился и стал прислушиваться.

Вокруг нас царил абсолютное безмолвие. Мы ушли от погони. Мы спасены.

На следующее утро, когда, позавтракав, мы курили свои трубки, в нашей скромной гостиной появился инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда. Вид у него был важный и многозначительный.

— Доброе утро, мистер Холмс, — произнес он, — доброе утро. Скажите, пожалуйста, вы сейчас очень заняты?

— Занят, но с удовольствием послушаю вас.

— Не могли бы вы помочь нам расследовать очень интересное дело, случившееся прошлой но-

чью в Хемстеде?

— Господи! — воскликнул Холмс. — Что там такое случилось?

— Убийство... Крайне драматическое и замечательное. Я знаю, как вы живо интересуетесь подобными делами, и был бы вам очень обязан, если бы вы доехали до Аплдор Тауэрс и помогли бы нам. Это — необычное преступление. Мы с некоторых пор следили за убитым. Между нами будь сказано, он был изрядный негодяй. У него в сейфе хранились компрометирующие бумаги, которые он использовал для шантажа. Все эти бумаги сожжены убийцами. Не похищено ни одного ценного предмета. Надо полагать, что преступники — люди из общества. Они руководствовались, по-видимому, единственной целью — предотвратить общественную огласку.

— Преступников было несколько? — спросил Холмс.

— Двое. Их чуть-чуть не поймали на месте преступления. У нас есть отпечатки их следов, есть их описание; десять шансов против одного, что мы найдем их. Первый был очень проворен, второго садовнику удалось было схватить, но тот вырвался. Это был мужчина среднего роста, крепкого сложения, с широким лицом, толстой шеей, усами и в маске.

— Приметы неопределенные, — возразил Шерлок Холмс. — Вполне подойдут хотя бы к Уотсону.

— Правда, подойдут, — улыбнулся инспектор, которому это показалось забавным. — Точь-в-точь Уотсон.

— Боюсь, что я не смогу вам помочь, Лестрейд, — сказал Холмс. — Дело в том, что я знал этого Милвертона и считаю его одним из самых опасных людей в Лондоне. По-моему, есть преступления, на которые не распространяется закон. Личная месть бывает иногда справедлива. Не надо спорить. Я решил твердо. Мои симпатии на стороне преступников, а не их жертвы. Я не возьмусь за это дело.

Холмс за все утро ни разу не обмолвился о трагедии, свидетелями которой мы были. Но я заметил, что он был крайне задумчив и рассеян, как человек, пытающийся что-то припомнить. Вдруг он вскочил со стула.

— Клянусь Юпитером, Уотсон, — воскликнул он, — я вспомнил! Берите шляпу! Идемте со мной!

Чуть не бегом мы прошли Бейкер-стрит, Оксфорд-стрит и остановились почти у самой площади Риджент-серкес. Тут, налево, есть окно магазина, в котором выставлены фотографии знаменитостей

дня и известных красавиц. Глаза Холмса устремились на одну из них, и, следуя за его взглядом, я увидел портрет гордой красавицы в придворном платье и с высокой бриллиантовой диадемой на благородной голове. Я посмотрел на тонко очерченный нос, на густые брови, на прямой рот и сильный маленький подбородок. У меня остановилось дыхание, когда я прочел прославленное веками имя великого сановника и государственного деятеля, чьей женой она была. Мои глаза встретились с глазами Холмса. Мы отошли от окна, и он приложил палец к губам.

Шесть Наполеонов

The Adventure of the Six Napoleons

First published in Collier's Weekly, Apr. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele, and in the Strand Magazine, May 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget.

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигареты. Холмс пристально посмотрел на него.

— У вас есть для меня какое-то интересное дело?

— О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

— В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

— От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

— Болезнь? — спросил я.

— Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

— Это дело не по моей части.

— Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

— Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробности.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

— О первом случае нам сообщили четыре дня назад, — сказал он. — Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени... Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дома и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

— Случай действительно необыкновенный! — сказал он.

— Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник... или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

— Они оригинальны и даже причудливы, — сказал Холмс. — Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

— Их отливали в одной и той же форме.

— Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

— Это и мне приходило в голову, — сказал Лестрейд. — Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

— Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, — ответил я. — Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

— Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, — сказал Холмс, покачав головой, — ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

— А вы как это объясните?

— Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух:

«Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд»

— Что это значит? — спросил я.

— Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона... Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит — в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже присвистнул.

— Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

— История с Наполеонами продолжается, — сказал Лестрейд.

— Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

— К какому событию?

— К убийству... Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

— Странная вещь, — сказал он. — всю жизнь я описывал в газетах события, случившиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

— Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль — никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

— Кто был убитый? — спросил Холмс.

— Этого определить не удалось. — сказал Лестрейд. — Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

— А что стало с бюстом? — спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

— Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

— Ну что? — спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

— Нам еще много придется повозиться с этим делом, — сказал он. — И все-таки... все-таки... все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

— Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

— Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

— Дом этот пустой, — сказал он, — и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

— Да, — возразил Холмс, — но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

— Я не обратил на это внимания, — сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

— Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

— Вы правы, черт побери! — сказал сыщик. — Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

— Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят вас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

— По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

— Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

— С какого?

— О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

— Отлично, — сказал Лестрейд.

— Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеоненавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

— Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

— Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати... Ну, Вотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставляю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

— Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, — сказал он наконец. — Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

— Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, — сказал он. — Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по-моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Хелдера и компании, на Черч— стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец— ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст...

— Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, — сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. — Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой. Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожить эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов — шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготавливаются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

— А, негодяй! — закричал он. — Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция... по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

— К чему его присудили?

— Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

— Нет, нет, — вскричал Холмс, — не говорите его брату ни слова... умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

— Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, — ответил хозяин. — Да, — продолжал он, порывшись в своих бумагах, — последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

— Все в порядке, Уотсон, — сказал он. — Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских

агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, — настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

— Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер — наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст — мистеру Харкеру, другой — мистеру Джосайе Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнумвэли, в Лабурнумлодж, а третий — мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гровроуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

— Как дела, мистер Холмс? — спросил он.

— Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, — сказал мой друг. — Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

— Судьбу каждого бюста! — воскликнул Лестрейд. — Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

— Да что вы говорите!

— И определил причину преступления.

— Превосходно!

— У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану... Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

— Превосходно, Лестрейд, превосходно! — воскликнул он.

— Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

— Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами — пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство — стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

— Как же вы собираетесь поступить дальше?

— Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

— Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит... Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

— В итальянском квартале?

— Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой от-

срочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода — захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие — охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха — это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

— Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, — прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы слышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома — добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

— Мистер Джосайя Браун, если не ошибаюсь? — сказал Холмс.

— Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку,

и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйте, джентльмены, в дом, выпейте на дорожку.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

— Все в порядке, — сказал Лестрейд, прощаясь с нами. — Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

— Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, — сказал Холмс. — Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело — одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз — за мелкое воровство, другой раз — за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготавливать бюсты и что он изготовлял их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна. Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

— Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

— Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? — сказал он.

— Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно... Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

— Совершенно верно.

— Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

— Именно так.

— Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

— А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

— Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

— Нет, не говорил.

— Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

— Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

— Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства... Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

— Джентльмены! — воскликнул он. — Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиив!¹¹ Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванными на сцену рукоплесканиями зрителей. — Да, джентльмены, — сказал он, — это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренностей последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Хелдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Хелдера и компании как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

¹¹ Борджиа — богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии XV века.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище, найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Хелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведal, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

— Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? — спросил я.

— Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два — «за». Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиив. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст — тот, который находился в Рединге, — и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

— Да, — сказал Лестрейд, — много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

— Спасибо! — сказал Холмс. — Спасибо!

Три студента

The Adventure of the Three Students

First published in the Strand Magazine, June 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget, and in Collier's Weekly, Sep. 1904, with 9 illustrations by Frederic Dorr Steele.

В 1895 году ряд обстоятельств — я не буду здесь на них останавливаться — привел мистера Шерлока Холмса и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма поучительным. Разумеется, любые подробности, позволяющие читателю определить, в каком колледже происходило дело или кто был преступник, неуместны и даже оскорбительны. Столь позорную историю можно было бы предать забвению без всякого ущерба. Однако с должным тактом ее стоит изложить, ибо в ней проявились удивительные способности моего друга. В своем рассказе я постараюсь избегать всего, что позволит угадать, где именно это случилось или о ком идет речь.

Мы остановились тогда в меблированных комнатах неподалеку от библиотеки, где Шерлок Холмс изучал древние английские хартии, — его труды привели к результатам столь поразительным, что они смогут послужить предметом одного из моих будущих рассказов. И как-то вечером нас посетил один знакомый, мистер Хилтон Сомс, — преподаватель колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высок и худощав и всегда производил впечатление человека нервного и вспыльчивого.

Но на сей раз он просто не владел собой, и по всему было видно; что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Мистер Холмс, не сможете ли вы уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени? У нас в колледже случилась пренеприятная история, и, поверьте, если бы не счастливое обстоятельство, что вы сейчас в нашем городе, я бы и не знал, как мне поступить.

— Я очень занят, и мне не хотелось бы отвлекаться от своих занятий, — отвечал мой друг. — Советую вам обратиться в полицию.

— Нет, нет, уважаемый сэр, это невозможно. Если делу дать законный ход, его уже не остановишь, а это как раз такой случай, когда следует любым путем избежать огласки, чтобы не бросить тень на колледж. Вы известны своим тактом не менее, чем талантом расследовать самые сложные дела, и я бы ни к кому не обратился, кроме вас. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне.

Вдали от милой его сердцу Бейкер-стрит нрав моего друга отнюдь не становился мягче. Без своего альбома газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка Холмс чувствовал себя неуютно. Он раздраженно пожал плечами в знак согласия, и наш визитер, волнуясь и размахивая руками, стал торопливо излагать суть дела.

— Видите ли, мистер Холмс, завтра первый экзамен на соискание стипендии Фортескью, и я один из экзаменаторов. Я преподаю греческий язык, и первый экзамен как раз по греческому. Кандидату на стипендию дается для перевода большой отрывок незнакомого текста. Этот отрывок печатается в типографии, и, конечно, если бы кандидат мог приготовить его заранее, у него было бы огромное преимущество перед другими экзаменующимися. Вот почему необходимо, чтобы экзаменационный материал оставался в тайне.

Сегодня около трех часов гранки текста прибыли из типографии. Задание — полглавы из Фукидида. Я обязан тщательно его выверить — в тексте не должно быть ни единой ошибки. К половине пятого работа еще не была закончена, а я обещал приятелю быть у него к чаю. Уходя, я оставил гранки на столе. Отсутствовал я более часа.

Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, какие двери у нас в колледже — массивные, дубовые, изнутри обиты зеленым сукном. По возвращении я с удивлением заметил в двери ключ. Я было подумал, что это я сам забыл его в замке, но, пошарив в карманах, нашел его там. Второй, насколько мне известно, у моего слуги, Бэннистера, он служит у меня вот уже десять лет, и честность его вне подозрений. Как выяснилось, это действительно был его ключ — он заходил узнать, не пора ли подавать чай, и, уходя, по оплошности забыл ключ в дверях. Бэннистер, видимо, заходил через несколько минут после моего ухода. В другой раз я не обратил бы внимания на его забывчивость, но в тот день она обернулась весьма для меня плачевно.

Едва я взглянул на письменный стол, как понял, что кто-то рылся в моих бумагах. Гранки были на трех длинных полосах. Когда я уходил, они лежали на столе. А теперь я нашел одну на полу, другую — на столике у окна, третью — там, где оставил...

Холмс в первый раз перебил собеседника:

— На полу лежала первая страница, возле окна — вторая, а третья — там, где вы ее оставили?

— Совершенно верно, мистер Холмс. Удивительно! Как вы могли догадаться?

— Продолжайте ваш рассказ, все это очень интересно.

— На минуту мне пришло в голову, что Бэннистер разрешил себе недопустимую вольность — заглянул в мои бумаги. Но он это категорически отрицает, и я ему верю. Возможно и другое — кто-то проходил мимо, заметил в дверях ключ и, зная, что меня нет, решил взглянуть на экзаменационный текст. Речь идет о большой сумме денег — стипендия очень высокая, и человек, неразборчивый в средствах, охотно пойдет на риск, чтобы обеспечить себе преимущество.

Бэннистер был очень расстроен. Он чуть не потерял сознание, когда стало ясно, что гранки побывали в чужих руках. Я дал ему глотнуть бренди, и он сидел в кресле в изнеможении, пока я осматривал комнату. Помимо разбросанных бумаг, я скоро заметил и другие следы незваного гостя. На столике у окна лежали карандашные стружки. Там же я нашел кончик грифеля. Очевидно, этот негодяй списывал текст в величайшей спешке, сломал карандаш и вынужден был его очинить.

— Прекрасно, — откликнулся Холмс. Рассказ занимал его все больше, и к нему явно возвращалось хорошее настроение. — Вам повезло.

— Это не все. Письменный стол у меня новый, он покрыт отличной красной кожей. И мы с Бэннистером готовы поклясться — кожа на нем была гладкая, без единого пятнышка. А теперь на поверхности стола я увидел порез длиной около трех дюймов — не царапину, а именно порез. И не только это: я нашел на столе комок темной замазки или глины, в нем видны какие-то мелкие крошки, похожие на опилки. Я убежден: эти следы оставил человек, рывшийся в бумагах. Следов на полу или каких-нибудь других улик, указывающих на злоумышленника, не осталось. Я бы совсем потерял голову, не вспомни я, по счастью, что вы сейчас у нас в городе. И я решил обратиться к вам. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне! Надо во что бы то ни стало найти этого человека, иначе придется отложить экзамен, пока не будет подготовлен новый материал, но это потребует объяснений, и тогда не миновать скандала, который бросит тень не только на колледж, но и на весь университет. У меня одно желание — не допустить огласки.

— Буду рад заняться этим делом и помочь вам, — сказал Холмс, поднимаясь и надевая пальто. — Случай любопытный. Кто-нибудь заходил к вам после того, как вы получили гранки?

— Даулат Рас, студент-индус; он живет на этой же лестнице и приходил справиться о чем-то, связанном с экзаменами.

— Он тоже будет экзаменоваться?

— Да.

— Гранки лежали на столе?

— Насколько я помню, они были свернуты трубочкой.

— Но видно было, что это гранки?

— Пожалуй.

— Больше у вас в комнате никто не был?

— Никто.

— Кто-нибудь знал, что гранки пришлют вам?

— Только наборщик.

— А ваш слуга, Бэннистер?

— Конечно, нет. Никто не знал.

— Где сейчас Бэннистер?

— Он так и остался в кресле у меня в кабинете. Я очень спешил к вам. А ему было так плохо, что он не мог двинуться с места.

— Вы не закрыли дверь на замок?

— Я запер бумаги в ящик.

— Значит, мистер Сомс, если допустить, что индус не догадался, то человек, у которого гранки побывали в руках, нашел их случайно, не зная заранее, что они у вас?

— По-моему, да.

Холмс загадочно улыбнулся.

— Ну, — сказал он, — идемте. Случай не в вашем вкусе, Уотсон, — тут нужно не действовать, а думать. Ладно, идемте, если хотите. Мистер Сомс, я к вашим услугам.

Низкое окно гостиной нашего друга, длинное, с частым свинцовым переплетом, выходило в поросший лишайником старинный дворик колледжа. За готической дверью начиналась каменная лестница с истертыми ступенями. На первом этаже помещались комнаты преподавателя. На верхних этажах жили три студента; их комнаты находились одна над другой. Когда мы подошли, уже смеркалось. Холмс остановился и внимательно посмотрел на окно. Затем приблизился к нему вплотную, встал на цыпочки и, вытянув шею, заглянул в комнату.

— Очевидно, он вошел в дверь. Окно не открывается, только маленькая форточка, — сообщил наш ученый гид.

— Вот как! — отозвался Холмс и, непонятно улыбнувшись, взглянул на нашего спутника. — Что же, если здесь ничего не узнаешь, пойдемте в дом.

Хозяин отпер дверь и провел нас в комнату. Мы остановились на пороге, а Холмс принялся внимательно осматривать ковер.

— К сожалению, никаких следов, — сказал он. — Да в сухую погоду их и не может быть. Слуга ваш, наверно, уже пришел в себя. Вы думаете, он так и остался в кресле, когда вы уходили? А в каком именно?

— Вон там, у окна.

— Понятно. Возле того столика. Теперь входите и вы. Я окончил осматривать ковер. Примемся теперь за столик. Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Кто-то вошел в комнату и стал лист за листом переносить гранки с письменного стола на маленький столик к окну — оттуда он мог следить за двором, на случай, если вы появитесь, и таким образом в нужную минуту скрыться.

— Меня он увидеть не мог, — вставил Сомс, — я пришел через калитку.

— Ага, превосходно! Но как бы то ни было, он устроился с гранками возле окна с этой целью. Покажите мне все три полосы. Отпечатков пальцев нет, ни одного! Так, сначала он перенес сюда первую и переписал ее. Сколько на это нужно времени, если сокращать слова? Четверть часа, не меньше. Потом он бросил эту полосу и схватил следующую. Дошел до середины, но тут вернулись вы, и ему пришлось немедленно убираться прочь; он так торопился, что не успел даже положить на место бумаги и уничтожить следы. Когда вы входили с лестницы, вы, случайно, не слышали поспешно удаляющихся шагов?

— Как будто нет.

— Итак, неизвестный лихорадочно переписывал у окна гранки, сломал карандаш и вынужден был, как видите, чинить его заново. Это весьма интересно, Уотсон. Карандаш был не совсем обычный. Очень толстый, с мягким грифелем, темно-синего цвета снаружи, фамилия фабриканта вытиснена на нем серебряными буквами, и оставшаяся часть не длиннее полутора дюймов. Найдите такой точно карандаш, мистер Сомс, и преступник в ваших руках. Если я добавлю, что у него большой и тупой перочинный нож, то у вас появится еще одна улика.

Мистера Сомса несколько ошеломил этот поток сведений.

— Я понимаю ход ваших мыслей, — сказал он, — но как вы догадались о длине карандаша?..

Холмс протянул ему маленький кусочек дерева с буксами «НН», над которыми облупилась краска.

— Теперь ясно?

— Нет, боюсь, и теперь не совсем...

— Вижу, что я всегда был несправедлив к вам, Уотсон. Оказывается, вы не единственный в своем роде. Что означают эти буквы «НН»? Как известно, чаще всего встречаются карандаши Иоганна Фабера. Значит, «НН» — это окончание имени фабриканта.

Он наклонил столик так, чтобы на него падал электрический свет.

— Если писать на тонкой бумаге, на полированном дереве останутся следы. Нет, ничего не видно. Теперь письменный стол. Этот комок, очевидно, и есть та темная глина, о которой вы говорили. Формой напоминает полу пирамидку; в глине, как вы и сказали, заметны опилки. Так, так, очень интересно! Теперь порез на столе — кожа, попросту говоря, вспорота. Ясно. Начинается с тонкой царапины и кончается дырой с рваными краями. Весьма вам признателен за этот интересный случай, мистер Сомс. Куда ведет эта дверь?

— Ко мне в спальню.

— Вы заходили туда после того, как обнаружили посягательство на экзаменационный текст?

— Нет, я сразу бросился к вам.

— Позвольте мне заглянуть в спальню... Какая милая старомодная комната. Будьте любезны, подождите немного: я осмотрю пол. Нет, ничего интересного. А что это за портьера? Так, за ней висит одежда. Случись кому-нибудь прятаться в этой комнате, он забрался бы сюда: кровать слишком низкая, а гардероб — узкий. Здесь, конечно, никого нет?

Холмс взялся за портьеру, и по его слегка напряженной и даже настороженной позе было видно, что он готов к любой неожиданности. Он отдернул портьеру, но там мы не увидели ничего, кроме нескольких костюмов. Холмс обернулся и внезапно наклонился над полом.

— Ну-ка, а это что? — воскликнул он. На полу лежала точно такая же пирамидка из темной

вязкой массы, как и на письменном столе. Холмс на ладони поднес ее к лампе.

— Ваш гость, как видите, оставил следы не только в гостиной, но и в спальне, мистер Сомс.

— Что ему было здесь нужно?

— По-моему, это вполне очевидно. Вы пришли не с той стороны, откуда он вас ждал, и он услышал ваши шаги, когда вы уже были у самой двери. Что ему оставалось? Он схватил свои вещи и бросился к вам в спальню.

— Господи боже мой, мистер Холмс, значит, все время, пока я разговаривал с Бэннистером, негодяй сидел в спальне, как в ловушке, а мы об этом и не подозревали?

— Похоже, что так.

— Но, возможно, все было иначе, мистер Холмс. Не знаю, обратили ли вы внимание на окно в спальне.

— Мелкие стекла, свинцовый переплет, три рамы, одна на петлях и достаточно велика, чтобы пропустить человека.

— Совершенно верно. И выходит это окно в угол двора, так что со двора одна его часть не видна совсем. Преступник мог залезть в спальню, оставить за шторой следы, пройти оттуда в гостиную и, наконец обнаружив, что дверь не заперта, бежать через нее.

Холмс нетерпеливо покачал головой.

— Давайте рассуждать здраво, — сказал он. — Как я понял из ваших слов, этой лестницей пользуются три студента, и они обычно проходят мимо вашей двери.

— Да, их трое.

— И все они будут держать этот экзамен?

— Да.

— У вас есть причины подозревать кого-то одного больше других?

Сомс ответил не сразу.

— Вопрос весьма щекотливый, — проговорил он. — Не хочется высказывать подозрения, когда нет доказательств.

— И все-таки у вас есть подозрения. Расскажите их нам, а о доказательствах позабочусь я.

— Тогда я расскажу вам в нескольких словах о всех троих. Сразу надо мной живет Гилкрест, способный студент, отличный спортсмен, играет за колледж в регби и крикет и завоевал первые места в барьерном беге и прыжках в длину. Вполне достойный молодой человек. Его отец — печальной известности сэр Джеймс Гилкрест — разорился на скачках. Сыну не осталось ни гроша, но это трудолюбивый и прилежный юноша. Он многого добьется.

На третьем этаже живет Даулат Рас, индус. Спокойный, замкнутый, как большинство индусов. Он успешно занимается, хотя греческий — его слабое место. Работает упорно и методично.

На самом верху комната Майлса Макларена. Когда он возьмется за дело, то добивается исключительных успехов. Это один из самых одаренных наших студентов, но он своенравен, беспутен и лишен всяких принципов. На первом курсе его чуть не исключили за какую-то темную историю с картами. Весь семестр он бездельничал и, должно быть, очень боится этого экзамена.

— Значит, вы подозреваете его?

— Не берусь утверждать. Но из всех троих за него, пожалуй, я поручусь меньше всего.

— Понимаю. А теперь, мистер Сомс, познакомьте нас с Бэннистером.

Слуга был невысокий человек лет пятидесяти, с сильной проседью, бледный, гладко выбритый. Он не совсем еще оправился от неожиданного потрясения, нарушившего мирный ход его жизни. Пухлое лицо его подергивала нервная судорога, руки дрожали.

— Мы пытаемся разобраться в этой неприятной истории, Бэннистер, — обратился к нему хозяин.

— Понимаю, сэр.

— Если не ошибаюсь, вы оставили в двери ключ? — сказал Холмс.

— Да, сэр.

— Как странно, что его случилось с вами в тот самый день, когда в комнате были столь важные бумаги.

— Да, сэр, очень неприятно. Но я забывал ключ и раньше.

— Когда вы вошли в комнату?

— Около половины пятого. В это время я обычно подаю мистеру Сомсу чай.

— Сколько вы здесь пробыли?

— Я увидел, что его нет, и сейчас же вышел.

— Вы заглядывали в бумаги на столе?

— Нет, сэр, как можно!

— Почему вы оставили ключ в двери?

— У меня в руках был поднос. Я хотел потом вернуться за ключом. И забыл.

— В двери есть пружинный замок?

— Нет, сэр.

— Значит, она стояла открытой все время?

— Да, сэр.

— И выйти из комнаты было просто?

— Да, сэр.

— Вы очень разволновались, когда мистер Сомс вернулся и позвал вас?

— Да, сэр. Такого не случалось ни разу за все годы моей службы. Я чуть сознания не лишился, сэр.

— Это легко понять, А где вы были, когда вам стало плохо?

— Где, сэр? Да вот тут, около дверей.

— Странно, ведь вы сели на кресло там, в углу. Почему вы выбрали дальнейшее кресло?

— Не знаю, сэр, мне было все равно, куда сесть.

— По-моему, он не совсем ясно помнит, что происходило, мистер Холмс. Вид у него бил ужасный — побледнел как смерть.

— Сколько, вы здесь пробыли по уходе хозяина?

— С минуту, не больше. Потом я запер дверь и пошел к себе.

— Кого вы подозреваете?

— Сэр, я не берусь сказать. Не думаю, что во всем университете найдется хоть один джентльмен, способный ради выгоды на такой поступок. Нет, сэр, в это я поверить не могу.

— Благодарю вас, это все, — заключил Холмс. — Да, еще один вопрос. Кому-нибудь из трех джентльменов, у которых, вы служите, вы упоминали об этой неприятности?

— Нет, сэр, никому.

— А видели кого-нибудь из них?

— Нет, сэр, никого.

— Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, с вашего позволения осмотрим двор.

Три желтых квадрата светились над нами в сгущавшихся сумерках.

— Все три пташки у себя в гнездышках, — сказал Холмс, взглянув наверх. — Эге, а это что такое? Один из них, кажется, не находит себе места.

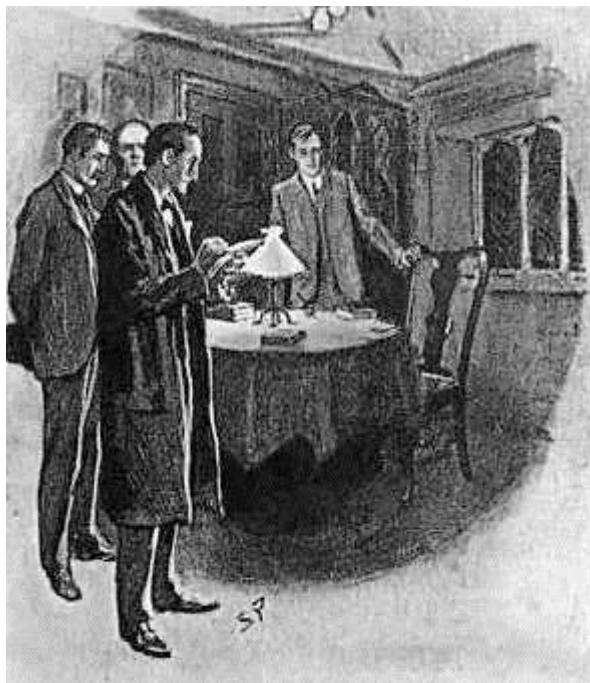
Он говорил об индусе, чей темный силуэт вдруг появился на фоне спущенной шторы. Студент быстро шагнул назад и вперед во комнате.

— Мне бы хотелось на них взглянуть, — сказал Холмс. — Это можно устроить?

— Нет ничего проще, — ответил Сомс. — Наши комнаты — самые старинные в колледже, и неудивительно, что здесь бывает много посетителей, желающих на них посмотреть. Пойдемте, я сам вас проведу.

— Пожалуйста, не называйте ничьих фамилий! — попросил Холмс, когда мы стучались к Гилкриту.

Нам открыл высокий и стройный светловолосый юноша и, услышав о цели нашего посещения, пригласил войти.

Комната действительно представляла собой любопытный образец средневекового интерьера. Холмс так пленила одна деталь, что он решил тут же зарисовать ее в блокнот, сломал карандаш и был вынужден попросить другой у хозяина, а кончил тем, что попросил у него еще и перочинный нож. Такая же любопытная история приключилась и в комнатах у индуса — молчаливого, низкорослого человека с крючковатым носом. Он поглядывал на нас с подозрением и явно обрадовался, когда архитектурные исследования Холмса пришли к концу. Незаметно было, чтобы во время этих визитов Холмс нашел улику, которую искал. У третьего студента нас ждала неудача. Когда мы постучали, он не пожелал нам открыть и вдобавок разразился потоком брани.

— А мне плевать, кто вы! Убирайтесь ко всем чертям! — донесся из-за двери сердитый го-

лос. — Завтра экзамен, и я не позволю, чтоб меня отрывали от дела.

Наш гид покраснел от негодования.

— Грубиян! — возмутился он, когда мы спускались по лестнице. — Конечно, он не мог знать, что это стучу я. Но все-таки его поведение в высшей степени невежливо, а в данных обстоятельствах и подозрительно.

Реакция Холмса была довольно необычной.

— Вы не можете мне точно сказать, какого он роста? — спросил Холмс.

— По правде говоря, мистер Холмс, не берусь. Он выше индуса, но не такой высокий, как Гилкрист. Что-нибудь около пяти футов и шести дюймов.

— Это очень важно, — сказал Холмс. — А теперь, мистер Сомс, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Наш гид вскричал в смятении и испуге:

— Боже праведный, мистер Холмс, неужели вы оставите меня в такую минуту! Вы, кажется, не совсем понимаете, как обстоит дело. Завтра экзамен. Я обязан принять самые решительные меры сегодня же вечером. Я не могу допустить, чтобы экзамен состоялся, если кому-то известен материал. Надо выходить из этого положения.

— Оставьте все, как есть. Я загляну завтра поутру, и мы все обсудим. Кто знает, быть может, к тому времени у меня появятся какие-то дельные предложения. А пока ничего не предпринимайте, решительно ничего.

— Хорошо, мистер Холмс.

— И будьте совершенно спокойны. Мы непременно что-нибудь придумаем. Я возьму с собой этот комок черной глины, а также карандашные стружки. До свидания.

Когда мы вышли в темноту двора, то снова взглянули на окна. Индус все шагал по комнате. Других не было видно.

— Ну, Уотсон, что вы об этом думаете? — спросил Холмс на улице. — Совсем как игра, которой развлекаются на досуге, — вроде фокуса с тремя картами, правда? Вот вам трое. Нужен один из них. Выбирайте. Кто по-вашему?

— Сквернослов с последнего этажа. И репутация у него самая дурная. Но индус тоже весьма подозрителен. Что это он все время расхаживает взад и вперед?

— Ну, это ни о чем не говорит. Многие ходят взад и вперед, когда учат что-нибудь наизусть.

— Он очень неприязненно поглядывал на нас.

— Вы бы поглядывали точно так же, если бы накануне трудного экзамена к вам ворвалась толпа ищущих развлечения бездельников. В этом как раз нет ничего особенного. И карандаши, и ножи у всех тоже в порядке. Нет, мои мысли занимает совсем другой человек.

— Кто?

— Бэннистер, слуга. Он каким-то образом причастен к этой истории.

— Мне он показался безукоризненно честным человеком.

— И мне. Это как раз и удивительно. Зачем безукоризненно честному человеку... Ага, вот и большой писчебумажный магазин. Начнем поиски отсюда.

В городе было всего четыре мало-мальски приличных писчебумажных магазина, и в каждом Холмс показывал карандашные стружки и спрашивал, есть ли в магазине такие карандаши. Всюду отвечали, что такой карандаш можно выписать, но размера он необычного и в продаже бывает редко. Моего друга, по-видимому, не особенно огорчила неудача; он только пожал плечами с шутливой покорностью.

— Не вышло, мой дорогой Уотсон. Самая надежная и решающая улика не привела ни к чему. Но, по правде говоря, я уверен, что мы и без нее сумеем во всем разобраться. Господи! Ведь уже около девяти, мой друг, а хозяйка, помнится мне, говорила что-то насчет зеленого горошка в половине восьмого. Смотрите, Уотсон, как бы вам из-за вашего пристрастия к табаку и дурной привычки вечно опаздывать к обеду не отказали от квартиры, а заодно, чего доброго, и мне. Это, право, было бы неприятно, во всяком случае сейчас, пока мы не решили странную историю с нервным преподавателем, рассеянным слугой и тремя усердными студентами.

Холмс больше не возвращался в тот день к этому делу, хотя после нашего запоздалого обеда

он долго сидел в глубокой задумчивости. В восемь утра, когда я только что закончил свой туалет, он пришел ко мне в комнату.

— Ну, Уотсон, — сказал он, — пора отправляться в колледж святого Луки. Вы можете один раз обойтись без завтрака?

— Конечно.

— Сомс до нашего прихода будет как на иголках.

— А у вас есть для него хорошие новости?

— Кажется, есть.

— Вы решили эту задачу?

— Да, мой дорогой Уотсон, решил.

— Неужели вам удалось найти какие-то новые улики?

— Представьте себе, да! Я сегодня поднялся чуть свет, в шесть утра был уже на ногах, и не зря. Два часа рыскал по окрестности, отмерил, наверно, не менее пяти миль — и вот, смотрите!

Он протянул мне руку. На ладони лежали три пирамидки вязкой темной глины.

— Послушайте, Холмс, но вчера у вас было только две.

— Третья прибавилась сегодня утром. Понятно, что первая и вторая пирамидки того же происхождения, что и третья. Не так ли, Уотсон? Ну, пошли, надо положить конец страданиям нашего друга Сомса.

И, действительно, мы застали несчастного преподавателя в самом плачевном состоянии. Через несколько часов начинался экзамен, а он все еще не знал, как ему поступить — предать ли свершившееся гласности или позволить виновному участвовать в экзамене на столь высокую стипендию. Он места себе не находил от волнения и с протянутыми руками бросился к Холмсу.

— Какое счастье, что вы пришли! А я боялся, вдруг вы отчаялись и решили отказаться от этого дела. Ну, как мне быть? Начинать экзамен?

— Непременно.

— А негодяй...

— Он не будет участвовать.

— Так вы знаете, кто он?

— Кажется, знаю. А чтобы история эта не вышла наружу, устроим своими силами нечто вроде небольшого полевого суда. Сядьте, пожалуйста, вон там, Сомс! Уотсон, вы здесь! А я займу кресло посередине. Я думаю, у нас сейчас достаточно внушительный вид, и мы заставим трепетать преступника. Позвоните, пожалуйста, слуге.

Вошел Бэннистер и, увидев грозное судилище, отпрянул в изумлении и страхе.

— Закройте дверь, Бэннистер, — сказал Холмс. — А теперь расскажите всю правду о вчерашнем.

Слуга переменялся в лице.

— Я все рассказал вам, сэр.

— Вам нечего добавить?

— Ничего, сэр.

— Что ж, тогда я должен буду высказать кое-какие свои предположения. Сядьте вчера в это кресло, вы хотели скрыть какой-то предмет, который мог бы разоблачить незваного гостя?

Бэннистер побледнел как полотно.

— Нет, нет, сэр, ничего подобного.

— Это всего лишь только предположение, — вкрадчиво проговорил Холмс. — Признаюсь откровенно, я не сумею этого доказать. Но предположение это вполне вероятно: ведь стоило мистеру Сомсу скрыться за дверью, как вы тут же выпустили человека, который прятался в спальне.

Бэннистер облизал пересохшие губы.

— Там никого не было, сэр.

— Мне прискорбно это слышать, Бэннистер. До сих пор вы еще, пожалуй, говорили правду, но сейчас, безусловно, солгали.

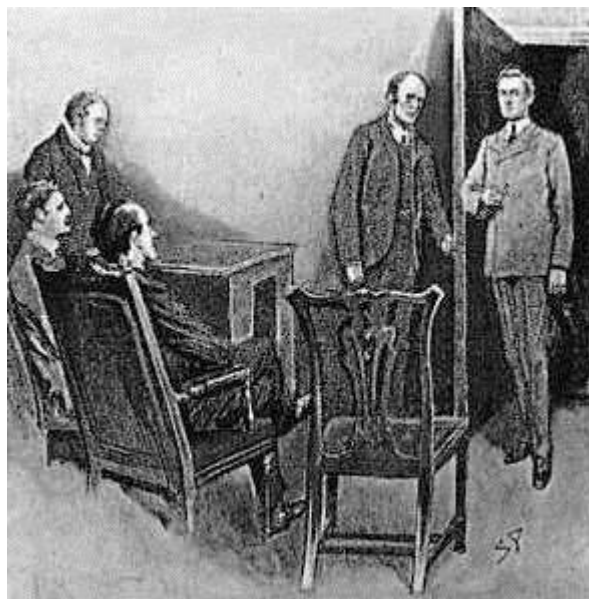
Лицо слуги приняло выражение мрачного упрямства.

— Там никого не было, сэр.

— Так ли это, Бэннистер?

— Да, сэр, никого.

— Значит, вы не можете сообщить нам ничего нового. Не выходите, пожалуйста, из комнаты. Станьте вон там, у дверей спальни. А теперь, Сомс, я хочу просить вас об одном одолжении. Будьте любезны, поднимитесь к Гилкриту и попросите его сюда.

Спустя минуту преподаватель вернулся вместе со своим студентом. Это был великолепно сложенный молодой человек, высокий, гибкий и подвижный, с пружинистой походкой и приятным открытым лицом. Тревожный взгляд его голубых глаз скользнул по каждому из нас и наконец остановился с выражением неприкрытого страха на Бэннистере, сидевшем в углу.

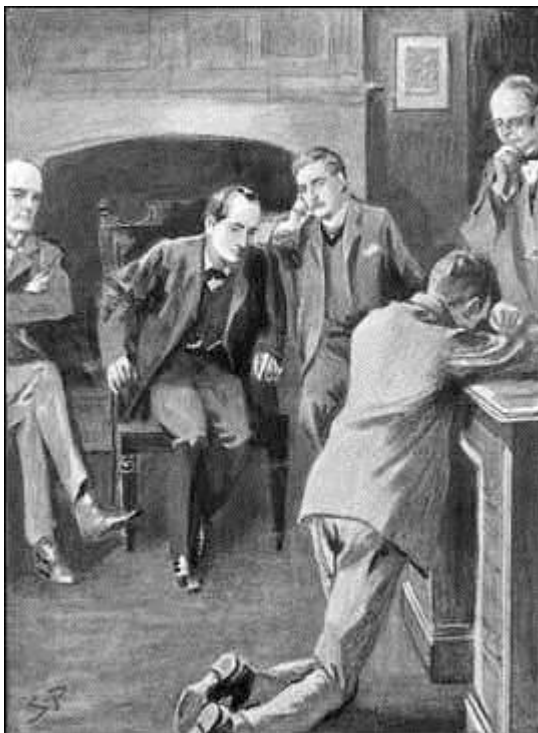
— Закройте дверь, — сказал Холмс. — Так вот, мистер Гилкрис, нас пятеро, никого больше нет, и никто никогда не услышит о том, что сейчас здесь будет сказано. Мы можем быть предельно откровенными друг с другом. Объясните, мистер Гилкрис, как вы, будучи человеком честным, могли совершить вчерашний поступок?

Злосчастный юноша отшатнулся и с укором взглянул на Бэннистера.

— О нет, мистер Гилкрис, я никому не сказал ни слова, ни единого слова! — вскричал слуга.

— Да, это верно, — заметил Холмс. — Но ваше последнее восклицание равносильно признанию вины, и теперь, сэр, — прибавил Шерлок Холмс, глядя на Гилкриса, — вам остается одно: чистосердечно все рассказать.

Лицо Гилкриса исказила судорога, он попытался было совладать с собой, но уже в следующее мгновение бросился на колени возле стола и, закрыв лицо руками, разразился бурными рыданиями.

— Успокойтесь, успокойтесь, — мягко проговорил Холмс, — человеку свойственно ошибаться, и, уж конечно, никому не придет в голову назвать вас закоренелым преступником. Вам, наверное, будет легче, если я сам расскажу мистеру Сомсу, что произошло, а вы сможете поправить меня там, где я ошибусь. Договорились? Ну, ну, не отвечайте, если вам это трудно. Слушайте и следите, чтобы я не допустил по отношению к вам ни малейшей несправедливости.

Дело начало для меня проясняться с той минуты, мистер Сомс, как вы объяснили мне, что никто, даже Бэннистер, не мог знать, что гранки находятся в вашей комнате. Наборщик, безусловно, отпадал, — он мог списать текст еще в типографии. Индуса я тоже исключил: ведь гранки были скатаны трубкой и он, конечно, не мог догадаться, что это такое. С другой стороны, в чужую комнату случайно попадает какой-то человек, и это происходит в тот самый день, когда на столе лежит экзаменационный текст. Такое совпадение, на мой взгляд, невероятно. И я сделал вывод: вошедший знал о лежащем на столе тексте. Откуда он это знал?

Когда я подошел к вашему дому, я внимательно осмотрел окно. Меня позабавило ваше предположение, будто я обдумываю возможность проникнуть в комнату через окно — при свете дня, на глазах у всех, кто живет напротив. Мысль, разумеется, нелепая. Я прикидывал в уме, какого роста должен быть человек, чтобы, проходя мимо, увидеть через окно бумаги, лежавшие на столе. Во мне шесть футов, и я, только поднявшись на цыпочки, увидел стол. Никому ниже шести футов это бы не удалось. Тогда у меня возникло такое соображение: если один из трех студентов очень высокого роста, то в первую очередь следует заняться им.

Когда мы вошли и я осмотрел комнату, столик у окна дал мне еще одну нить. Письменный стол представлял загадку, пока вы не упомянули, что Гилкрест занимается прыжками в длину. Тут мне стало ясно все, не хватало нескольких доказательств, и я их поспешил раздобыть.

Теперь послушайте, как все произошло. Этот молодой человек провел день на спортивной площадке, тренируясь в прыжках. Когда он возвращался домой, у него были с собой спортивные туфли, у которых, как вы знаете, на подошвах острые шипы. Проходя мимо вашего окна, он, благодаря высокому росту, видел на столе свернутые трубкой бумаги и сообразил, что это может быть. Никакой беды не случилось бы, если б он не заметил ключа, случайно забытого слугой. Его охватило непреодолимое желание войти и проверить, действительно ли это гранки. Опасности в этом не было: ведь он всегда мог притвориться, что заглянул к вам по делу. Увидев, что это действительно гранки, он не мог побороть искушения. Туфли он положил на письменный стол. А что вы положили на кресло у окна?

— Перчатки, — тихо ответил молодой человек.

— Значит, на кресле были перчатки. — Холмс торжествующе взглянул на Бэннистера. — А потом он взял первый лист и стал переписывать на маленьком столике. Окончив первый, принялся за второй. Он думал, что вы вернетесь через ворота, которые видны в окно. А вы вернулись, мистер Сомс, через боковую калитку. Внезапно прямо за порогом послышались ваши шаги. Забыв про перчатки, студент схватил туфли и метнулся в спальню. Видите, царапина на столе отсюда малозаметна, а со стороны спальни она резко бросается в глаза. Это убедительно свидетельствует, что туфлю дернули в этом направлении и что виновный спрятался в спальне. Земля, налипшая вокруг одного из шипов, осталась на столе, комок с другого шипа упал на пол в спальне. Прибавлю к этому, что нынче утром я ходил на спортивную площадку, где тренируются в прыжках; участок этот покрыт темной глиной. Я захватил с собой комок глины и немного тонких рыжеватых опилок — ими посыпают землю, чтобы спортсмен, прыгая, не поскользнулся. Так все было, как я рассказываю, мистер Гилкрест?

Студент теперь сидел выпрямившись.

— Да, сэр, именно так, — сказал он.

— Боже мой, неужели вам нечего добавить? — воскликнул Сомс.

— Есть, сэр, но я просто не могу опомниться, так тяжело мне это позорное разоблачение. Я не спал сегодня всю ночь и под утро, мистер Сомс, написал вам письмо. Раньше, чем узнал, что все открылось. Вот это письмо, сэр: «Я решил не сдавать экзамена. Мне предлагали не так давно поступить офицером в родезийскую армию, и на днях я уезжаю в Южную Африку».

— Я очень рад, что вы не захотели воспользоваться плодами столь бесчестного поступка, — сказал Сомс. — Но что заставило вас принять такое решение?

Гилкрест указал на Бэннистера.

— Это он наставил меня на путь истинный.

— Послушайте, Бэннистер, — сказал Холмс, — из всего мной рассказанного ясно, что только вы могли выпустить из комнаты этого молодого человека: ведь мистер Сомс оставил вас одного, а уходя, вы должны были запереть дверь. Бежать через окно, как видите, невозможно. Так не согласитесь ли вы поведать нам последнюю неразгаданную страничку этой истории и объяснить мотивы вашего поведения?

— Все очень просто, сэр, если, конечно, знать подоплеку. Но догадаться о ней невозможно, даже с вашим умом. В свое время, сэр, я служил дворецким у сэра Джейбса Гилкреста, отца этого юного джентльмена. Когда сэр Гилкрест разорился, я поступил сюда, в колледж, но старого хозяина не забывал, а ему туго тогда приходилось. В память о прошлых днях я чем мог служил его сыну. Так вот, сэр, когда мистер Сомс поднял вчера тревогу, зашел я в кабинет и вижу на кресле желтые перчатки мистера Гилкреста. Я их сразу узнал и все понял. Только бы их не увидел мистер Сомс — то-

гда дело плохо. Ни жив ни мертв упал я в кресло и не двигался до тех пор, пока мистер Сомс не пошел за вами. В это время из спальни выходит мой молодой хозяин и во всем признается... А ведь я его младенцем на коленях качал, — ну как мне было не помочь ему! Я сказал ему все, что сказал бы ему покойный отец, объяснил, что добра от такого поступка не будет, и выпустил его. Можно меня винить за это, сэр?

— Нет, конечно, — от всего сердца согласился Холмс, поднимаясь с кресла. — Ну вот, Сомс, тайна раскрыта, а нас дома ждет завтрак. Пойдемте, Уотсон. Я надеюсь, сэр, что в Родезии вас ждет блестящая карьера. Однажды вы оступились. Но впредь пусть вами руководят во всем лишь самые высокие устремления.

Пенсне в золотой оправе

The Adventure of the Golden Pince-Nez

First published in the Strand Magazine, July 1904, with 8 illustrations by Sidney Paget, and in Collier's Weekly, Oct. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele.

Записки о нашей деятельности за 1894 год составляют три увесистых тома. Должен признаться, что мне трудно выбрать из этой огромной массы материала случаи, которые были бы наиболее интересны сами по себе и в то же время наиболее ярко отражали своеобразный талант моего друга. В нерешительности листаю я страницы своих записок. Вот ужасный, вызывающий дрожь отвращения случай про красную пиявку, а вот страшная смерть банкира Кросби. К этому году относится и трагедия в Эдлтоне и необычная находка в старинном кургане. Знаменитое дело о наследстве Смит-Мортимера тоже произошло в это время, и тогда же был выслежен и задержан Юрэ, убийца на Бульварах, за что Холмс получил благодарственное письмо от французского президента и орден Почетного легиона. Все эти случаи заслуживают внимания читателей, но в целом, мне кажется, ни один из них не содержит в себе столько интересного, как происшествие в Йоксли-Олд-плейс. Я имею в виду не только трагическую смерть молодого Уиллоуби Смита, но также последующие события, которые представили мотивы преступления в самом необычном свете.

Однажды вечером в конце ноября (погода была отвратительная, настоящая буря) мы сидели вместе с Холмсом в нашей гостиной на Бейкер-стрит. Я углубился в последнее исследование по хирургии, а Холмс старался прочитать с помощью сильной лупы остатки первоначального текста на палимпсесте. Мы молчали, поскольку каждый из нас был всецело погружен в свое дело. Дождь яростно хлестал в оконные стекла, а ветер с воем пронесся по Бейкер-стрит. Странно, не правда ли? Мы находились в самом центре города, и произведения рук человеческих окружали нас со всех сторон на добрые десять миль, и в то же время — вот вам — мы в плену стихийных сил, для которых весь Лондон не больше чем холмики крота в чистом поле. Я подошел к окну и стал смотреть на пустынную улицу. Там и сям в лужах на мостовой и тротуаре дробились огни уличных фонарей. Одинокий кэб выехал с Оксфорд-стрит, колеса его шлепали по лужам.

— Да, Уотсон, хорошо, что в такой вечер нам не надо никуда выходить, — сказал Холмс, отложив лупу и свертывая древнюю рукопись. — На сегодня достаточно. От этой работы очень устают глаза. Насколько я могу разобрать, это всего лишь счета аббатства второй половины пятнадцатого столетия. Постойте-ка! Что это значит? — последние слова он произнес, потому что сквозь вой ветра мы слышали стук копыт, а затем скрежет колеса о край тротуара. Видимо, кэб, который я увидел в окно, остановился у дверей дома.

— Что ему надо? — удивился я, увидев, что кто-то вышел из кэба.

— Что ему надо? Ему надо видеть нас. А нам, мой бедный Уотсон, надо надевать пальто, шарфы, галоши и все, что придумал человек на случай непогоды. Постойте-ка! Кэб уезжает! Тогда есть надежда. Если бы он хотел, чтобы мы поехали с ним, он бы не отпустил кэб. Придется вам пойти открыть дверь, поскольку все добропорядочные люди давно уже спят.

Свет лампы в передней упал на лицо нашего полуночного гостя. И я сразу узнал его. Это был Стэнли Хопкинс, молодой, подающий надежды детектив, к служебной карьере которого Холмс проявлял интерес.

— Он дома? — спросил Хопкинс.

— Дома, дома, сэръ, — послышался сверху голос Холмса. — Надеюсь, вы не потащите нас куда-нибудь в такую ночь.

Детектив поднялся наверх. В свете лампы его плащ сверкал, как мокрая чешуя. Пока Холмс ворошил поленья в камине, я помогал Хопкинсу разоблачаться.

— Идите сюда, дорогой Хопкинс, и протяните ноги к огню, — сказал он. — Вот сигара, а у нашего доктора есть чудесная микстура, содержащая горячую воду и лимон. В такую ночь нет лучшего снабдья. Что-то очень важное погнало вас из дому в такую погоду, а?

— Вы не ошиблись, мистер Холмс. Какой у меня сегодня был день! Вы читали последние новости о Йокслийском деле?

— Последние новости, которые я сегодня читал, относятся к пятнадцатому столетию.

— Ну, это ничего. Сообщение составляет всего один абзац, да там все перевернуто так, что вы немного потеряли. Должен вам сказать, я не сидел, сложа руки. Йоксли находится в Кенте, в семи милях от Чатама и трех милях от железной дороги. Я получил телеграмму в тринадцать, был в Йоксли в пять, провел расследование, приехал с последним поездом в Лондон и со станции Чаринг-Кросс прямо к вам.

— Из чего я могу заключить, что вам не все ясно в этом деле.

— Не все ясно? Мне ничего не ясно. Такого запутанного дела у меня никогда не было, а сначала я подумал, что оно совсем простое и распутать его ничего не стоит. Нет мотива преступления, мистер Холмс. Вот что не дает мне покоя: нет мотива! Человек убит, этого отрицать нельзя, но я не могу понять, кто мог желать его смерти.

Холмс закурил и откинулся в кресле.

— Расскажите, — предложил он.

— Все факты я знаю досконально, — начал Стэнли Хопкинс, — но я бы хотел понять, что они означают. Несколько лет назад этот загородный дом, Йоксли-Олд-плейс, был снят одним человеком, назвавшимся профессором Корэмом. Профессор очень больной человек. Он то лежит в постели, то ковыляет по дому с палочкой, а то садовник возит его в коляске по парку. Соседям он нравится, они к нему заходят, он слывет за очень ученого человека. Прислуга состоит из пожилой экономки миссис Маркер и служанки Сьюзен Тарлтон. Они жили в доме с того времени, как профессор поселился здесь, и репутация у них безупречная. Профессор пишет какой-то ученый труд. Около года

назад он решил, что ему необходим секретарь. Первые два секретаря не подошли, но третий, мистер Уиллоуби Смит, молодой человек, только что окончивший университет, оказался именно таким секретарем, о каком профессор мечтал. По утрам он писал под диктовку профессора, а вечером подбирал материал, необходимый для работы на следующий день. За этим Смитом не замечалось решительно ничего дурного: ни когда он учился в Аптшнгеме, ни в Кембридже. Я видел характеристики, из которых явствует, что он всегда был вежливым, спокойным, прилежным молодым человеком, у которого не было решительно никаких слабостей. И вот этот молодой человек умер этим утром в кабинете профессора при обстоятельствах, которые, бесспорно, указывают на убийство.

Хопкинс замолчал. Ветер гудел, и оконные стекла жалобно дребезжали под его напором. Холмс и я тоже пододвинулись ближе к огню, слушая интересное повествование молодого детектива, которое он излагал нам неторопливо и последовательно.

— Общайте всю Англию, — продолжал он, — и вы не найдете более дружного кружка людей, отгороженного от всяких внешних влияний. Неделями никто из них не выходит за ворота. Профессор погружен в свою работу, и ничего иного для него не существует. Молодой Смит не был знаком ни с кем из соседей, и образ его жизни мало чем отличался от образа жизни профессора. У женщин нет никаких интересов вне дома. Мортимер, который возил профессора в коляске по парку, — старый солдат на пенсии, ветеран Крымской войны, человек безупречного поведения. Он жил не в самом доме, а в трехкомнатном коттедже на другом конце парка. Больше в усадьбе не было никого. Надо, однако, сказать, что в ста ярдах от ворот парка проходит Лондонское шоссе на Чатам. Ворота заперты на щеколду, и постороннему, конечно, нетрудно проникнуть в парк.

Теперь позвольте мне изложить показания Сьюзен Тарлтон, поскольку она единственная, кто может сказать что-нибудь об этой истории. В начале двенадцатого, когда профессор все еще был в постели (в плохую погоду он редко вставал раньше двенадцати), она вешала занавеси в спальне наверху, окна которой были по фасаду. Экономка была занята каким-то своим делом в кухне. Смит работал у себя в комнате наверху; служанка слышала, как он прошел по коридору и спустился в кабинет, который находится как раз под спальней, где она вешала занавеси. Она уверена, что это был мистер Смит, так как она хорошо знает его быструю, решительную походку. Она не слышала, как дверь кабинета закрылась, но примерно минуту спустя внизу, в кабинете, раздался ужасный крик. Это был хриплый, иступленный вопль, такой странный и неестественный, что было непонятно, кто кричит: мужчина или женщина. Тут же послышался глухой удар об пол падающего тела — такой сильный, что задрожал весь дом, а затем наступила тишина. Несколько мгновений служанка не могла пошевелиться от ужаса, но затем собралась с духом и бросилась опрометью вниз по лестнице. Она распахнула дверь кабинета. Молодой Смит лежал распростертый на полу. Сперва она не заметила ничего особенного. Она попыталась поднять его и вдруг увидела кровь, вытекающую из раны на шее пониже затылка. Рана была очень маленькая, но глубокая, и, видимо, была задета сонная артерия. Рядом на ковре валялось орудие преступления: нож с ручкой из слоновой кости и негнушимся лезвием для срезания восковых печатей — такие часто украшают старинные письменные приборы. Он постоянно лежал у профессора на столе.

Служанка решила, что Смит мертв, но когда она плеснула ему в лицо водой из графина, он на миг открыл глаза. «Профессор, — пробормотал он, — это была она». Служанка готова поклясться, что это его точные слова. Несчастный отчаянно пытался сказать что-то еще, поднял было правую руку. Но она тут же упала, и он больше не шевелился.

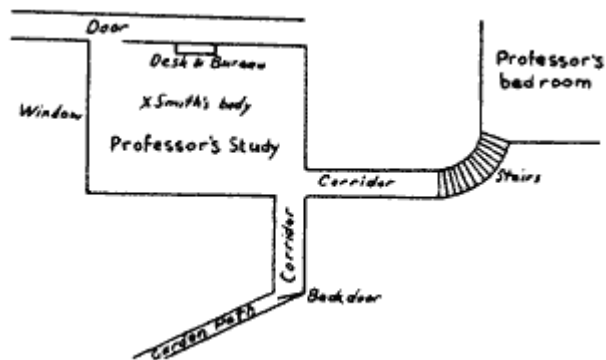
Затем в комнату вбежала экономка. Но последних слов Смита она не слышала. Оставив у тела Сьюзен, она поспешила к профессору. Тот сидел в постели. Он был страшно взволнован, он тоже слышал крик и понял, что в доме произошло несчастье. Миссис Маркер готова показать под присягой, что профессор был в ночной пижаме, да он и не мог одеться без Мортимера, которому было приказано прийти в двенадцать. Профессор заявил, что он слышал где-то в глубине дома крик, и это все, что ему известно. Он не знает, как объяснить слова секретаря: «Профессор, это была она». Вероятно, это был бред. По мнению профессора, у Смита не было ни одного врага, и он теряется в догадках, какие могут быть мотивы убийства. Прежде всего профессор послал садовника Мортимера за полицией. А затем констебль вызвал меня. Ничего в доме не трогали, пока я не приехал, и было строго-настрого приказано, чтобы никто не ходил по тропинкам, ведущим к дому. Да, мистер

Шерлок Холмс, это был прекрасный случай для применения на практике ваших теорий. Все было для этого налицо.

— Кроме Шерлока Холмса, — сказал мой друг чуть язвительно. — Хорошо, а теперь давайте послушаем, что вы там сделали.

— Прежде всего, мистер Холмс, прошу вас, взгляните на план расположения комнат. Вы получите представление о том, где находится кабинет профессора и другие комнаты, и вам легче будет следить за моим рассказом.

Он развернул план и расстелил у Холмса на коленях. Я встал сзади Холмса и тоже стал его рассматривать.

— Это, конечно, набросок, я изобразил только то, что существенно для дела. Остальное вы увидите позже сами. Предположим, что убийца проник в дом извне. Но как? Ясно, что он прошел через парк по аллее и проник в дом с черного хода, откуда легко попасть в кабинет. Любой другой путь очень сложен. Скрыться преступник мог только тем же путем, поскольку два других возможных пути отступления были отрезаны. Один — Сьюзен, она бежала на шум по лестнице. Другой ведет в спальню профессора. Естественно, что все внимание я обратил на аллею в парке. Незадолго до этого шел дождь, земля размокла, и следы на ней должны быть видны вполне отчетливо.

Я осмотрел тропинку и понял, что имею дело с осторожным и опытным преступником. Никаких следов на аллее не оказалось! Но зато кто-то прошел по газону, чтобы не оставить следов на земле. Ясных отпечатков тоже не было, но трава была примята, значит, по ней кто-то прошел. Это мог быть только убийца: ни садовник, да и вообще никто из домашних не ходил утром в этом месте, а ночью шел дождь.

— Одну секунду, — прервал его Холмс. — А куда ведет эта аллея?

— На шоссе.

— Сколько надо идти по ней, чтобы выйти на шоссе?

— Ярдов сто.

— Допустим, у самых ворот на этой аллее были следы. Вы уверены, что вы бы заметили их?

— К сожалению, в этом месте аллея вымощена кирпичом.

— Ну, а на шоссе?

— И на шоссе никаких следов. Оно все покрыто лужами.

— Ну и ну! А скажите судя по следам на траве, человек шел к дому или, наоборот, от дома?

— Этого я не могу сказать. У следов не было определенных очертаний.

— Следы большой ноги или маленькой?

— Тоже нельзя сказать.

Холмс прищелкнул языком. Его лицо выражало досаду.

— Дождь все еще хлещет, и ветер не затихает, — сказал он. — Расшифровать эти следы может оказаться потруднее, чем древнюю рукопись! Ну что ж, ничего не поделаешь. Итак, Хопкинс, вы обнаружили, что ничего не обнаружили. Что же вы после этого предприняли?

— Я не считаю, что я ничего не обнаружил, мистер Холмс. Во-первых, я обнаружил, что кто-то проник в дом извне. Затем я исследовал пол коридора. На полу лежит кокосовая циновка, и на ней нет никаких следов. Затем я двинулся в кабинет. Мебели в кабинете почти нет, если не считать

огромного письменного стола с секретером. Боковые ящики секретера были открыты, средний — закрыт на ключ. Боковые ящики, по-видимому, никогда не запирались, и в них не было ничего ценного. В среднем ящике хранились важные бумаги, но они остались на месте. Профессор уверял меня, что ничего не пропало. Ясно, что грабеж не был целью преступления. Затем я осмотрел тело убитого. Оно лежало чуть левее письменного стола — взгляните на мой чертежик. Рана на правой стороне шеи и нанесена сзади. Ясно, что он не мог нанести ее сам.

— Если только он не упал на нож, — сказал Холмс.

— Совершенно верно. Мне это тоже пришло в голову. Но ведь нож лежал на расстоянии нескольких футов от тела. Значит, молодой человек не упал на нож. Затем обратите внимание на последние слова убитого. И, наконец, в его правой руке была зажата очень важная вещественная улика.

Хопкинс извлек из кармана бумажный пакетик. Он развернул его и вытащил пенсне в золотой оправе. С одной стороны к пенсне был прикреплен двойной черный шелковый шнурок. Оба конца его были оборваны.

— У Смита было прекрасное зрение, — сказал Хопкинс. — Значит, он сорвал это пенсне с лица убийцы.

Шерлок Холмс взял пенсне и осмотрел его с величайшим вниманием и интересом. Затем он надел пенсне себе на нос, попытался читать, подошел к окну и взглянул на ближайшие дома, затем снял пенсне и опять тщательно осмотрел его, держа близко от лампы, удовлетворенно засмеялся, сел за стол и написал несколько строчек на клочке бумаги, которую он протянул Хопкинсу.

— Вот самое лучшее, что я могу сделать для вас, — сказал он. — Это, наверное, поможет. Удивленный детектив прочел записку вслух.

«Разыскивается дама, хорошо одетая и проживающая в уважаемом доме или квартире. У нее толстый, мясистый нос и близко посаженные глаза. Она морщит лоб, близоруко щурится, и, вероятно, у нее сутулые плечи. Есть данные, что в течение последних нескольких месяцев она, по крайней мере, дважды обращалась к оптику. Поскольку в ее пенсне необычайно сильные стекла, а оптиков не так уж много, разыскать ее будет нетрудно».

Заметив на наших лицах удивление, Холмс улыбнулся.

— Все это очень просто, — сказал он. — Трудно найти предмет, который позволял бы сделать больше выводов, чем очки или пенсне, особенно с такими редкими стеклами. Откуда я заключил, что пенсне принадлежит женщине? Обратите внимание, какая изящная работа. Кроме того, я помнил слова убитого. Что же касается ее уважаемости и туалета, то и это просто: оправка дорогая, из чистого золота, и трудно себе представить, чтобы дама, носившая такое пенсне, была бы менее уважаема во всех других отношениях. Наденьте пенсне, и вы увидите, что оно не будет держаться у вас на носу. Значит, у этой дамы нос весьма широк. Такой нос — обычно короткий, мясистый, хотя есть целый ряд исключений, вот почему я не настаиваю на этой подробности в своем описании. У меня довольно узкое лицо, и тем не менее, когда я надеваю пенсне, я вижу, что мои глаза расставлены шире, чем стекла. Другими словами, глаза у этой дамы близко посажены. Обратите внимание, Уотсон, что стекла вогнутые и чрезвычайно сильные. Когда женщина так плохо видит, это непременно должно сказаться на ее облике. Я имею в виду морщины на лбу, привычку щуриться, сутулые плечи.

— Понимаю, — сказал я. — Но почему вы решили, что дама дважды посещала оптику? Холмс взял пенсне.

— Обратите внимание, что зажимы с внутренней стороны покрыты пробкой, чтобы меньше давить на кожу. Одна пробковая прокладка бледнее и немножко стертая, другая совершенно новая. Очевидно, что новая надета недавно. Но и старая прокладка положена всего несколько месяцев назад. А так как обе прокладки одинаковые, я заключаю, что дама дважды чинила пенсне в одном и том же месте.

— Поразительно! — закричал Хопкинс. — Только подумать, что все эти данные были у меня

в руках, а я ни о чем не догадался! Правда, у меня было намерение обойти лондонских оптиков.

— Обойдите обязательно. А сейчас расскажите, что вам еще известно об этом деле.

— Больше ничего, мистер Холмс. Теперь мне кажется, что вы знаете не меньше меня, а возможно, и больше! Мы выясняли, не появлялся ли какой-нибудь незнакомый человек на станции или на ближайших дорогах. Никто, видимо, не появлялся. Что меня окончательно сбивает с толку — это полнейшее отсутствие мотивов преступления. Даже никакого намека!

— В этом я не могу вам помочь! Но, я полагаю, вы хотите, чтобы мы завтра отправились с вами на место преступления.

— Если это вас не очень затруднит, мистер Холмс. В шесть часов утра от вокзала Чаринг-Кросс отходит поезд на Чатам, и мы должны быть в Йоксли в начале девятого.

— Хорошо, мы поедем этим поездом. У вашего дела есть некоторые любопытные подробности, и мне хотелось бы изучить его более основательно. Но сейчас уже за полночь, а нам надо хоть несколько часов поспать. Я вас устрою вот на этом диване перед камином. Утром я на спиртовке сварю кофе, и двинемся в путь.

Утром ветер утих. Негреющее солнце поднималось над мрачными болотами в поймах Темзы. Унылые просторы реки навсегда соединены в моей памяти с преследованием островитянина с Андаманов на заре нашей деятельности. После долгого и утомительного путешествия мы вышли на маленькой станции в нескольких милях от Чатама. Пока запрягали лошадь в местной гостинице, мы наскоро позавтракали и поэтому, явившись в Йоксли, сразу взялись за дело. Полицейский встретил нас у ворот парка.

— Ну как, Уилсон, есть новости?

— Ничего не слышно, сэр.

— Видели каких-нибудь приезжих?

— Никак нет, сэр. Полиция уверена, что вчера никто не приезжал сюда и не уезжал.

— Обошли все гостиницы и постоялые дворы?

— Да, сэр. И не обнаружили никого, кто мог бы внушить подозрение.

— В конце концов отсюда до Чатама можно дойти пешком. Приезжий мог укрыться там или сесть на поезд незамеченным. А вот та самая аллея, о которой я вам говорил, мистер Холмс. Ручаюсь, что вчера следов на ней не было.

— А с какой стороны были следы на траве?

— Вот с этой, сэр. Видите узкую полоску травы между аллеей и цветочной грядкой? Сейчас я следов не вижу, но вчера они были ясно заметны.

— Да, да, здесь действительно кто-то прошел, — подтвердил Холмс, наклоняясь и рассматривая траву. — Наша дама ступала очень осторожно, не правда ли? Оступись она в ту или другую сторону, следы остались бы и на аллее и на мягкой цветочной грядке, где они были бы еще заметнее.

— Да, сэр, дама с большим самообладанием!

Я заметил, как лицо Холмса напряглось.

— Вы говорите, назад она шла тем же путем?

— Да, сэр, другого пути нет.

— То есть по этой же полоске травы?

— Разумеется, мистер Холмс.

— Гм! Замечательно! Настоящий подвиг! Ну хорошо, с аллеей покончили. Пойдемте дальше. Эта калитка обычно открыта? Значит, ей ничего не стоило проникнуть в парк. Ясно, что об убийстве она не думала. Иначе она захватила бы с собой какое-нибудь оружие, а не воспользовалась бы ножом с письменного стола. Она шла по этому коридору, не оставив следов на циновке. Затем она вошла в кабинет. Как долго пробыла она в кабинете? Мы судить об этом не можем.

— Она пробыла там несколько минут, сэр. Я забыл сказать вам, что миссис Маркер — экономка — убирала в кабинете примерно за четверть часа до случившегося — так она утверждает.

— Значит, не больше четверти часа. Итак, наша дама входит в комнату. Идет к столу. Что ей надо? В боковых ящиках ей, очевидно, ничего не надо. А то бы они были заперты. Итак, ее интересует средний ящик. Ага! Что это за царапина? Уотсон, зажгите-ка спичку. Что же вы ничего

не сказали мне об этом, Хопкинс?

След, который мы увидели, начинался на бронзовом украшении вокруг замочной скважины справа, а затем продолжался примерно на четыре дюйма по лакированному дереву.

— Я заметил эту царапину, мистер Холмс. Но вокруг замочных скважин всегда царапины.

— Эта царапина сделана недавно, совсем недавно. Посмотрите, как блестит бронза. Старая царапина быстро бы потускнела и была бы такого же цвета, как и вся поверхность бронзы. Посмотрите на царапину в лупу. Как свежеспаханная земля по обеим сторонам борозды. Где миссис Маркер?

Пожилая женщина с усталым, грустным лицом вошла в комнату.

— Вы стирали здесь пыль вчера утром?

— Да, сэр.

— Видели эту царапину?

— Нет, сэр, не видела.

— Разумеется, нет. Если бы царапина была тогда, когда вы стирали пыль, то вы бы смахнули тряпкой вот эти крохотные кусочки лака. У кого ключ от секретера?

— Профессор держит ключ на своей цепочке от часов.

— Ключ простой?

— Нет, сэр, фигурный.

— Очень хорошо. Вы можете идти, миссис Маркер. Так, дело проясняется. Наша дама входит в комнату, идет к среднему ящику, затем открывает его или, по крайней мере, пытается открыть. А в это время появляется молодой Смит. Она вытаскивает ключ с такой поспешностью, что оставляет царапину около замочной скважины. Он хочет задержать ее, а она, схватив первое, что подвернулось ей под руку (а этим предметом оказался тот ножичек), ударяет Смита, тот падает навзничь, и она убегает, зажав в другой руке то, ради чего она сюда пришла. Служанка Сьюзен здесь? Как, по-вашему, Сьюзен, мог кто-нибудь выскользнуть через эту дверь после того, как вы услышали крик?

— Нет, сэр, никто не мог. Я бежала по лестнице и увидела бы, есть ли кто в коридоре. А потом эта дверь вообще не открывалась: когда она открывается, слышно.

— Таким образом, дама не могла уйти тем же путем, каким пришла. Этот коридор ведет в спальню профессора? Из него нет выхода наружу?

— Нет, сэр.

— А теперь пойдёмте познакомимся с профессором. Смотрите, Хопкинс! В коридоре к кабинету профессора лежит такая же кокосовая циновка. Это очень важно, очень важно!

— Важно?

— Разве вы не видите, какая тут связь? Впрочем, наверно, я ошибаюсь. Хотя... Ну хорошо, представьте меня профессору.

Мы прошли по коридору. Он был примерно такой же длины, как и тот, дверь которого выходила в сад. В конце коридора было несколько ступенек и затем дверь. Наш спутник постучал, и мы вошли в спальню профессора.

Комната была большой, стены представляли собой сплошные книжные полки, часть книг лежала на полу, в углах и вдоль полок. Кровать стояла посередине. Хозяин дома полулежал-полусидел в подушках. Его лицо поразило меня: худое, с орлиным носом, пронзительными черными глазами, которые словно притаились в глубоких орбитах под густыми, нависшими бровями. Волосы и борода были у него совершенно седые, если не считать некоторой странной желтизны вокруг рта. Из густой поросли седых волос торчала папираса, и в комнате было трудно дышать от густого табачного дыма. Когда он протянул руку Холмсу, я заметил, что пальцы у него тоже желтые от никотина.

— Вы курите, мистер Холмс? — спросил профессор. Он говорил, тщательно выбирая слова, и в речи его чувствовался какой-то странный акцент. — Прошу вас. А вы, сэр? Рекомендую вам эти сигареты. Их специально набивают для меня в Александрии. Высылают тысячу штук сразу, и, увы, каждые две недели приходится заказывать новую партию. Плохо, сэр, очень плохо. Но у старика слишком мало удовольствий. Табак и работа. Вот все, что мне осталось в жизни.

Холмс закурил. Глаза его незаметно изучали комнату.

— Да, табак и работа. А теперь опять только табак, — воскликнул он горестно. — Какой ужасный случай прервал мою работу! Кто мог предвидеть столь чудовищное злодеяние? Такой достойный молодой человек. После нескольких месяцев обучения он стал великолепным помощником. Что вы думаете обо всем этом деле, мистер Холмс?

— Пока трудно сказать.

— Хорошо, если бы вы пролили свет на это темное дело. Для старого книжного червя и больного это настоящий удар. Мне кажется, я потерял способность думать. Но вы человек дела, человек действия. Для вас это обычная, будничная работа. Вы сохраняете присутствие духа при любой катастрофе. Нам повезло, что именно вы взялись за расследование.

Пока профессор говорил, Холмс ходил взад и вперед по комнате. Я заметил, что он курил одну сигарету за другой. Очевидно, он разделял пристрастие нашего хозяина к сигаретам, присланным из Александрии.

— Да, сэр, это ужасный удар, — сказал профессор. — Вот там, на маленьком столике, груда бумаг, это мой «*magnum opus*». Анализ документов, найденных в коптских монастырях Сирии и Египта. Это серьезнейшее исследование основ вновь открытой религии. Мое здоровье так плохо, что я не знаю, смогу ли я теперь закончить мой труд без помощника, которого я так неожиданно лишился. Ой-ой-ой, мистер Холмс! Да вы, я вижу, еще более отчаянный курильщик, чем я!

Холмс улыбнулся:

— Да, я знаток табака, — сказал он, беря четвертую сигарету из ящика и зажигая ее от окурка предыдущей. — Не буду докучать вам расспросами, профессор Корэм, поскольку вы были в постели в момент преступления и, естественно, не можете ничего о нем знать. Я лишь задам вам один вопрос: как вы думаете, что имел в виду несчастный молодой человек, когда он сказал: «Профессор, это была „она“?»

Профессор покачал головой.

— Сьюзен — деревенская девушка, — сказал он. — А вы знаете, как невероятно глуп простой народ. Я думаю, бедняга пробормотал что-нибудь невнятное в бреду, а она вообразила бог знает что.

— Понимаю. Вы сами ничем не можете объяснить эту трагедию?

— Возможно, несчастный случай. А может быть — говорю это только между нами, — самоубийство. У молодых людей всегда какие-нибудь тайные горести — несчастная любовь, о которой мы ничего не знали. И вот он наложил на себя руки. Это более правдоподобно, чем убийство.

— Ну а пенсне?

— Пенсне? Ах, да, пенсне! Увы, я всего только ученый, человек, парящий в заоблачных высотах. И я ничего не понимаю в практической жизни. Но согласитесь, мой друг, что залогом любви могут быть самые старинные предметы. Берите, берите еще. Рад, что вы оценили эти сигареты. Так вот: веер, или перчатка, или пенсне — кто знает, что может сжимать в последний миг рука самоубийцы. Вот этот джентльмен говорит о следах на траве. Но в конце концов он мог и ошибиться. Что касается ножа, то ведь он мог отлететь в сторону, когда несчастный молодой человек рухнул навзничь. Возможно, я сужу о деле, как ребенок, но мне кажется, что Уиллоуби Смит сам наложил на себя руки.

Эта теория, кажется, произвела на Холмса впечатление, и он продолжал расхаживать по комнате, погруженный в свои мысли, и куря одну папиросу за другой.

— Скажите, профессор Корэм, — сказал он наконец, — а что вы держите в среднем ящике вашего секретера?

— Ничего такого, что могло бы заинтересовать вора. Семейные бумаги, письма от моей бедной жены, дипломы тех университетов, которые удостоили меня этой чести. Вот ключ. Взгляните сами.

Холмс взял ключ и посмотрел на профессора. Затем вернул ключ обратно.

— Благодарю вас. Но это сейчас не имеет значения, — сказал он. — С вашего позволения, я пойду в сад и все обдумаю на досуге. В вашей теории самоубийства что-то есть. Итак, простите нас за вторжение, профессор Корэм. Я обещаю вам, что пока не буду вас тревожить. Мы зайдем к вам в два часа, после второго завтрака, если позволите, и расскажем обо всем, что за это время произошло.

Холмс казался чем-то сильно расстроенным и долго ходил по аллее сада молча.

— Нашли нить? — спросил я его наконец.

— Все зависит от тех сигарет, которые я курил, — сказал он. — Возможно, я на ложном пути. Но сигареты покажут.

— Мой дорогой Холмс, — воскликнул я, — как же сигареты...

— Вы это увидите сами. Если я ошибся, ничего страшного нет. Пойдем по линии пенсне. Я люблю во всяком расследовании сократить путь, если возможно. А вот и наша дорогая миссис Маркер. Поговорим с ней минут пять, может быть, узнаем еще что-нибудь.

Я уже, кажется, упоминал, что Холмс умел в мгновение ока снискать расположение женщины своей обходительностью. Не прошло и двух минут, как у них завязался оживленный разговор, точно они знали друг друга многие годы.

— Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, сэр. Курит он ужас сколько. Весь день, а иногда и всю ночь, сэр. Придешь, бывало, утром в его комнату — настоящий лондонский туман, сэр. Бедный мистер Смит, он тоже курил, но совсем не столько, сколько профессор. А что касается здоровья профессора, то я, право, не знаю, становится оно лучше или хуже от такого курения.

— Во всяком случае, аппетит оно наверняка отбивает, а?

— Я бы не сказала, сэр.

— Наверно, профессор очень мало ест?

— Как когда, сэр. Как когда.

— Держу пари, сегодня он не завтракал. И второй завтрак он не сможет съесть после такого курения.

— Ошиблись, сэр. Наоборот, сегодня утром он ел очень много. Право, не знаю, когда он завтракал плотнее. А на второй завтрак заказал себе отбивные. Я удивилась, потому что я-то смотреть не могу на еду, с тех пор как увидела вчера на полу в кабинете бедного мистера Смита. Но, видно, все люди разные. У профессора аппетит несколько не испортился.

Мы ходили по саду все утро. Хопкинс отправился в деревню, чтобы проверить слухи о некоей приезжей, которую якобы видели дети на Чатамском шоссе вчера утром. Что касается моего друга, то он, казалось, потерял весь интерес к делу. Никогда еще я не видел, чтобы он с такой прохладцей занимался расследованием. Даже когда Хопкинс явился и сказал, что дети действительно видели женщину, в точности соответствующую описанию Холмса, вплоть до пенсне, мой друг оставался безучастным. Он немного оживился, только когда Сьюзен, прислуживающая нам за едой, сказала, что мистер Смит вчера утром гулял по саду и вернулся домой за полчаса до происшествия. Я не представлял себе, какое значение для разбираемого дела имеет это обстоятельство, но понял, что Холмс включил его в ту общую картину, которая составила у него в голове. Вдруг он вскочил и взглянул на часы.

— Два часа, джентльмены, — сказал он, — пойдете наверх и поговорим начистоту с нашим другом профессором.

Старый профессор кончил второй завтрак, и пустая тарелка ясно говорила о том, что экономка была права: профессор обладал великолепным аппетитом. Было что-то жуткое в его облике, когда он повернул к нам свою гриву и уставился на нас глубоко посаженными горящими глазами. И, конечно, он курил. Его одели, и он сидел в кресле у огня.

— Ну как, мистер Холмс, раскрыли вы тайну этого ужасного происшествия?

Он подвинул коробку с сигаретами к Холмсу. Холмс одновременно протянул руку, и коробка полетела на пол. Пришлось всем нам ползать на коленях и доставать сигареты из самых невозможных мест. Когда мы поднялись, я заметил, что глаза у Холмса блестят и щеки стали розовые. Я знал, что это был признак победы.

— Да, — сказал он. — Я раскрыл ее.

Стэнли Хопкинс и я уставились на него в изумлении. Усмешка тронула худое лицо старого профессора.

— Раскрыли? Где же, в саду?

— Нет, здесь.

— Как здесь? Когда?

— Только что.

— Вы шутите, мистер Холмс. Простите, но дело слишком серьезно, чтобы шутить.

— Я выковал и проверил каждое звено в цепи моих рассуждений, профессор Корэм, и я уверен, что цепь эта безупречна. Я не знаю, каковы ваши мотивы и какую точно роль играли вы в этой странной истории. Может быть, через несколько минут я узнаю это от вас. А пока позвольте мне описать вам, как все произошло, чтобы вы знали, каких подробностей мне еще не хватает для полноты картины. Вчера в вашем кабинете была дама. Она хотела взять какие-то бумаги из среднего ящика секретера. У нее был свой ключ. Я имел возможность осмотреть ваш и убедился, что на нем нет следов от лака. Таким образом, вы не являетесь ее соучастником. Она пришла, насколько я могу понять, без вашего ведома, с целью ограбить вас.

Профессор выпустил изо рта облако дыма.

— Это, конечно, все интересно и поучительно, — сказал он, — но что же дальше? Если вы знаете каждый ее шаг, вы, наверное, можете сказать, куда же она потом делась?

— Попытаюсь. Итак, ваш секретарь схватил ее, и она заколола его, чтобы спастись... Я склонен считать эту трагедию несчастным случаем, поскольку я убежден, что у дамы не было намерения совершить это ужасное преступление. Убийца не приходит невооруженным. Ужаснувшись тому, что она сделала, она заметалась по комнате в поисках выхода. К несчастью, во время борьбы с молодым человеком она потеряла пенсне и поэтому, будучи очень близорукой, оказалась совсем беспомощной. Она побежала по коридору, думая, что это тот самый, по которому она пришла: ведь на полу в обоих

коридорах лежат одинаковые циновки, — а когда она поняла, что попала не в тот коридор и дорога к выходу отрезана, было уже поздно. Что было делать? Назад идти она не могла. Остаться в коридоре нельзя. Значит, надо было идти вперед по коридору. И она пошла. Поднялась по ступенькам, открыла дверь и оказалась у вас в комнате.

Старый профессор уставился на Холмса, нижняя челюсть у него отвисла, смесь страха и удивления ясно читалась на его выразительном лице. Потом он сделал над собой усилие, пожал плечами и несколько театрально засмеялся.

— Это все очень хорошо, мистер Холмс, — сказал он. — Но в вашей великолепной теории есть один маленький изъян. Я все время был в этой комнате, не выходил из нее весь день.

— Я знаю это, профессор Корэм.

— Вы хотите сказать, что, лежа на кровати, я мог не заметить, как женщина вошла ко мне?

— Я этого не говорил. Вы заметили, как женщина вошла. Вы говорили с ней. Вы узнали ее. Вы помогли ей спастись.

Профессор опять неестественно рассмеялся. Он встал с кресла, глаза у него горели, как раскаленные угли.

— Вы сошли с ума! — закричал он. — Вы бредите! Я помог ей спастись? Ну и где же она сейчас?

— Она вон там, — сказал Холмс и указал на высокий книжный шкаф в углу комнаты.

Старый профессор взмахнул руками, мрачное лицо его страшно исказилось, и он упал в кресло. В то же мгновение книжный шкаф, о котором говорил Холмс повернулся на петлях, и в комнату шагнула женщина.

— Вы правы. — Она говорила со странным акцентом. — Вы правы. Да, я здесь.

Она была вся в пыли и паутине, которую собрала, видимо, со стен своего убежища. Лицо ее, которое никогда нельзя было бы назвать красивым, все было в грязных потеках. Холмс правильно угадал ее черты, и, кроме того, у нее был еще длинный подбородок, выдававший упрямство. Из-за близорукости и резкого перехода от темноты к свету она щурилась и моргала глазами, стараясь разглядеть, кто мы такие. И все же, несмотря на то, что она предстала нам в столь невыгодном свете, во всем ее облике было благородство, упрямый подбородок и гордо поднятая голова выражали смелость и внушали уважение и даже восхищение. Стэнли Хопкинс дотронулся до ее руки и объявил, что она арестована, но она отвела его руку мягко, но с достоинством, которому нельзя было

не подчиниться. Старый профессор лежал распростертый в кресле, лицо у него дергалось, и он глядел на нее глазами загнанного зверя.

— Да, сэр, я арестована, — сказала она. — Я слышала весь разговор и поняла, что вы знаете правду. Я признаюсь во всем. Да, я убила этого молодого человека. Но вы были правы, сказав, что это несчастный случай. Я даже не знала, что у меня в руках нож, потому что в отчаянии я схватила первое, что попало под руку, и ударила его, чтобы он отпустил меня. Я говорю вам правду.

— Мадам, — сказал Холмс, — я не сомневаюсь в том, что это правда. Может быть, вы присядете: мне кажется, вам нехорошо.

Мертвенная бледность залила ее лицо, и эта бледность была еще более ужасной от темных потеков грязи. Она села на край кровати.

— У меня мало времени, — продолжала она, — но я хотела бы рассказать вам всю правду. Я жена этого человека. Он не англичанин. Он русский. Я не назову его имени.

Старый профессор в первый раз зашевелился.

— Побойся бога, Анна! — закричал он. — Побойся бога!

Она взглянула на него с величайшим презрением.

— Зачем ты так цепляешься за свою презренную жизнь, Сергей? — сказала она. — Ты причинил вред многим и никому не сделал ничего хорошего, даже себе. Но не бойся, я не порву гнилую нить твоей жизни до положенного ей срока. Я достаточно взяла греха на свою совесть с тех пор, как переступила порог этого проклятого дома. Но я должна продолжить свой рассказ, а то будет поздно. Да, джентльмены, я жена этого человека. Ему было пятьдесят, а я была глупая двадцатилетняя девчонка, когда мы поженились. Это было в России, в университете, я не буду называть вам его.

— Побойся бога, Анна, — пробормотал старый профессор опять.

— Мы были революционеры, нигилисты, вы знаете. Он, я и многие другие. Потом начались преследования, был убит высокопоставленный полицейский чиновник, многих арестовали, и для того, чтобы спасти себя и получить большую награду, мой муж выдал жену и товарищей. Мы были арестованы. Некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь, и в том числе меня. Моя ссылка не была пожизненной. А мой муж, захватив с собой деньги, запятнанные кровью, уехал в Англию и поселился здесь в полном уединении, хорошо понимая, что как только организация узнает о его местонахождении, не пройдет и недели, как свершится правосудие.

Старый профессор протянул дрожащую руку и взял сигарету.

— Я в твоей власти, Анна, — сказал он, — но ты всегда была добра ко мне.

— Я еще не рассказала о главном его злодеянии, — продолжала она. — Среди членов организации был мой друг. Он был благороден, бескорыстен, он любил меня, словом полная противоположность моему мужу. Он ненавидел насилие. Мы все были виноваты — если это вина, — но он не был. Он писал мне письма, в которых убеждал меня избрать иной путь. Эти письма и мой

дневник, в котором я изо дня в день описывала мои чувства к нему и наши разные убеждения, спасли бы его. Мой муж нашел этот дневник и письма и спрятал их. Он старался изо всех сил очернить Алексея, чтобы его присудили к смерти. Но ему не удалось. Алексей был сослан в Сибирь на каторгу. В эти минуты, когда мы здесь с вами сидим, он надрывается там в соляной шахте. Подумай об этом, негодяй, гнусный негодяй! Алексей, человек, чье имя ты недостоешь произносить, влачит тяжкую жизнь раба, а ты благоденствуешь. Твоя жизнь сейчас в моих руках, но я не хочу мारать их!

— Ты всегда была благородной женщиной, Анна, — сказал он, затягиваясь сигаретой.

Она поднялась, но тут же упала назад, застонав от боли.

— Я должна кончить, — сказала она. — Когда мой срок истек, я решила достать дневники и письма и отправить их русскому правительству, чтобы моего друга выпустили на волю. Я знала, что мой муж в Англии. После многих месяцев бесплодных поисков я наконец нашла его. Я знала, что он хранит дневник, потому что получила в Сибири от него письмо, в котором он укорял меня, приводя выдержки из дневника. Но я была уверена, зная его мстительность, что он не отдаст мне дневник по своей воле. Я должна была выкрасть его. С этой целью я наняла частного агента-детектива, который поступил в дом мужа в качестве секретаря, это был твой второй секретарь, Сергей, тот, который так поспешно покинул тебя. Ему удалось выяснить, что дневник и письма лежат в среднем ящике секретера, и еще он сделал отпечаток ключа. Больше он ничего не хотел делать. Он передал мне план дома и сообщил, что во второй половине дня в кабинете никого не бывает, потому что секретарь работает вот здесь, наверху. В конце концов я решилась и проникла в дом, чтобы забрать бумаги. Мне это удалось, но какой ценой! Бумаги были в моих руках, и я уже запираю ящик стола, когда молодой человек схватил меня. Я его видела утром. Мы встретились на дороге, и я спросила его, где живет профессор Корэм, не зная, что он работает в качестве секретаря в этом доме.

— Совершенно правильно! — воскликнул Холмс. — Придя домой, секретарь рассказал своему хозяину о встрече. Умирая, он попытался объяснить, что это была она, то есть та, о которой он ему говорил.

— Дайте мне кончить, — властно сказала женщина, и лицо ее исказилось, как от боли. — Когда молодой человек рухнул навзничь, я бросилась вон из комнаты, ошиблась дверью и оказалась в спальне мужа. Он хотел выдать меня. Но я сказала ему, что его жизнь в моих руках. Если он выдаст меня правосудию, я выдам его организации. Я хотела жить не ради самой себя, я должна была исполнить задуманное. Он знал, что я выполню то, что сказала, и что судьба его в моих руках. По этой причине и только по этой он спрятал меня. Он толкнул меня в этот тайник, оставшийся от былых времен и известный только ему одному. Он ел у себя в спальне и мог уделять мне часть своей еды. Мы решили, что, когда полиция покинет дом, я ночью выскользну и никогда больше не вернусь. Но вам каким-то образом все стало известно.

Она вынула из-за лифа небольшой пакет.

— Выслушайте мои последние слова. Этот пакет спасет Алексея, я доверяю его вашей чести и вашей любви к справедливости. Возьмите его. Отнесите в русское посольство. Я исполнила свой долг и...

— Остановите ее! — воскликнул Холмс. Он бросился к ней и вырвал из ее рук маленькую склянку.

— Поздно, — сказала она, повалившись на кровать. — Я приняла яд, перед тем как выйти из убежища. Голова кружится. Я умираю. Прошу вас, сэр, не забудьте пакета.

— Простой случай, а между тем в некоторых отношениях весьма поучительный, — заметил Холмс, когда мы возвращались в город. — Все дело зависело от пенсне. Если бы не счастливая случайность, что умирающий секретарь в последнюю секунду схватил его, я не убежден, что мы бы нашли решение. Мне было ясно, что, лишившись таких сильных стекол, человек становится беспомощным и слепым. Помните, когда вы уверяли меня, что она и обратно прошла по той узкой полоске травы, ни разу не ступив в сторону, я сказал, что это был подвиг. Про себя я решил, что это невозможно, разве что, на наше несчастье, у нее оказалось в запасе второе пенсне. Тогда я стал серьезно обдумывать гипотезу, что обладательница пенсне находится в доме. Обнаружив сходство двух коридоров, я понял, что она очень легко могла спутать их. В таком случае, очевидно, она должна попасть в спальню процессора. Это соображение насторожило меня, и я тщательно осмотрел комнату, рассчитывая заметить в ней хоть какие-нибудь признаки тайника. Ковер был цельный и туго натянут на полу, и я отбросил мысль о люке. Могла быть ниша позади книг, это бывает в старинных библиотеках. Я обратил внимание, что книги навалены на полу повсюду, только не перед этим шкафом. Он, следовательно, мог служить дверью. Но никаких других знаков, подтверждающих мое предположение, не было. Тогда я опять обратил внимание на ковер. Он был серовато-коричневый, и я мог легко проделать один эксперимент. Для этого я выкурил несметное количество этих великолепных сигарет и усыпал весь пол возле подозрительного шкафа пеплом. Эта простая уловка оказалась очень эффективной. Потом мы пошли вниз и я, Уотсон, в вашем присутствии удостоверился (впрочем, вы не совсем поняли, куда клонят мои расспросы), что профессор стал есть гораздо больше. Это следовало ожидать, раз ему пришлось кормить еще одного человека. Затем мы снова поднялись в спальню. Рассыпав коробку с сигаретами, я получил возможность внимательно исследовать ковер и убедился, что в наше отсутствие узница покидала свое убежище. Ну, Хопкинс, вот и Чаринг-Кросс. Поздравляю вас с удачно расследованным делом. Вы, я не сомневаюсь, поедете отсюда прямо в Скотленд-Ярд. А наш путь, Уотсон, в русское посольство.

Пропавший регбист

The Adventure of the Missing Three-Quarter

First published in the Strand Magazine, Aug. 1904, with 7 illustrations by Sidney Paget, and in Collier's Weekly, Nov. 1904, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele.

Из множества загадочных телеграмм, приходивших на Бейкер-стрит, мне особенно запомнилась одна, которую принесли хмурым февральским утром лет семь или восемь назад. Телеграмма была адресована Шерлоку Холмсу, и в ней говорилось:

*«Подождите меня. Ужасное несчастье. Исчез правый трехчетвертной. Крайне необходим завтра.
Овертон».*

Целый час просидел Холмс, размышляя над ней в недоумении.

— Почтовый штемпель Стэнда, отправлена в десять тридцать шесть, — сказал Холмс, снова и снова перечитывая телеграмму.

— Должно быть, мистер Овертон очень волновался, и телеграмма получилась не совсем понятной. Ну что ж, мы подождем его и тогда все узнаем. А пока я читаю сегодняшний «Таймс». Со скуки я готов взяться за самое пустячное дело.

Мы действительно переживали один из периодов бездействия. Это всегда доставляло мне немало беспокойства, ибо я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг. Много лет я боролся с его пристрастием к наркотикам, которое одно время чуть было не погубило его поразительный талант. И теперь, даже в состоянии безделья, он не испытывал влечения к этому искусственному возбудителю. Но я понимал, что опасная привычка не уничтожена совсем, она дремлет; и всякий раз, как я замечал его осунувшееся аскетическое лицо и беспокойный блеск в глубоко посаженных глазах, я чувствовал, что сон неглубок и пробуждение близко. И я благословлял этого мистера Овертона, кто бы он ни был, нарушившего своей загадочной телеграммой покой моего друга, который грозил ему большими бедствиями, чем все опасности его спокойной жизни.

Как мы и предполагали, вскоре за телеграммой появился и ее отправитель. О его прибытии возвестила визитная карточка, на которой стояло: мистер Сирил Овертон, Тринити-колледж (Кембридж).

Задевая плечами косяки двери, в комнату вошел человек богатырского телосложения — не меньше двухсот фунтов крепких мускулов и костей. Он остановился, переводя взгляд с меня на Холмса; его красивое лицо выражало крайнюю озабоченность.

— Мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился.

— Я к вам прямо из Скотленд-Ярда, мистер Холмс. Я видел там инспектора Стэнли Хопкинса. Он посоветовал мне обратиться к вам, сказав, что это дело скорее по вашей части.

Прошу вас, садитесь и расскажите, что случилось.

— Это ужасная история, мистер Холмс. Удивляюсь, как я еще не поседел. Вы, конечно, слышали о Годфри Стонтоне. На нем держится вся команда. Я готов отдать за него двух лучших игроков. Как он ведет мяч, пасует, какие применяет захваты! И при этом у него отличная голова: его слово для ребят закон! Без него нам нельзя, мистер Холмс. У нас, правда, есть Мурхаус, первый запасной. Но он полузащитник и всегда лезет в свалку, а не стоит, где ему положено, у боковой линии. Он отлично бьет по воротам, ничего не скажешь. Но поля он не видит. И бегаёт плохо. За оксфордскими нападающими, за Мортонем или Джонсоном ему не угнаться! У Стивенсона быстрые ноги, но он не может бить с двадцати пяти ярдов, а кому нужен такой трехчетвертной, даже если он хорошо бегаёт? Короче говоря, мистер Холмс, если вы не поможете мне найти Годфри Стонтон, мы пропали.

Мой друг с живым интересом выслушал эту длинную горячую речь, каждое положение которой подкреплялось энергичным ударом мускулистой руки по колену. Когда посетитель умолк, Холмс дотянулся рукой до картотеки и положил на колени ящичек на букву «С». Но на сей раз это вместилище разнообразных сведений обмануло его надежды.

— Здесь значится Артур Х. Стонтон, приобретающий известность мошенник, — сказал он. — Есть также Генри Стонтон, которого вздернули на виселицу не без моей помощи. Но имя Годфри Стонтон я слышу впервые.

Теперь пришла очередь удивиться посетителю.

— Как, вам, всеведущему Шерлоку Холмсу, неизвестно это имя?! — воскликнул он. — В таком случае, надо полагать, что имя Сирила Овертона вам также ни о чем не говорит?

Холмс с добродушной улыбкой покачал головой.

— О боже! — вскричал атлет. — Ведь я был первым запасным в матче Англия — Уэльс, а с этого года капитан университетской команды. Но это неважно. Не думал я, что в Англии найдется хоть один человек, который не слышал о Годфри Стонтоне. Ведь это знаменитый трехчетвертной — гордость Кембриджа и Блэкхита, участник пяти международных встреч! Боже мой! Мистер Холмс, где вы были все это время?

Холмс рассмеялся наивности молодого гиганта.

— Мистер Овертон, вы живете в своем мире, чистом и здоровом, я живу в своем. Моя профессия сталкивала меня с людьми из разных слоев общества, но, слава богу, ни разу со спортсменами-любителями, этой самой лучшей и самой здоровой частью населения Англии. Однако ваш неожиданный приход говорит о том, что в этом мире свежего воздуха и честной игры есть работа и для меня. Итак, дорогой сэр, прошу вас сесть и рассказать мне не спеша и возможно более подробно, что произошло и чем я могу вам помочь.

Молодое лицо Овертона приняло напряженное выражение, как бывает у людей, привыкших действовать силой, а не умом. Но мало-помалу с многочисленными повторениями и неясными местами, которые я опушу, он поведал нам свою странную историю.

— Как я уже говорил, — начал Овертон, — я капитан команды Кембриджского университета, и Годфри Стонтон — мой лучший игрок. Завтра у нас матч с Оксфордским университетом. Вчера мы приехали в Лондон и остановились в гостинице «Бентли». В десять часов вечера я обошел все комнаты и лично убедился, что все ребята на месте; я считаю, что успех команды зависит не только от усиленных тренировок, но и от крепкого многочасового сна. Я поговорил с Годфри, и мне показалось, что он бледен и как будто чем-то обеспокоен. Я спросил, что с ним, он ответил, что все в порядке, — просто немного болит голова, и я пожелал ему спокойной ночи. А спустя полчаса ко мне в номер зашел портье и сказал, что в гостиницу только что приходил какой-то бородатый че-

ловец, по виду из простых, и попросил передать Годфри записку. Годфри еще не спал. Прочитав записку, он, словно пораженный громом, откинулся на спинку кресла. Перепуганный портье хотел позвать меня, но Годфри остановил его, потом выпил стакан воды и немного пришел в себя. Затем он спустился вниз, сказал несколько слов человеку, ожидавшему ответа, и они оба покинули гостиницу. Портье видел, как они чуть не бегом бросились к Стрэнду. Утром я зашел в комнату Годфри: его там не было, и, судя по нетронутой постели, не было всю ночь; вещи все оставались на тех же местах, как я их видел накануне вечером. Годфри ушел неизвестно куда и неизвестно с кем, и мне почему-то кажется, что он никогда больше не вернется. Годфри — спортсмен до мозга костей, он не мог бы из-за пустяков бросить тренировки. Не в его правилах подводить команду и капитана. Да, у меня такое предчувствие, что он исчез навсегда и мы никогда больше его не увидим.

Шерлок Холмс с глубоким вниманием выслушал этот рассказ.

— Вы что-нибудь предприняли? — спросил он.

— Я отправил телеграмму в Кембридж, чтобы узнать, не появлялся ли он там. Мне ответили, что в Кембридже его нет.

— Мог ли он вчера попасть в Кембридж?

— Да, ночным поездом одиннадцать часов пятнадцать минут.

— Но, насколько вы можете судить, он не воспользовался этим поездом?

— На вокзале его не видели.

— Что вы стали делать дальше?

— Я послал телеграмму лорду Маунт-Джеймсу.

— Почему именно ему?

— Годфри — сирота. Лорд Маунт-Джеймс — его близкий родственник, кажется, дядя.

— Вот как. Это по-новому освещает дело. Ведь лорд Маунт-Джеймс — один из самых богатых людей в Англии.

— Да, Годфри как-то вскользь говорил об этом.

— У лорда есть еще родственники?

— Нет, Годфри — его единственный наследник. Старику уже около восьмидесяти, он страдает подагрой. Говорят, он мог бы суставами мелить бильярдный кий. Он ужасный скряга, никогда не давал Годфри ни шиллинга. Но со временем все так или иначе перейдет к Годфри.

— Вы получили ответ от лорда?

— Нет.

— Что могло заставить вашего друга обратиться к лорду?

— Вчера вечером он был чем-то озабочен. Если из-за денег, то, возможно, он и обратился к старику. Ведь у того их куры не клюют. Но, по-моему, это дело безнадежное. И Годфри это знал, он почти никогда ни за чем не обращался к старику.

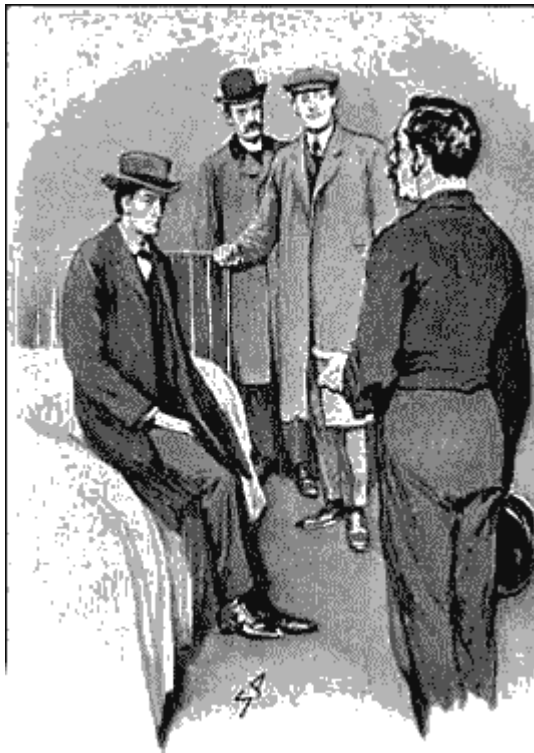
— Ну, это скоро выяснится. А теперь допустим, что он поехал к лорду. Тогда как вы объясните появление этого субъекта в столь поздний час, и почему оно так подействовало на Годфри.

— Для меня все это полнейшая загадка, — ответил Сирил Овертон, сжав голову руками.

— Ну ладно. У меня сегодня свободный день, и я с удовольствием займусь вашим делом, — сказал Холмс. — А вам бы я посоветовал подумать о том, как провести матч без этого молодого человека. Как вы сами заметили, столь таинственное исчезновение должно иметь причину: и эта причина может задержать его неизвестно сколько времени. А сейчас в гостиницу, может, портье вспомнит еще что-нибудь.

Шерлок Холмс обладал счастливым даром располагать к себе самых робких свидетелей. Вместе с портье мы отправились в опустевшую комнату Годфри Стонтон, и тот очень скоро рассказал ему все, что мог вспомнить о ночном посетителе. Это был мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, с бледным лицом и седой бородой. Он не походил ни на джентльмена, ни на рабочего. Портье про него сказал: «...ни то ни се». Он был очень взволнован — портье заметил, как дрожала его рука, когда он протянул ему записку. Годфри Стонтон, прочитав принесенную портье записку, сунул ее в карман. Выйдя в холл, он не подал руки посетителю. Они только обменялись несколькими фразами, портье разобрал лишь слово «время». Потом оба поспешно покинули гостиницу. На часах в холле было ровно половина одиннадцатого.

- Еще несколько вопросов, — сказал Холмс, садясь на кровать Стонтонна. — Вы дежурите днем, не так ли?
- Да, сэр. Я работаю до одиннадцати часов вечера.
- Ночной портье, надеюсь, ничего необычного не заметил?
- Нет, сэр. Только несколько человек вернулись поздно из театра. Больше никто не приходил.
- Вы вчера никуда не отлучались из гостиницы?
- Нет, сэр.
- Были ли для мистера Стонтонна письма или телеграммы?
- Да, сэр, телеграмма.
- Вот как, это интересно. В котором часу?
- Около шести.
- Где мистер Стонтон получил ее?
- У себя в комнате.
- Вы видели, как он читал ее?
- Да, сэр: я ждал, не будет ли ответа.
- Ну и как?
- Он написал ответ, сэр.
- Вы отнесли его на почту?
- Нет, он отнес сам.
- Но он написал его в вашем присутствии?
- Да, сэр. Я стоял у двери, а он сидел за столом, спиной ко мне. Когда он кончил писать, он сказал: «Можете идти, я отправлю ответ сам».
- Чем он писал ответ?
- Пером, сэр.
- Он взял телеграфный бланк со стола?
- Да, сэр. Он писал на верхнем бланке.

Холмс взял бланки и, подойдя к окну, тщательно осмотрел верхний.

— Жаль, что он не писал карандашом, — разочарованно сказал он, бросив бланки на стол. — Вы ведь, Уотсон, не раз, наверное, замечали, что буквы, написанные карандашом, четко отпечатываются на следующем листе — это обстоятельство разрушило немало счастливых браков. Ну,

а здесь, к сожалению, нет никаких следов. Это значит, что он писал мягким широким пером. И я почти уверен, что в этом случае нам может помочь пресс-папье. Ага! Вот то, что нам нужно!

Он сорвал лист промокательной бумаги, и мы увидели на ней загадочные иероглифы.

— Поднесите к зеркалу! — заволновался Сирил Овертон.

— Не нужно, — сказал Холмс. — Бумага тонкая, мы увидим текст на обратной стороне.

Он перевернул листок, и мы прочитали:

«Помогите нам, ради всего святого».

— Это последние слова телеграммы, которую Годфри Стонтон отправил за несколько часов до исчезновения. Не хватает по меньшей мере шести слов. Но и то, что есть, свидетельствует о серьезной опасности, угрожавшей молодому человеку, от которой кто-то мог бы защитить его. Причем, опасность угрожала двоим — в телеграмме стоит «нам», а не «мне». Так что замешан еще один человек. И это, конечно, ночной посетитель Годфри Стонтон, который сам был в крайнем смятении. Но что у него может быть с ним общего? И кто этот третий, кому была послана мольба о помощи? Вот с него-то мы и начнем наши поиски.

— Значит, первым делом надо узнать, кому послана телеграмма, — предположил я.

— Совершенно верно, мой дорогой Уотсон. Эта глубокая мысль и мне пришла в голову. Но разве вам неизвестно, что если мы явимся на почту и потребуем корешок телеграммы, то служащие едва ли пойдут нам навстречу. Столько еще у нас бюрократизма! Однако, если взяться за дело с умом и тактом, то можно, пожалуй, надеяться на успех. А теперь, мистер Овертон, я хотел бы в вашем присутствии просмотреть бумаги, оставленные на столе.

Холмс переворачивал быстрыми, тонкими пальцами письма, счета и записные книжки, изучая их живым, пронизательным взглядом.

— Ничего интересного, — сказал он наконец. — кстати, ваш друг, кажется, не жаловался на здоровье. Его ничего не беспокоило?

— Нет, он здоров как бык.

— Вы когда-нибудь видели его больным?

— Ни разу. Однажды он расшиб ногу, и еще как-то у него сместилась коленная чашечка, но все это пустяки.

— И все-таки, возможно, он не так уж здоров, как вам кажется. По-моему, он чем-то болен, но держит это в тайне. С вашего согласия я захвачу с собой некоторые бумаги, они могут понадобиться нам в дальнейшем.

— Одну минуту, — послышался скрипучий голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях смешного старичка, размахивающего руками. На нем был порыжелый сюртук с развязавшимся белым галстуком и цилиндр с необычайно широкими полями. Он был похож на деревенского священника или наемного плакальщика. Но, несмотря на этот жалкий, почти нелепый вид, его резкий голос и решительные манеры выдавали в нем человека, привыкшего повелевать.

— Кто вы такой, сэр, и по какому праву берете бумаги этого джентльмена? — спросил он.

— Я частный сыщик. Хочу найти причину его исчезновения.

— Ах вон оно что! А кто вас об этом просил?

— Вот этот джентльмен, друг мистера Стонтонна. Его направили ко мне из Скотленд-Ярда.

— Кто вы такой, сэр?

— Я Сирил Овертон.

— Значит, это вы послали мне телеграмму. Я лорд Маунт-Джеймс. Получив ее, я с первым же omnibusом отправился сюда. Значит, это вы наняли сыщика?

— Да, сэр.

— И вы готовы платить?

— Я не сомневаюсь, что мой друг Годфри оплатит счет.

— А если вы его не найдете? Что тогда, отвечайте!

— В таком случае его родные, несомненно...

— Ни в коем случае, сэр! — взвизгнул старик. — И не думайте, что я заплачу вам хоть пенни. Так и знайте, мистер сыщик. Я единственный родственник этого молодого человека, и я заявляю, что меня все это не касается. Если у него есть виды на наследство, то только потому, что я никогда не бросал денег на ветер и сейчас не собираюсь этого делать. Что же касается бумаг, с которыми вы так бесцеремонно обращаетесь, то должен сказать, что если они представляют какую-нибудь ценность, вы будете по всей строгости отвечать за каждый пропавший листок.

— Отлично, сэр, — сказал Шерлок Холмс. — Но позвольте спросить, нет ли у вас каких-либо соображений, куда мог деться молодой человек.

— Никаких соображений! Он достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе. И если у него хватило ума потеряться, пусть пеняет на себя. Я категорически отказываюсь участвовать в его розысках.

— Я понимаю вас, — сказал Холмс, и в его глазах сверкнул злой огонек. — Но вы, кажется, не совсем меня понимаете. Годфри Стонтон небогат. И если его похитили, то вовсе не для того, чтобы завладеть его состоянием. Молва о вашем богатстве, лорд Маунт-Джеймс, распространилась даже за границей. Не исключено поэтому, что вашего племянника похитили бандиты, которые надеются выведать у него план вашего дома, ваши привычки и где вы храните драгоценности.

Лицо нашего неприятного посетителя стало белым, как его галстук.

— Боже мой, сэр, я никогда не думал, что люди способны на такое! Каких только мерзавцев нет на свете! Но Годфри — стойкий парень, он не предаст своего дядю. Впрочем, я сегодня же вечером отвезу в банк фамильное серебро. А вы, мистер сыщик, не жалейте, пожалуйста, сил. Во чтобы то ни стало найдите его целым и невредимым. Что же касается денег — ну, скажем, пять или даже десять фунтов, — можете всегда рассчитывать на меня.

Но даже сейчас, в эту минуту просветления, титулованный скряга ничем не мог нам помочь, ибо почти ничего не знал о своем племяннике. Единственный ключ к тайне по-прежнему содержался в последних словах телеграммы, и Холмс с ее помощью надеялся нащупать следующее звено. Наконец лорд Маунт-Джеймс ушел. Ушел и Овертон, чтобы вместе с командой обсудить свалившуюся на них беду. Рядом с гостиницей была почта, и мы остановились перед ней.

— Стоит рискнуть, Уотсон, — сказал Холмс. — Конечно, с ордером на руках я мог бы просто потребовать, чтобы мне показали корешки, но до этой стадии еще далеко. Я думаю, что они вряд ли запомнили его лицо в этой беспрестанной сутолоке. Рискнем!

— Простите за беспокойство, — обратился он через окошко к молодой девушке, пустив в ход все свое обаяние. — Вчера я отправил телеграмму и боюсь, что сделал в ней большую ошибку. Почему-то задерживается ответ, уж не забыл ли я подписаться. Могли бы вы проверить?

Девушка взяла пачку корешков.

— В котором часу вы отправили телеграмму? — спросила она.

— Сразу же после шести...

— Кому?

Холмс прижал палец к губам и оглянулся на меня.

— Она кончается словами: «...ради всего святого», — прошептал он. — Пожалуйста, я очень беспокоюсь.

Девушка отделила одну из телеграмм.

— Вот она. Фамилии действительно нет, — сказала она, разглаживая ее на стойке.

— Я так и знал, — сказал Холмс. — Боже, какой я идиот! До свидания, мисс, премного вам благодарен. У меня словно гора с плеч свалилась.

Когда мы вышли на улицу, он довольно засмеялся, потирая руки.

— Ну? — спросил я.

— Все хорошо, дорогой Уотсон! У меня в запасе было семь разных способов, как подобраться к телеграмме. Но я меньше всего ожидал, что повезет с первого раза.

— Что же вы узнали?

— Узнал отправной пункт наших исследований. Вокзал Кингс-Кросс, — сказал он кучеру подъехавшего к нам кэба.

— Значит, мы уезжаем из Лондона?

— Да, в Кембридж. Все говорит о том, что надо искать в этом направлении.

— Скажите, пожалуйста. Холмс, — начал я, когда кэб громыхал по Грэйс-Инн-роуд, — составили ли вы себе представление, почему исчез Годфри Стонтон? Мне кажется, что ни в одном вашем деле мотивы не были столь туманны. Вы вряд ли верите, что его похитили, зарясь на деньги его богатого дядюшки.

— Признаюсь, дорогой Уотсон, мне это действительно кажется маловероятным. Я выдвинул такую версию, чтобы расшевелить этого в высшей степени неприятного старика.

— И вам это как нельзя лучше удалось. Но все-таки, Холмс, что случилось с молодым человеком?

— У меня есть несколько идей. Во-первых, молодой человек исчезает накануне важного матча. Факт немаловажный, если учесть, что он лучший игрок команды. Это может быть простым совпадением, а может, и нет. Любительский спорт — зрелище, на котором не принято заключать пари. И все-таки многие заключают. Значит, есть люди, которым выгодно вывести Стонтонна из игры. Ведь случается же, что перед скачками исчезает лучшая лошадь. Это первая версия. Вторая основывается на том очевидном факте, что молодой человек скоро станет обладателем громадного состояния, хотя в настоящее время его средства ничтожны. Можно предположить поэтому, что он стал жертвой

шайки, которая потребует за него крупный выкуп.

— Но эти версии не объясняют телеграммы.

— Совершенно верно, Уотсон. Телеграмма пока остается единственной реальной уликой, и мы не должны отвлекаться от нее. Поэтому мы и едем в Кембридж. Там мы узнаем, какую роль играет телеграмма в этом деле. Дальнейший ход расследований пока неясен, но я буду очень удивлен, если к вечеру все или почти все не разъяснится.

Мы приехали в старый университетский городок с наступлением темноты. На вокзале Холмс нанял кэб и приказал кучеру ехать к дому доктора Лесли Армстронга. Спустя несколько минут наш кэб остановился у большого особняка на оживленной улице. Мы вошли в холл и, после долгого ожидания, были приглашены в приемную доктора.

Имя доктора Лесли Армстронга было мне незнакомо, что достаточно ясно показывает, как далеко я был в то время от медицины. Теперь я знаю, что он не только один из лучших профессоров медицинского факультета, но и ученый с европейским именем, внесший значительный вклад в целый ряд наук. Даже ничего не слышав о его ученых заслугах, а только раз взглянув на него, можно было с уверенностью сказать, что он человек выдающийся. У него было крупное, волевое лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд из-под густых бровей, массивный, как гранитная глыба, подбородок. Это был человек с острым умом и сильным характером: суровый, аскетический, сдержанный и даже внушающий робость. Он повертел в руках визитную карточку моего друга и неприветливо посмотрел на нас.

— Я слышал о вас, мистер Холмс, и о вашей деятельности и должен сказать, что я не одобряю ее.

— В этом вы единодушны, доктор, со всеми преступниками Англии, — спокойно ответил мой друг.

— Само собой разумеется, что, когда ваши усилия направлены на искоренение преступности, вас должны поддерживать все здравомыслящие члены общества. Хотя, смею думать, официальные власти достаточно компетентны в своем деле. Достоин же осуждения то, что вы суетесь в чужие тайны, извлекаете на свет божий семейные драмы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза, и наконец отвлекаете от дела людей, более вас занятых. Сейчас, например, вместо того, чтобы беседовать с вами, я должен был бы писать научный трактат.

— Несомненно, доктор. И все же наша беседа может оказаться более важной, чем любой трактат. Между прочим, доктор, мы делаем как раз обратное тому, что вы так справедливо осуждаете. Мы охраняем от огласки чужие тайны, что неизбежно происходит, если дело попадет в руки поли-

ции. Считайте меня партизанским отрядом, что ли, действующим отдельно от регулярных сил. Так вот, я сегодня приехал к вам поговорить о мистере Годфри Стонтоне.

— А что с ним случилось?

— Вы его знаете, не так ли?

— Он мой близкий друг.

— Вам известно о его исчезновении?

— Об исчезновении? — Суровое лицо доктора не дрогнуло.

— Он ушел из гостиницы вчера вечером, и больше его не видели.

— Он, несомненно, вернется.

— Завтра матч университетских команд.

— Мне нет дела до этих детских забав. Судьба молодого человека действительно не безразлична мне, потому что я знаю его и люблю, а регби — это не по моей части.

— Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь. Я тоже обеспокоен судьбой мистера Стонтонна. Вам известно, где он находится?

— Нет, конечно.

— Вы видели его вчера или сегодня?

— Нет.

— Какого вы мнения о здоровье мистера Стонтонна?

— Он абсолютно здоров.

— Жаловался ли он когда-нибудь на недомогание?

— Ни разу.

Холмс вынул листок бумаги и показал его доктору.

— Как тогда вы объясните происхождение этой квитанции на тринадцать гиней, уплаченных в прошлом месяце мистером Годфри Стонтонном доктору Лесли Армстронгу из Кембриджа? Я нашел ее на письменном столе Стонтонна среди прочих бумаг.

Лицо доктора налилось кровью.

— Я не вижу необходимости давать вам объяснения, мистер Холмс.

Холмс спрятал квитанции в записную книжку.

— Вы, по-видимому, предпочитаете давать объяснения перед публикой, — сказал он. — А я ведь вам уже говорил, что гарантирую сохранение тайны. Вы поступили бы гораздо благоразумнее, если бы вполне доверились мне.

— Я ничего не могу сказать об этой квитанции.

— Имели вы от Стонтонна какое-либо известие с тех пор, как он уехал в Лондон?

— Нет.

— Ох, уж эта почта! — сокрушенно вздохнул Холмс. — Вчера вечером в шесть часов пятнадцать минут Годфри Стонтон послал вам срочную телеграмму, которая, несомненно, связана с его исчезновением, и вам до сих пор ее не принесли. Это — возмутительное безобразие! Я сейчас же пойду в местное почтовое отделение и подам жалобу.

Доктор Лесли Армстронг вскочил на ноги, его темное лицо побагровело от гнева.

— Потрудитесь немедленно покинуть мой дом, сэр, — сказал он. — И передайте вашему хозяину, лорду Маунт-Джеймсу, что я не желаю иметь никаких дел ни с ним, ни с его агентами. — Он неистово зазвонил в колокольчик. — Джон, проводи этих джентльменов.

Напыщенный дворецкий только что не вытолкнул нас, и мы оказались на улице. Холмс рассмеялся.

— Да, доктор Лесли Армстронг — действительно решительный и энергичный человек, — сказал он. — Он с успехом мог бы заменить профессора Мориарти, направь он свои таланты по другому руслу. Итак, мой бедный Уотсон, мы одиноки и неприкаянны в этом негостеприимном городе. А ведь уехать отсюда мы не можем. Это значит отказаться от поисков. Смотрите, прямо напротив дома Армстронга, как нельзя более кстати, гостиница. Снимите комнату с окнами на улицу и купите еды, а я между тем наведу кое-какие справки.

Наведение справок заняло у Холмса больше времени, чем он предполагал, и в гостиницу он вернулся лишь к девяти часам. Он был в плохом расположении духа, бледен, весь в пыли

и валился с ног от голода и усталости. На столе его ждал холодный ужин. Утолив голод, он раскурил трубку и приготовился в своем обычном полушутливом тоне рассказывать о своих неудачах, к которым он всегда относился с философским спокойствием. Вдруг на улице послышался скрип колес экипажа, Холмс поднялся и выглянул в окно. Перед домом доктора в свете газового фонаря стояла карета, запряженная парой серых лошадей.

— Доктор отсутствовал три часа, — сказал Холмс, — он уехал в половине седьмого и вот только что вернулся. Значит, он был где-то в радиусе десяти — двенадцати миль. Он ездит куда-то каждый день, а иногда даже два раза в день.

— Это не удивительно, ведь он практикующий врач.

— В том-то и дело, что Армстронг не практикующий врач. Он профессор и консультант, а практика только отвлекла бы его от научной работы. Зачем же ему понадобилось совершать эти длинные и утомительные поездки? Кого он навещает?

— Его кучер мог бы...

— Мой дорогой Уотсон, к кучеру я первым делом и обратился. Но он спустил на меня пса: не знаю, чем это объяснить — то ли его собственным свирепым нравом, то ли приказом хозяина. Однако вид моей трости не очень понравился ни кучеру, ни собаке, и инцидент на этом был исчерпан. Наши отношения после этого настолько обострились, что о каких-либо расспросах не могло быть и речи. Но, к счастью, во дворе гостиницы я разговорился с одним славным малым — местным жителем, он-то и рассказал мне о привычках доктора и его ежедневных поездках. Во время нашего разговора, словно в подтверждение его слов, к дому доктора подъехала карета.

— И вы решили следовать за ней?

— Чудесно, Уотсон! Вы сегодня бесподобны, именно это я и решил. Рядом с нашей гостиницей, как вы, вероятно, заметили, есть магазин, торгующий велосипедами. Я бросился туда, взял напрокат велосипед и покатил за каретой, которая была уже довольно далеко. Я быстро нагнал ее и, держась на расстоянии около ста ярдов, следовал за ее фонарем. Так мы выехали из города и уже отъехали довольно далеко, когда случилось неожиданное: карета остановилась, из нее вышел доктор и, решительным шагом приблизившись ко мне, язвительно заметил, что, поскольку дорога узкая, он не хотел бы своей каретой загораживать мне путь. Он был неподражаем. Я проследовал мимо кареты и, отъехав несколько миль, остановился. Я ждал долго — карета словно сквозь землю провалилась. «Наверное, свернула на одну из проселочных дорог», — решил я и покатил обратно. Кареты и след простыл. Доктор вернулся, как видите, только сейчас. Сначала я никак не связывал эти поездки с исчезновением Годфри Стонтонна, меня просто интересовало все, что касается доктора Армстронга. Но хитрость доктора меня насторожила. И я не успокоюсь, пока все не узнаю.

— Попытаемся выследить его завтра.

— Сможем ли? Это не так просто. Вы ведь не знаете окрестностей Кембриджа! Укрыться на этой плоской, как стол, местности негде, а человек, которого мы хотим выследить, вовсе не глуп, как он это ясно показал сегодня. Я отправил телеграмму Овертону, чтобы он сообщил, не случилось ли в Лондоне чего нового. А пока сосредоточим все внимание на докторе Армстронге: ведь это его имя я прочитал на корешке телеграммы благодаря любезности телеграфистки. Я готов поклясться, он знает, где находится Стонтон. А если знает он, то должны узнать и мы. Надо признаться, что счет пока в его пользу, а вы хорошо знаете, Уотсон, что не в моих правилах бросать игру на этой стадии.

Но и следующий день не приблизил нас к решению загадки. После завтрака нам принесли записку, и Холмс с улыбкой протянул ее мне. Вот что в ней было:

«Сэр, смею вас заверить, что, преследуя меня, вы теряете время. Как вы убедились прошлой ночью, в задке моей кареты есть окно, и если вас не пугает двадцатимильная прогулка, конечным пунктом которой будут ворота вашей гостиницы, то можете смело следовать за мной. Но должен вам сказать, что слежка за мной никоим образом не поможет мистеру Годфри Стонтону. Я уверен, что лучшей услугой, какую вы могли бы оказать этому джентльмену, было бы ваше немедленное возвращение в Лондон. Скажите вашему хозяину, что вам не удалось напасть на его след. В Кембридже вы ничего не добьетесь.»

Искренне ваш Лесли Армстронг.

— Да, доктор прямодушный и честный противник, — сказал Холмс. — Но он разжег мое любопытство, и я не уеду отсюда, пока не узнаю, куда и зачем он ездит.

— Карета уже у его дверей, — сказал я. — А вот и он сам. Взглянул на наше окно. Садится в карету. Может, мне попытаться счастья на велосипеде?

— Нет, нет, мой дорогой Уотсон! При всем моем уважении к вашей природной сообразительности должен сказать, что доктор вам не по плечу. Я уж как-нибудь сам постараюсь с ним управиться. Боюсь, что вам пока придется заняться чем-нибудь другим, ибо появление двух любопытствующих незнакомцев в окрестностях Кембриджа вызвало бы нежелательные толки. Вы, несомненно, найдете много интересного в этом почтенном городе, а я постараюсь принести вечером более благоприятные вести.

Но и в этот день моему другу не повезло. Он вернулся поздно вечером, усталый и разочарованный.

— Весь день потратил впустую, Уотсон. Зная направление поездок доктора, я объездил все тамошние деревни, разговаривал с трактирщиками и другими осведомленными людьми. Я обошел Честертон, Хистон, Уотербич и Окингтон, и везде меня постигла неудача. Ежедневное появление кареты наверняка не осталось бы незамеченным в этом «сонном царстве». Словом, счет два — ноль в пользу доктора. Телеграммы не было?

— Была, я ее распечатал, вот она: «Помпей. Обратитесь Джереми Диксону Тринити-колледж», — и ничего не понял.

— Ну, это ясно. Телеграмма от нашего друга Овертона. Ответ на мой вопрос. Сейчас я пошлю записку мистеру Джереми Диксону. Уверен, что на этот раз счастье, несомненно, улыбнется нам. Кстати, как прошел матч?

— В сегодняшней вечерней газете помещен подробный отчет о матче. Выиграл Оксфорд. Вот чем кончается отчет: «Поражение светло-голубых объясняется отсутствием прославленного игрока международного класса Годфри Стонтонна. Оно дало о себе знать на первых же минутах встречи. Отсутствие комбинационной игры в трехчетвертной линии, вялость в нападении и обороне свели на нет усилия этой сильной и дружной команды».

— Значит, беспокойство нашего друга Овертона имело основания, — сказал Холмс. — Но лично я разделяю мнение доктора. Мне тоже нет никакого дела до регби. А сейчас спать, Уотсон, завтра нам предстоит хлопотливый денек.

Я пришел в ужас, когда, проснувшись на следующее утро, увидел Холмса у камина с небольшим шприцем в руках. Шприц ассоциировался у меня с его единственной слабостью, и я решил, что мои худшие опасения оправдались. Увидев ужас на моем лице, Холмс рассмеялся и положил шприц на стол.

— Нет, нет, дорогой друг, не надо беспокоиться. Шприц на этот раз не орудие зла, это скорее ключ к разгадке тайны. Я возлагаю на него большую надежду. Все пока что благоприятствует нам. Я только что совершил небольшую вылазку. А теперь позавтракайте поплотнее, Уотсон, ибо сегодня мы возьмем след доктора Армстронга. И я не позволю ни себе, ни вам ни минуты отдыха, пока мы не загоним его в нору.

— Тогда давайте захватим завтрак с собой. Я не успею поесть: ведь доктор сию минуту уедет. Карета уже у дверей.

— Сегодня это неважно. Пусть едет. Он будет семи пядей во лбу, если ему удастся ускользнуть от нас. Когда позавтракаете, мы спустимся вниз, и я познакомлю вас с одним замечательным сыщиком.

Мы сошли вниз, и Холмс повел меня в конюшню. Открыв стойло, он вывел приземистую и вислоухую пегую собаку-ищейку.

— Позвольте представить вам Помпея, — сказал он, — гордость местных охотников. Судя по его сложению, он не шибкий бегун, но зато он отлично держит след. Ну, Помпей, хотя ты и не очень быстр, но, думаю, двум лондонцам среднего возраста будет нелегко угнаться за тобой, поэтому я позволю себе прикрепить к твоему ошейнику этот кожаный поводок. А теперь вперед, покажи,

на что ты способен.

Он подвел Помпея к дому доктора. Собака понюхала землю и, натянув повод, с визгом рванулась по улице. Спустя полчаса мы были за городом.

— Что это значит. Холмс? — спросил я.

— Старый, избитый прием, но порой дает отличные результаты. Сегодня утром я заглянул во двор к доктору и облил из шприца заднее колесо кареты анисовым маслом. Помпей будет гнать за ним хоть до самого Джон-о'Гротса¹². Чтобы сбить его со следа, нашему другу пришлось бы в карете переправляться через Кэм. Ах, какой хитрец! Вот почему ему удалось улизнуть тогда ночью!

Собака вдруг круто свернула с дороги на поросший травой проселок. Через полмили он вывел нас на другое шоссе. След круто повернул вправо. Дорога обогнула город с востока и повела в направлении, противоположном тому, в каком мы начали преследование.

— Значит, этот крюк он сделал исключительно ради нас, — сказал Холмс. — Не удивительно, что мои вчерашние поиски ни к чему не привели. Доктор играет по всем правилам. Интересно, что его заставляет прибегать к таким хитростям? Вон там, справа, должно быть, Трампингтон. Смотрите. Уотсон. А, карета! Скорее, скорее, иначе все пропало!

Он бросился в ближайшую калитку, увлекая за собой упирающегося Помпея. Едва мы укрылись за живой изгородью, как карета промчалась мимо. На мгновение я увидел доктора Армстронга. Он сидел сгорбившись, обхватив руками голову, — живое воплощение горя. Взглянув на помрачневшее лицо моего спутника, я понял, что и он заметил состояние доктора.

¹² Джон о'Гротс — самая северная точка Шотландии.

— Боюсь, как бы наши поиски не имели печального конца, — сказал он. — Но мы сейчас все узнаем. Помпей, вперед! Вон к тому дому!

Сомнений не было: мы достигли цели. Помпей, взвизгивая, бегал у ворот, где еще виднелись следы экипажа. Холмс привязал собаку к плетню, и мы по дорожке поспешили к дому. Мой друг постучал в невысокую, грубо сколоченную дверь, подождал немного и постучал снова. В доме кто-то был, оттуда доносился стон, полный безысходного отчаяния и горя. Холмс в нерешительности постоял у двери, потом оглянулся на дорогу. По ней мчалась карета, запряженная парой серых лошадей.

— Доктор возвращается! — вскричал Холмс. — Скорее в дом. Мы должны узнать, в чем дело!

Он распахнул дверь, и мы оказались в холле. Стон усилился, перейдя в непрерывный отчаянный вопль. Он доносился откуда-то сверху. Холмс стремительно бросился туда, я за ним. Он толкнул полуоткрытую дверь, и мы в ужасе остановились перед открывшейся нашим глазам картиной.

На кровати недвижно лежала молодая красивая девушка. Ее спокойное бледное лицо обрамляли пышные золотистые волосы. Потускневшие широко открытые голубые глаза смотрели в потолок. В изножье кровати, зарывшись лицом в простыни, стоял на коленях молодой человек, тело его содрогалось от рыданий. Горе совсем убило его, он даже не взглянул в нашу сторону. Холмс положил ему руку на плечо.

— Вы мистер Годфри Стонтон?

— Да, да... Это я. Но вы пришли поздно. Она умерла.

Он, видимо, принял нас за врачей. Холмс пробормотал несколько слов соболезнования и попытался объяснить ему, сколько хлопот доставил он своим друзьям, когда на лестнице послышались шаги и в дверях появилось суровое, порицающее лицо доктора Армстронга.

— Итак, джентльмены, — сказал он, — вы добились своего и выбрали для вторжения самый подходящий момент. Я не хотел бы затевать ссору в присутствии усопшей, но знайте: будь я моложе, ваше чудовищное поведение не осталось бы безнаказанным.

— Простите, доктор Армстронг, но мне кажется, мы не совсем понимаем друг друга, — с достоинством отвечал мой друг.

— Не согласитесь ли вы спуститься вниз, где мы могли бы обсудить это печальное дело?

Через минуту мы сидели в гостиной.

— Я слушаю вас, сэр, — сказал доктор.

— Прежде всего я хочу, чтобы вы знали, что я не имею никакого отношения к лорду Маунт-Джеймсу, более того, этот старик мне глубоко несимпатичен. Поймите, если исчезает человек и ко мне обращаются за помощью, мой долг — разыскать его. Как только пропавший найден, миссия моя окончена. И если не был нарушен закон, то тайна, которой я невольно коснулся, навсегда останется тайной. В этом деле, как я полагаю, не было нарушения закона, и вы можете целиком рассчитывать на мою скромность. Ни одно слово о нем не проникнет на страницы газет.

Доктор Армстронг шагнул вперед и протянул Холмсу руку.

— Я ошибался в вас, мистер Холмс, — сказал он. — Вы настоящий джентльмен. Я оставил было несчастного Стонтонна наедине с его горем, но потом, благодарение богу, решил вернуться обратно: может, ему понадобится моя помощь. И это дало мне возможность узнать вас лучше. Вы достаточно осведомлены об этом деле, и мне не составит труда объяснить все остальное. Год назад Годфри Стонтон снимал квартиру в Лондоне. Он полюбил дочь хозяйки и вскоре женился на ней. Мир не видел женщины нежнее, красивее и умнее ее. Никто не постеснялся бы иметь такую жену. Но Годфри — наследник этого отвратительного скряги. И если бы он узнал о женитьбе племянника, он лишил бы его наследства. Я хорошо знаю Годфри и очень люблю его. Он в полном смысле слова прекрасный человек. И я всячески способствовал тому, чтобы сохранить его тайну. Благодаря этому уединенному дому и осторожности Годфри об их браке до сегодняшнего дня знали только два человека — я да еще преданный слуга, который сейчас ушел за врачом в Трампингтон. Некоторое время назад Годфри постиг страшный удар — его жена опасно заболела. Оказалась скоротечная чахотка. Годфри чуть не лишился рассудка от горя; но все-таки ему пришлось ехать в Лондон на этот матч, ибо он не мог объяснить своего отсутствия, не раскрыв тайны. Я пытался ободрить его, послав ему телеграмму. Он ответил мне, умоляя сделать все, чтобы спасти ее. Вам каким-то чудом удалось прочитать его телеграмму. Я не хотел говорить ему, как велика опасность, так как его присутствие здесь ничему бы не помогло, но я написал всю правду отцу девушки, а тот, позабыв благоразумие, рассказал обо всем Годфри. Годфри, все бросив, приехал сюда в состоянии, близком к безумию. И на коленях простоял у ее постели до сегодняшнего утра, пока смерть не положила конец ее страданиям. Вот и все, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что могу положиться на вашу скромность и на скромность вашего друга.

Холмс крепко пожал руку доктору.

— Пойдемте, Уотсон, — сказал он.

И мы вышли из этого печального дома навстречу бледному сиянию зимнего дня.

Убийство в Эбби-Грейндж

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озарила взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

— Вставайте, Уотсон, вставайте! — говорил он. — Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Черинг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры спешивших на работу мастеровых. Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натошак. И только выпив на вокзале горячего чая и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грейндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс! Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто в Вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстеса.

Преданный вам Стэнли Хопкинс».

— Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его приглашение оправдывалось, — сказал Холмс. — Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

— А почему бы вам самому не писать эти рассказы? — сказал я с некоторой запальчивостью.

— И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я очень занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

— Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстес мертв?

— Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон. Дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдывает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

— Из чего вы это могли заключить?

— Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотленд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых дверях мы увидели стройную молодую фигуру инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

— Троиц Рэндалов?

— Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло — и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

— Сэр Юстес, значит, мертв?

— Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

— Сэр Юстес Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

— Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледным и измученным. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физическое: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная — высокая строгая женщина — усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд и настороженное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

— Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс, — сказала она устало. — Не могли бы вы повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

— Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

— Я вздохну свободно только тогда, когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

— У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? — воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

— Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Юстеса Брэкенстолла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, ни к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, вей соседи, даже если бы я и попыталась это отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том — и это знают все, — что сэр Юстес сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пылкой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость — считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привстала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять:

— Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя Тереза спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстес удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Это моя обязанность, как я уже объяснила вам, на сэра Юстеса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняла, что дверь открыта настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть,

но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться — так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидели первым, схватил из-за каминной решетки кочергу и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других — молодые парни. Возможно, это были отец и сыновья. Поговорив шепотом о чем-то, они ко мне подошли, чтобы проверить, крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услышала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены, и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять эту столь горестную для меня историю.

— Вы хотели бы что-то спросить, мистер Холмс? — сказал Хопкинс.

— Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем, — сказал Холмс. — Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ, — обратился он к горничной.

— Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом, — сказала она. — Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у створочки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а комната была забрызгана мозгами и кровью. И даже у нее на платье была кровь. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грейндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

— Она прожила с ней всю жизнь, — сказал Хопкинс. — Няничла ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным собранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкенстолл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

— Видимо, этот старший Рэндол — могучий мужчина, — заметил он.

— Да, — сказал Хопкинс. — У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

— Вам будет нетрудно его взять.

— Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну, теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

— В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

— Наверное, думали, — высказал я предположение, — что она не скоро придет в себя.

— Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

— Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замяли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышать... Что вы делаете. Холмс?

Холмс опустил на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди привязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

— Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок, — заметил он.

— Да, но услышать его никто не мог. Кухня — направо, в противоположной стороне здания.

— Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

— Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

— При прочих равных условиях, — сказал Холмс, — можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это — второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндола, вы без особого труда установите и его сообщников. Рассказ леди полностью подтверждается — если требуются подтверждения — всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

— Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью!

— Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

— Что грабители унесли?

— Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстеса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как это было наверняка задумано.

— Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

— Нервы, видно, хотели успокоить.

— Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

— Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

— Сейчас посмотрим. А это что такое? Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменялся. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

— Как они вытащили ее? — спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

— Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

— Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

— Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструментов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

— Великолепно! — воскликнул Хопкинс.

— Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

— Да, видела.

— Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где обычно напрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндол будет арестован, и вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какая-то мысль. Усилием воли он старался избавиться от ощущения какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, невидящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грейндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся. Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

— Извините меня, дорогой друг, — сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом, — мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как это может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто не могу оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция встают против этого. Все неправильно, готов поклясться, что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело *de novo*, если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону, — неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас — это очень важно, — пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения, давались их приметы. И если бы кто-нибудь решил сочинить версию об ограблении, он мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недосягаемом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

— Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

— Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? А хуже всего эти бокалы.

— Почему?

— Вы можете представить себе их?

— Могу.

— Леди Брэкеистолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

— Нет. Ведь вино осталось в каждом бокале.

— Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет... Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

— Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

— Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того, как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь отстой оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

— Как же вы объясняете этот осадок?

— Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили остатки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда ночью в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному, их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грейндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не отрываясь следил, как подвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка — все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению, Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

— Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив — ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

— Вы уже знаете, кто эти люди?

— Это один человек, Уотсон, один! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев, — вспомните удар, который лопнул кочергу. Рост — шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка — ключ к решению всего дела.

— Не понимаю.

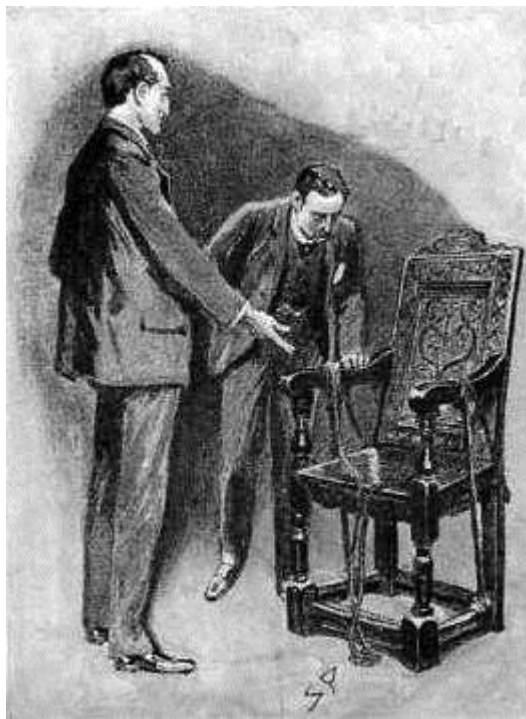
— Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался гораздо ниже?

— Потому что он в этом месте протерся.

— Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Неизвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал шнур ножом. Я не дотянулся: еще оставалось три дюйма до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

— Кровь.

— Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает, что рассказ леди Брэкенстолл — вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло после того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все, что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

— Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках садины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек, — да простит меня бог, что я так говорю о покойнике. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами — ведь ей столько пришлось натерпеться...

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

— Надеюсь, — сказала леди Брэкенстолл, — вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

— Нет, — сказал Холмс очень мягко. — Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание — помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как

к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

— Что я должна сделать?

— Сказать мне всю правду.

— Мистер Холмс?!

— Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слышали когда-нибудь мое имя. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ — от первого слова до последнего — вымысел.

— Какая наглость! — воскликнула Тереза. — Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала? Холмс встал со стула.

— Итак, вам нечего мне сказать?

— Я все сказала.

— Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение изобразилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

— Я больше ничего не знаю.

— Очень жаль. — Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынью, и мы пошли к сторожке привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

— Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен это знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? — сказал Холмс. — Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида — Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце Пэлл-Мэлл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию,

где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроуер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроуер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроуером. Что до его личных качеств, то на работе он исполнительен и точен, но вне службы иногда проявляется его необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, но при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в паровой конторе линии Аделаида — Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотленд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а продолжал сидеть, нахмутив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Черинг-кросс; там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Нет, я не мог этого сделать, Уотсон, — сказал мне Холмс. — Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже не сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

— Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

— А я этого не знал.

— Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

— И вы нашли серебро?

— Нашел.

— Очень рад, что помог вам.

— Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

— Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

— Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

— Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, чтобы спрятать серебро?

— Именно спрятать! В этом все дело! — воскликнул Хопкинс. — Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах ещелюдно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

— Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

— Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

— Разочарование?

— Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндола.

— Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

— Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

— Да, конечно, вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

— Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

— Я вам уже подсказал.

— Что именно?

— Помните, для отвода глаз?

— Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

— Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грейндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

— Жду событий, Уотсон.

— Когда?

— Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

— Я верю вашему здравому смыслу. Холмс.

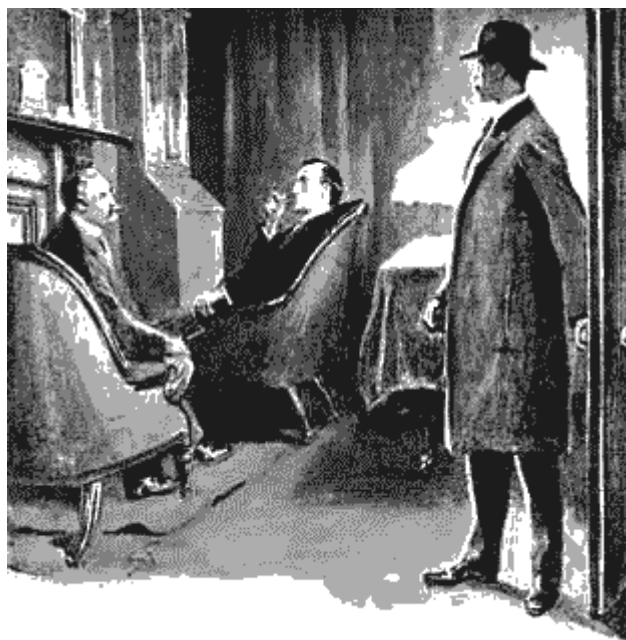
— Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс — лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он — нет. Он должен давать ход всему, что знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

— А когда оно прояснится?

— Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас своей мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

— Садитесь, капитан Кроузер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

— Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу — мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь

предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

— Предложите капитану сигару, Уотсон, — сказал Холмс. — Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно, помогу вам. Нет — пеняйте на себя.

— Что вы хотите от меня узнать?

— Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грейндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

— Рискну! — воскликнул он. — Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер — я не могу назвать ее тем дьявольским именем... Когда я думаю, что навлек на нее беду — а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку, — душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы расстались, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги — кому они подойдут больше, чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднять на нее руку! Да он недостоин лизать ей подошвы! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал привычки обитателей этого дома. Мэри обычно засиживалась с какой-нибудь книжкой в своей маленькой: гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услышал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и — небо свидетель — вели самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой. Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он в живых, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура, чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив в пруд серебро, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс, — истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой...

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал, прошелся по комнате из угла в угол, так же молча пожал нашему гостю руку.

— Вот что, — сказал он затем. — Я знаю, что каждое ваше слово — правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

— Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

— Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

— А потом вы поставите в известность полицию?

— Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

— Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

— Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и, если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер, — подсудимый. Вы, Уотсон, — английский суд присяжных, — я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

— Невинновен, господин судья! — сказал я.

— *Vox populi — vox Dei*¹³. Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

Второе пятно

The Adventure of the Second Stain

First published in the Strand Magazine, Dec. 1904, with 8 illustrations by Sidney Paget, and in Collier's Weekly, Jan. 1905, with 6 illustrations by Frederic Dorr Steele.

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса.

¹³ Глас народа — глас божий (лат.)

Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое. Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики — одним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо заниматься, — я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьер-министра судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

— Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс, — а это произошло сегодня в семь часов утра, — я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам, — сказал он.

— Вы известили полицию?

— Нет, сэр! — сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью. — Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию — значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

— Но почему же, сэр?

— Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

— Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

— Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс... Этот документ — письмо от одного иностранного монарха — был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь. Сплю я чутко, моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

— В котором часу вы обедали?

— В половине восьмого.

— Когда вы легли спать?

— Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

— Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

— В спальню входить не позволено никому, кроме горничной — по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены — в течение остальной части дня. Но эти двое — верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того, ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

— Кто знал о существовании этого письма?

— В моем доме — никто.

— Но ваша жена, конечно, знала?

— Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

— Я всегда знал, как велико ваше чувство долга, сэр, — сказал он. — Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

— Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни одним словом не обмолвился жене об этом письме.

— Могла ли она догадаться сама?

— Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

— А прежде у вас пропадали документы?

— Нет, сэр.

— Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

— Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного.

Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

— Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

— А за границей?

— За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо

убежден, что даже его министры... то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

— А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови:

— Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голубом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком...

— Эти подробности, — прервал его Холмс, — конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

— Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

— Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии, — сказал он, — но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

— Я не привык, сэр... — начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами:

— Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны неразумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

— Я согласен с вами, сэр, — сказал молодой дипломат.

— Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

— Вы можете вполне довериться нам.

— Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной

ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование несомненно взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

— Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

— Вы известили автора письма?

— Да, сэр, была отправлена зашифрованная телеграмма.

— Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

— Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего поступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

— Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

— Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

— Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

— Да, сэр.

— А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

— Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Министр Трелони Хоуп опустил голову на грудь в тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо:

— С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас — вы приняли все меры предосторожности... Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой:

— Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

— Думаю, что она вполне возможна.

— Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

— Это жестокие слова, мистер Холмс!

— Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого — вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недостижимо.

Премьер-министр поднялся с дивана:

— Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

— Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем...

— Они оба — старые и верные слуги.

— Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы,

а из передней в нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

— А зачем ему уезжать? — спросил министр по европейским делам. — Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

— Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это:

— Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не следует из-за этого несчастья забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

— Да, — сказал он, — лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас, необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель, — ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам — казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его... даже если правительству придется увеличить на пенни подоходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытаться свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету:

— Эдуард Лукас с Годолфин-стрит?

— Да.

— Вы не можете повидаться с ним.

— Почему?

— Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

УБИЙСТВО В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Вчера вечером в доме № 16 на Годолфин-стрит совершено таинственное преступление. Годолфин-стрит — одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуард Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших тенов-любителей Англии. Мистер Лукас был холост: ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно по вечерам не работала; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хам Мерсмита. С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годолфин-стрит, заметил, что дверь дома № 16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот

раз ему не ответили. Тогда он отворил, дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула, все еще сжимая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуард Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей.

— Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? — спросил Холмс после долгого молчания.

— Удивительное совпадение!

— Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача — отыскать эту связь.

— Но теперь полиция все узнает.

— Вовсе, нет. Они знают только то, что видят на Годолфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило бы мои подозрения против Лукаса. Годолфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить сведения из дома министра по европейским делам. Это незначительное обстоятельство, но если учесть, что события разворачивались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

— Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда, — сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаровательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога

Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат — она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота — вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостя появилась в раскрытых дверях.

— Был у вас мой муж, мистер Холмс?

— Да, миледи, был.

— Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

— Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева — высокая, грациозная и очень женственная.

— Мистер Холмс, — начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались, — я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно... поверьте, очень важно... чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы — единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

— Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

— Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня — вы должны спросить мужа.

— Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаюсь использовать последнюю возможность. Но если даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

— Какой, миледи?

— Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

— Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма при-
скорбные последствия.

— О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

— Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

— Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

— Но каковы могут быть эти последствия?

— Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не вправе ответить!

— Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

— Ну, Уотсон, прекрасный пол — это уж по вашей части, — улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок. — Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

— Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно...

— Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

— Да, она была очень взволнована.

— Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать все. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

— Да, она выбрала именно это место.

— Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргейте, которую я заподозрил на том же основании. А потом оказалось, что причиной ее волнения было лишь отсутствие пудры на носу. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос... До свидания, Уотсон.

— Вы уходите?

— Да, я проведу утро на Годолфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы — в убийстве Эдуарда Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже представить, какую форму оно примет. Создавать же версию, не имея фактов, большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Ведь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, непрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден.

Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну из них он не был влюблен. У него были неизменные привычки, и он вел спокойный образ жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному, — например, футляр с бритвами — были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годолфин-стрит. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я понимал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

«Парижская полиция, — писала газета „Дейли телеграф“, — сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистера Эдуарда Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годолфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуард Лукас — одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью — в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина привлекла внимание людей, находившихся на вокзале Черинг-кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состоянии рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером

в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение нескольких часов стояла около дома на Годолфин-стрит...»

— Что вы думаете об этом, Холмс?

Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

— Мой дорогой Уотсон, — сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате, — у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать-то было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

— Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

— Смерть этого человека — простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось... нет, оно не могло затеряться... Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают? Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Все против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру... А, вот и последние новости с передовых позиций! — Он быстро взглянул на записку, поданную ему. — Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и когда огромный констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замечательная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры — все свидетельствовало об утонченном, даже изнеженном вкусе хозяина.

— Вы слышали новости из Парижа? — спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул.

— На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь — неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее — нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

— И все же вы прислали за мной?

— Ах, да, это другое дело — маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

— Что же это?

— Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и ночь в квартире дежурил по-

лицейский. Сегодня утром, после того как убитого похоронили и обследование этой комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер... Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили...

— Да? Обнаружили... — Лицо Холмса выражало величайший интерес.

— О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

— Разумеется.

— И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

— Нет пятна? Но оно должно быть!

— Да, вы так думаете. И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

— Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга.

— Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

— Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

— Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

— Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

— Послушайте, Лестрейд, — сказал он, — тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

— Да.

— Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину.

Сделайте все, как я говорю.

— Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! — воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

— Скорее, Уотсон, скорее! — воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения.

Вся сверхъестественная сила этого человека, скрываемая под маской апатии, вспыхнула порывом энергии. Он откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но, вытащив ее, застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

— Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

— Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентельмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

— Уверю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день...

— Ну, и что же случилось?

— Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пущу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла... Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

— А ковра никто не трогал?

— Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

— Это вам урок, констебль Макферсона, чтобы вы не обманывали меня, — важно проговорил

Лестрейд. — Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

— Разумеется, это очень интересно... Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

— Да, сэр, только один раз.

— А как ее зовут?

— Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

— Высокая? Красивая?

— Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» — сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

— Как она была одета?

— Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

— В котором часу это было?

— Как раз начинало темнеть. Зажгли фонаря, когда я возвращался из трактира.

— Очень хорошо, — сказал Холмс. — Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

— Боже мой, сэр! — изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда вышли на улицу, расхохотался.

— Прекрасно! — сказал он. — Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая очень неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

— Вы решили задачу? — воскликнул я.

— Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

— Мистер Холмс! — сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования. — Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

— К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

— Вы... Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

— Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

— Дворецкий проводит вас.

— Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

— Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

— Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете... Благодарю вас.

— Даю вам пять минут, мистер Холмс.

— Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуарда Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

— Вы сошли с ума, мистер Холмс... Вы сошли с ума! — наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

— Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться, — сказал он. — Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

— Послушайте, леди Хильда... Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной — здесь все ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной.

— Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

— Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу — это было напрасно.

Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

— Мистер Трелони Хоуп дома?

— Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

— Еще пятнадцать минут, — сказал он. — Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

— О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! — умоляла она в порыве отчаяния. — Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

— Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

— Вот оно, мистер Холмс... Лучше бы я никогда не видела его!

— Как нам теперь его вернуть? — раздумывал Холмс. — Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

— Все еще в спальне.

— Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

— Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

— Теперь мы готовы встретить его, — оказал Холмс. — У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

— Я расскажу вам все, мистер Холмс! — воскликнула леди.

— О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии забыть или простить бесчестный поступок другого. Помогите мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

— Скорее, миледи, время истекает!

— Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж считал бы его непростительным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я подумала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс! Что я должна была делать?

— Рассказать обо всем мужу.

— Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель; с другой, хоть мне и казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики, что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, сделал второй: ключ. Я открыла

шкатулку, взяла документ и отнесла его на Гододфил-стрит.

— И что произошло там, миледи?

— Я постучала в дверь, как было условлено. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше. В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем... Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

— Что нового, мистер Холмс, что нового? — закричал он.

— У меня есть некоторая надежда.

— Слава богу. — Его лицо просияло. — Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие... Джейкобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

— Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

— Пока только отрицательное, — ответил мой друг. — Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

— Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

— Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

— Мистер Холмс!

— Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

— Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

— А я не уверен, что его вообще взяли.

— Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

— Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

— Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

— Вы заглядывали туда со вторника?

— Нет. Да это совершенно бесцельно!

— Вы могли и не заметить его.

— Послушайте, это невозможно.

— Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

— Письмо лежало сверху.

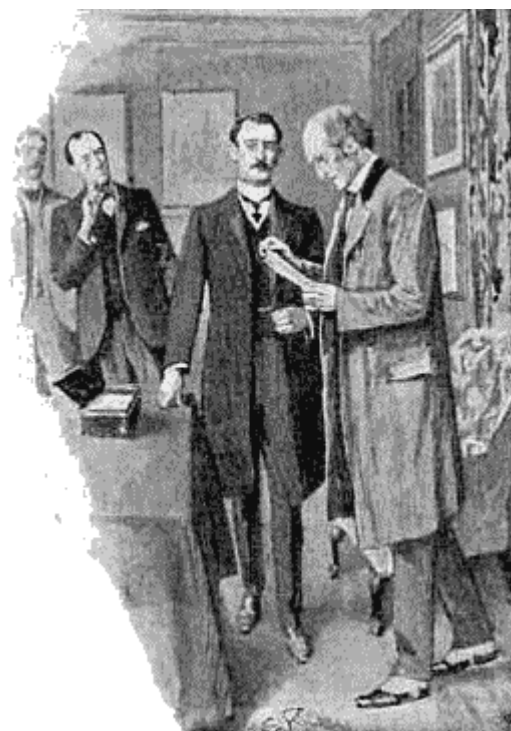
— Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

— Нет, нет, я вынимал все.

— Но это же легко проверить, Хоуп! — сказал премьер. — Прикажете принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

— Джейкобс, принесите мою шкатулку для бумаг... Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовлетворит вас, что ж, проверим... Спасибо, Джейкобс, поставьте ее сюда... Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрс... Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук:

— Да, это оно. И письмо цело... Поздравляю вас Хоуп!

— Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо... невозможно... Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей Откуда вы узнали, что оно здесь?

— Потому что я знал, что больше ему быть негде.

— Не могу поверить своим глазам! — Он стремительно выбежал из комнаты. — Где моя жена? Я должен оказать ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! — услышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

— Послушайте, сэр, — сказал он, — здесь что-то кроется. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих пронизательных глаз.

— У нас тоже есть свои дипломатические тайны, — сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

